

ТХЕРИГАТХА

СТИХИ СТАРШИХ МОНАХИНЪ

ТХЕРИГАТХА

Склоняюсь пред стопами вашими,
о лучший средь богов,
Склоняюсь пред сыном вашим,
лучшим из двуногих,
Героем, рождённым в ваших следах,
Наги Отроком.

ТХЕРАГАТХА

СТИХИ СТАРШИХ МОНАХОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТХЕРАГАТХА

Стихи старших монахов

<i>Предисловие переводчика</i>	8
Одна строфа	29
Две строфы	55
Три строфы	72
Четыре строфы	79
Пять строф	87
Шесть строф	97
Семь строф	110
Восемь строф	116
Девять строф	120
Десять строф	122
Одиннадцать строф	133
Двенадцать строф	135
Тринадцать строф	139
Четырнадцать строф	142
Шестнадцать строф	147
Двадцать строф	152
Тридцать строф	188

Сорок строф	204
Пятьдесят строф	210
Шестьдесят строф	219
Раздел великих строф	229

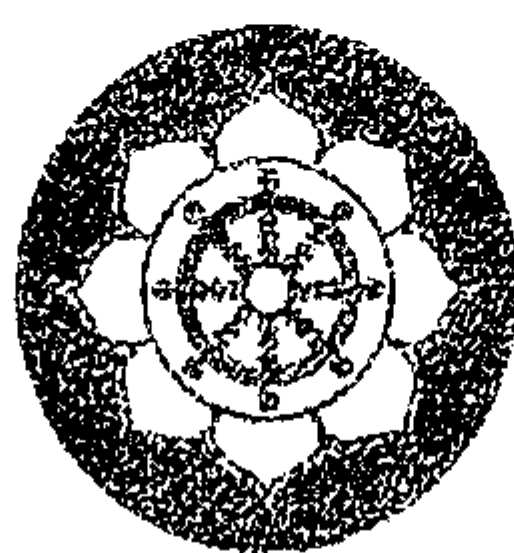
ТХЕРИГАТХА

Стихи старших монахов

<i>Предисловие переводчика</i>	242
Одна строфа	252
Две строфы	257
Три строфы	261
Четыре строфы	266
Пять строф	267
Шесть строф	277
Семь строф	285
Восемь строф	289
Девять строф	291
Одиннадцать строф	293
Двенадцать строф	295
Шестнадцать строф	298
Двадцать строф	301
Тридцать строф	321
Сорок строф	327
Раздел великих строф	335
<i>Примечания</i>	347

Тхерагатха и Тхеригатха

*Стихи старших монахов
и монахинь Будды*

Редактор серии «Самадхи»
Александр А. Нариньяни

Перевод с пали и английского
Евгении Евмененко

Под редакцией
Надежды Лукьянович

МОСКВА • 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

История и комментарии

Тхерагатха («тхера» на языке пали — старейшина, буддийский монах, который принял постриг более десяти лет назад, «гатха» — стих) входит в наиболее древний слой текстов Палийского канона (*Tipitaka*) — «Кхуддака-никаю». Гатхи представляют собой уникальный памятник древней буддийской литературы, авторство которого приписывается бхиккху — буддийским монахам, жившим в основном во времена самого Будды Сакьямуни. Тхерагатха содержит 264 стиха и 1 291 строфу, при этом стихи скомпонованы по размеру: от кратких к длинным, то есть начинаются с одной строфы, а заканчиваются стихотворением в семьдесят четыре строфы. Каждая гатха названа по имени того или иного бхиккху, однако не во всех стихотворениях названный бхиккху является её автором.

Идея перевода на русский язык этих старинных поэм возникла у меня довольно давно — интерес

к раннему буддизму школы Тхеравады («учение старейшин») в России в последние годы всё больше возрастает. Я прошла двухлетний курс обучения пали и получила буддийское образование на острове Шри-Ланка, чтобы в том числе иметь возможность знакомить русскоязычных читателей с оригинальными переводами текстов из Палийского канона.

Гатхи впечатляют своей искренностью: их авторы рассказывают не только о блаженстве Ниббаны, но и о тех препятствиях, которые им встретились на пути. Читая о том, сколько пришлось пережить людям, стремившимся к высшей цели, можно отбросить популярную сейчас идею, что всем первым ученикам Будды освобождение давалось (в отличие от нас!) легко и быстро.

Смысл издания этой книги не только в знакомстве читателей с неким культурным пластом религии Древней Индии и даже не с поэтической эстетикой пали, а в том, чтобы современные люди, которые испытывают доверие к учению Будды, получили бы вдохновение к практике от самых выдающихся его учеников.

Палийское слово «тхера» применительно к авторам стихотворений не всегда относится именно к возрасту бхиккху: согласно буддийским правилам, тхерой является бхиккху с десятилетним стажем, в том числе и вполне молодой человек. Мало того, в Тхерагатхе есть примеры, когда арахантства (Пробуждения) достигали семилетние дети, причём сам факт их упоминания в качестве монахов говорит о том, что ряд стихотворений представляет собой древнейший пласт Типитаки, поскольку

они были написаны ещё до введения запрета на полное пострижение в монахи до достижения двадцатилетнего возраста (правило из Винаи, кодекса монашеской дисциплины).

Говоря о дате создания стихотворений, английский профессор Уордер делает предположение, что нельзя приписывать создание Тхерагатхи только одному периоду: какие-то части её действительно очень древние и создавались во время жизни Будды или сразу после его смерти, а какие-то — в эпоху империи Маурьев (317–180 гг. до н.э.). Соответственно весь период составления текстов занял предположительно около трёхсот лет. Примечательно, что в Тхаг. 920–948 говорится о том, что наступила эпоха упадка и нравы современных монахов разительно отличаются от нравов монахов, которые жили при Будде. В Тхераваде считается консенсусом, что первый раскол в монашеской общине (Сангхе) произошёл спустя примерно пятьсот лет после смерти Будды, и он повлёк за собой разногласия и по поводу сути Учения, и по поводу правил поведения. Исходя из этого, можно предположить, что некоторые стихотворения Тхерагатхи были созданы даже позднее, чем принято считать. При этом большинство из авторов-бхиккху всё же жили при Будде; некоторые из них были его знаменитыми учениками — такие как Ананда Тхера и Сарипутта Тхера, а некоторые вообще упоминаются только в Тхерагатхе и нигде более. Читателей может сбивать с толку то, что в некоторых стихотворениях, очевидно, собраны истории, которые происходили в разное время с разными

героями: гатха может включать элементы биографий нескольких монахов и их высказывания по тому или иному поводу, вроде бы не относящиеся изначально к данному стихотворению. Скорее всего, это свидетельствует о том, что они создавались в различных условиях и задачей составления гатхи не было описать какую-то одну, монолитную по стилю и содержанию историю (хотя такие тоже есть).

В большинстве гатх бхиккху говорит от первого лица и о себе, в некоторых других послание адресовано широкому кругу лиц или рассказывает о другом бхиккху. Сильно варьируется и стилистика: какие-то гатхи очень поэтичны и представляют ценность не только в плане смыслового содержания, но и в литературном отношении; другие написаны простым языком и не претендуют на поэтическую значимость. Многие строфы из Тхерагатхи можно найти в других сочинениях Типитаки. В стихотворениях много повторов, и из одного в другое «кочуют» целые абзацы. Я не нашла исчерпывающего объяснения этому явлению, но можно предположить, что путь к освобождению является «универсальным» и порождает схожие чувства и размышления у разных людей.

К каждому стихотворению существует комментарий, составленный учёным монахом Дхаммапалой, который написал комментарии к множеству произведений из «Кхуддака-никаи» и другим буддийским текстам. Труд носит название «Комментарии Дхаммапалы к Тхерагатхе, известные как „Обретение высшего смысла“». Предполагается, что Дхаммапала жил в VI в. н.э. и был

последователем знаменитого комментатора Аччарии Буддагосы (последний не оставил комментариев к Тхерагатхе и Тхеригатхе).

Я не отношу себя к сторонникам идеи «только Типитака и никаких комментариев», однако после размышлений и переписки с одним из самых уважаемых монахов современности Бхиккху Бодхи, я решила не переводить комментарии Дхаммапалы, но лишь иногда пояснять ими непонятные без этих ремарок стихотворения. Бхиккху Бодхи считает, что если бы русский перевод был адресован профессиональным буддологам, то переводить комментарии было бы необходимым условием, однако широкий круг читателей в этом не нуждается. К. Р. Норман, западный переводчик Тхерагатхи, пишет, что нашёл не один и не два примера несоответствия комментариев содержанию стихов.

При переводе я старалась сохранить поэтическую форму, при этом не охотясь за рифмой в ущерб смыслу и содержанию. Сам язык пали изящен и красив, нередко содержит труднопереводимую игру слов, поэтому моя задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, не потерять языковую эстетику, с другой — сохранить пусть не дословную, но всё же точность перевода.

Часть слов я оставляла непереведёнными, такие как *Ниббана*, *бхиккху*, *арахант*, *джхана* и прочие. Следует помнить, что в России пока не сложилась научная школа палийских переводов, поэтому каждый переводчик использует для тех или иных терминов собственные определения, что нередко может вызвать у читателей непонимание. Самые

часто употребляемые термины я по тексту поясняю комментариями.

Некоторые из гатх были переведены на русский язык ещё в советское время Ю.М. Алихановой, кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником Института восточных культур и античности РГГУ.

На английский язык первый полный перевод Тхерагатхи был сделан более века назад Каролиной Рис Дэвис, британской исследовательницей буддизма. Книга называлась «Псалмы братьев», что уже говорит об аллюзиях к христианству: с одной стороны, переводчик противопоставляет ему ранний буддизм, а с другой — активно использует многие из его терминов. После этого гатхи на английский язык переводились неоднократно, и помимо палийского оригинала я использовала две английские версии, а именно переводы К.Р. Нормана (1969) и Бхиккху Суджато (2014). Перевод Нормана считается наиболее дословным, он сам объясняет это тем, что намеренно отказался от стихотворной формы, потому что авторы-монахи не были поэтами. Перевод Бхиккху Суджато — самый новый из всех доступных (тоже в прозе). Именно доступность своего текста для широкой аудитории он сам выделил важнейшим пунктом, при этом отмечая, что Тхерагатха — наиболее трудная для него часть Типитаки.

Тематика Тхерагатхи

Основная и пронизывающая всю Тхерагатху тема — это поиск пути к освобождению из безначальной круговерти перерождений в различных

мирах сансары, которая сравнивается с огненной ямой, с бездной терзаний; и достижение её противоположности — Ниббаны, имеющей свойства успокоения, угасания омрачений и прекращения цикла рождений и смертей. Путь этот состоит в культивировании трёх основ — добродетели (*sīla*), созерцания или сосредоточения (*saṁādhi*) и мудрости (*paññā*). Добродетель можно вкратце описать так: «Не делать другим ничего, что не желал бы самому себе», то есть развивать доброжелательность, сострадание и соблюдение того, что именуется «благим» в отношении самого себя и других живых существ.

Созерцание в широком смысле включает охрану так называемых дверей чувств (глаза, уха, носа, языка, тела и ума), развитие четырёх основ памятования* (о теле, уме, объектах ума и чувствах) и, наконец, достижение всех четырёх джхан (поглощений ума в глубоком состоянии созерцания или сосредоточения).

Мудрость включает прямое постижение Четырёх благородных истин (о страдании, его причине, прекращении и пути, ведущем к прекращению) и трёх характеристик бытия — непостоянства

* «Памятование» — это перевод палийского слова *sati*, которое этимологически происходит от глагола *sarati*, означающего «помнить». Памятование в буддийском контексте — это способность ума сочетать внимательность в каждом моменте с осознанием того, присутствуют в уме омрачения (в основном влечение и отторжение) или нет. Обычно *sati* переводят как «осознанность», но в свете огромного количества материалов и спекуляций на эту тему в последнее время мне не представляется правильным использовать этот вариант перевода.

(*anicca*), тягостности или страдания (*dukkha*) и безличности (*anatta*).

Благородные истины в Типитаке описаны таким образом (типичное описание):

Вот, монахи, Благородная истина о страдании: рождение есть страдание, старение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание; встреча с неприятным есть страдание, и разлучение с приятным есть страдание; не получать того, чего желаешь, есть страдание; вкратце — пять совокупностей, подверженных цеплянию, есть страдание.

А вот, монахи, Благородная истина о возникновении страдания: это та жажда, что ведёт к перерождению, сопровождающаяся упоением и вожделением, поиск упоения то тут, то там, а именно — жажда чувственных услад, жажда существования, жажда уничтожения.

А вот, монахи, Благородная истина о прекращении страдания: это отбрасывание без остатка, истребление и прекращение этой самой жажды, отказ, освобождение от неё, нецепляние.

А вот, монахи, Благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания, — это Благородный восьмеричный путь: Совершенное воззрение, Совершенное устремление, Совершенная речь, Совершенные деяния, Совершенные средства к существованию, Совершенное усилие, Совершенное памятование, Совершенное сосредоточение.

Ключевым моментом для освобождения является практика укрощения и развития собственного ума.

После достижения Ниббаны араханты с облегчением произносят одну и ту же фразу:

Завершено сансарное блужданье,
и нет рожденья больше для меня!

Тематику поэм Тхерагатхи я разделила (условно, конечно) на десять тем, которые повторяются у разных авторов.

1. Выражение восторга от достижения Ниббаны

В третьей части «Кхуддака-никаи» есть раздел под названием «Удана» (что с пали переводится как «восклицание»), авторство которого приписывается самому Будде. В «Удане» он выражает радость от того, что смог «пробиться» к полному и окончательному Пробуждению. Как и Будда, его ученики радуются освобождению от сансары.

В Тхаг. 16 бхиккху Беллаттхисиса говорит:

Скакун чистокровный с сияющей гривой
По полю гарцует легко, без надрыва;
И я днём и ночью легко практикую;
Я в счастье неплотском живу и ликую.

Здесь не содержится наставлений, но лишь констатируется факт, что все страдания оставлены позади и уже не возникнут вновь.

2. Вдохновение самого себя на практику Дхаммы

Нужно отметить, что не все авторы поэм были арахантами именно в момент написания стихотворения, но каждый из тех, кто ещё не реализовал Ниббану, искренне стремился к ней и испытывал грусть и неудовлетворённость из-за того, что вершина пока оставалась непокорённой. Хотя сама по себе грусть является неблагим качеством ума, в данном случае она служила стимулом и подвигала бхиккху к приложению усилий.

В одном из стихотворений (Тхаг. 1096–1050) бхиккху сначала сокрушается о том, что ему непросто даётся продвижение на пути: он оставил дом и семью, ушёл в отшельничество, но его ум, прежде очарованный перспективой Освобождения, внезапно стал тянуть его назад. Он вопрошает:

О, когда же, заслышав крики сказочного павлина,
Я проснусь в горной пещере,
Направив разум на Неумирающее?^{*}
Когда же, когда это будет?..

После выражения разочарования в своём уме бхиккху вознамеривается решительно усмирить его

^{*} В языке пали одним из эпитетов Ниббаны является слово *amataṃ*, которое обычно переводят на английский язык как *deathless*, *undying*, то есть «бессмертный, не смертный». Я предпочитаю слово «неумирающее», потому что в русском языке бессмертие всё-таки больше ассоциируется с вечной загробной жизнью, неким «царством небесным», в то время как в Ниббане никто не умирает лишь потому, что там никто не рождается.

и не следовать его капризам и мимолётным устремлениям.

3. Личные истории — бхиккху рассказывают отрывки из своей биографии

Так, в Тхаг. 219–221 Аггикабхарадваджа Тхера делится, что прежде он был брахманом по касте и выполнял различные практики, связанные с поклонением огню и самоистязанием. Когда же он познакомился с Дхаммой, он стал «истинным брахманом», то есть тем, кто освободился от всего зла.

В Тхаг. 283–286 бхиккху Джамбука описывает похожую историю: он следовал суровым аскетическим практикам (ел навоз, вырывал волосы на теле) в надежде обрести Ниббану, но этим лишь мучил себя. Известно, что до своего Пробуждения бодхисатта (будущий Будда) Сиддхартха тоже два года истязал своё тело, пока не остановился на Срединном пути.

В Тхерагатхе мы находим истории сына Будды — Рахулы Тхеры (Тхаг. 295–298), серийного убийцы Ангулималы Тхеры, ставшего арахантом (Тхаг. 866–891), великого отшельника Махакассапы (Тхаг. 1055–1094) и других известных учеников Будды.

Многие бхиккху из книги далеко не так известны, как первые ученики Будды, но их истории не становятся от этого менее интересными.

Так, в Тхаг. 557–566 Чулапантхака Тхера рассказывает о своей нелёгкой судьбе: его презирали даже после его посвящения в монашество, а род-

ной брат выгнал из монастыря, потому что он оказался не способен запомнить ни одной строчки из Дхаммы за четыре месяца после своего пострига. Комментарий говорит, что это было следствием плохой каммы (когда-то во времена другого Будды Чулапантхака посмеялся над нерадивым бхиккху, пытавшимся выучить отрывок наизусть). Тем не менее покидать монастырь расстроенный и разочарованный в своих силах бхиккху не хотел и на свою удачу встретил Будду, который вернул его обратно и при помощи искусно выбранного образа в медитации помог ему освободиться. В итоге Чулапантхака не только стал арахантом, но и обрёл различные способности, которые я в книге называю «чудесными» (умение читать умы других людей, вспоминать прошлые жизни, левитировать и т. д.).

Эта и другие биографические истории из Тхерагатхи являют собой образец смелости в самой сложной борьбе — с самим собою — и преодоления всех преград на пути к Ниббане.

4. Выражение почтения трём драгоценностям — Будде как учителю, Дхамме как учению и Сангхе как общине

Три драгоценности (*tiratana*) и принятие прибежища в них знаменуют готовность ученика следовать Благородному пути, а после его завершения становятся символом победы над сансарой.

Одна из самых известных сутт Канона на эту тему, «Ратана-сутта», говорит: «Под тёплыми

лучами зацвели деревья, высоко к небу устреми-
ли они свои верхушки, все в цвету: так и учение
Будды, ведущее к спокойствию Ниббаны, устрем-
лено к высшему благу. Верное сокровище обрели
мы в Будде; истиной, им возвещённою, воцарится
блаженство!».

В Тхерагатхе мотив восхищения Тремя драго-
ценностями звучит очень часто, потому что только
освобождённый от всех страданий человек спосо-
бен оценить, насколько ценно и значимо было то,
что сделал для него Будда, открыв Дхамму.

В Тхаг. 47 бхиккху Уджая Тхера восклицает:

Почтение тебе, о Пробуждённый!
Ты полностью избавлен от цепей;
И я живу в твоей обители свободной,
И нет во мне земных страстей.

В Тхаг. 94 другой бхиккху вторит ему:

Хвала тебе, о Бхагаван,
Сын Сакьев славный;
Ты учишь высшему, ты высшее несёшь,
Изречена прекрасно твоя Дхамма!

Многие бхиккху называют себя «сынами Буд-
ды», его сородичами, брахманами, «рождёнными
из уст Благословенного» (аллюзия к извест-
ной метафоре о том, что брахманы, в отличие
от представителей других каст, рождаются из уст
Брахмы).

В Тхаг. 818–841 описан диалог брахмана Селы
с Буддой, где первый сначала предлагает ему стать

мирским монархом, но в ходе беседы проникается верой и вместе с ещё несколькими сотнями мужчин становится монахом. Очевидно, им всем за очень короткое время (за одну неделю) удалось реализовать благородные плоды, после чего они обратились к Будде с такими словами:

Наставник Пробуждённый, победитель Мары,
Ты вырвал корень омрачений всех;
И, перебравшись на Тот берег,
Теперь другим ты помогаешь.

5. Наставления другим монахам и мирянам

В Тхерагатхе довольно силён дидактический посыл: авторы стихов дают другим людям советы по тренировке ума и призывают к их усердию, побуждая стремиться к преодолению всех препятствий. Порой эти наставления могут выглядеть скучновато, но, если вспомнить о том, от кого они исходят, следует отнестись к ним внимательно. В основном опытные монахи советуют другим развивать нравственность, помнить о скоротечности жизни и необходимости использовать оставшееся время с пользой, об опасности чувственных наслаждений, об ужасах рождения в низших мирах, о необходимости почитать учителей и следовать их наставлениям, медитировать, правильно выбирать себе друзей.

Так, в Тхаг. 147–148 говорится о важности дружбы с хорошими людьми, без которой «потонешь в лени, пусть даже сам и добродетелен». В Тхаг. 494–501 автор советует не рваться к богатству и славе,

но памятовать о непостоянстве и смерти, развивая неустанное усилие. Похожее наставление мы находим в Тхаг. 153–154:

Таится в обретениях великая опасность,
Пусть их страшится он;
Пусть он довольствуется малым,
Живя в скитаниях, в ясном памятовании.

Призывы к развитию умеренности, мягкости, дружелюбия звучат во всей поэме:

Пусть других он не судит, не гонит,
Против них не возводит навет;
Голос свой против тех,
Кто берега иного достиг, не возвысит;
Пусть себя сам он не восхваляет,
Будет мягок в речах и тих.
(Тхаг. 209–219)

6. Восхищение природой, жизнью отшельника

Воплощение раннего буддийского идеала — это бхиккху, который всегда доволен, спокоен и умиротворён, несмотря ни на какие внешние обстоятельства (холод, жару, насекомых, диких зверей, недостаток пищи и т. д.). Это человек, достигший совершенства в обуздании самого себя и неподвластный восьми мирским заботам (обретение и утрата, слава и дурная репутация, похвала и порицание, удовольствие и боль).

Блаженен ум того, кто достигает джханы,
И жизнь в уединенье для него не в тягость;
Блаженен ум познавшего ученье Бхагавана,
Коснувшегося высшего, что ясно и чисто.
(Тхаг. 211–212)

Бхиккху с упоением описывают красоту окружающей природы — великолепие горных вершин и рек, безмятежность просторов, что противоречит распространённому мнению о том, будто арахант становится равнодушен ко всему и теряет способность воспринимать красоту мира.

«Да и как не восхититься яблоневыми деревьями, что растут у реки, подле моей пещеры?» — вопрошает бхиккху в Тхаг. 307–310.

Красноречивое описание счастья жизни араханта содержится в Тхаг. 842–865, где Бхаддия Тхера рассказывает о своём оставлении всего мирского и теперь ликует, одетый в обноски и питающийся остатками пищи.

7. Борьба с искушениями Мары

Мара в буддизме означает пять совокупностей цепляния (*pañcīrādānakhandha*), которые схематично описывают условное живое существо: форму, или тело (*rūpa*), сознание (*viññāṇa*), восприятие или распознавание (*saññā*), чувство (*vedanā*) и волевые конструкции (*saṅkhāra*).

Однако Мара — это ещё и могущественный дэва, или божество, который удерживает существ в зоне своего влияния и пытается помешать им

освободиться. Можно сказать, что Мара является олицетворением трёх корней небагого — жажды, злобы и неведения (*lobha, dosa, moha*), которые удерживают людей в сансаре, а также смерти как таковой.

В Тхаг. 355–359 бхиккху грозит своему собственному уму:

Я крепко свяжу тебя, ум,
Привяжу, как слона к воротному столбу;
Не буду тебя отпускать я
Злу и страстям навстречу.

Пронзительную историю о противостоянии Маре рассказывает нам бхиккху Саппадаса (Тхаг. 405–410), который, несмотря на двадцать пять лет жизни в монашестве, не смог обрести ни покой ума, ни отрешение от жажды. Он пришёл к выводу, что такая жизнь ему хуже смерти, и решил покончить с собой, однако в самый трагический момент смог достичь Ниббаны.

8. Необходимость развития доброжелательности и сострадания к живым существам

Буддийский путь немыслим без культивирования доброго отношения к другим — это полный отказ от причинения вреда, а также практика так называемых Четырёх безмерных, или Брахма-вихар (обителей Брахмы), — доброжелательности, сострадания, равносности (беспристрастности) и радости за других (сорадования) (*metta, karuna, upekkha, mudita*).

В Тхерагатхе многократно подчёркивается, что очищенный, безмятежный ум араханта не способен омрачиться даже тенью злости или гнева.

В Тхаг. 33 Сопака советует смотреть на всех существ с любовью, подобно матери, желающей добра своему ребёнку (сравните с тем, что говорит Будда в знаменитой сутте «Доброжелательность» (СнП 1:8) о матери, готовой отдать жизнь за своего единственного сына):

Как мать добра своей кровинушке желает,
Своему сыну,
Своему единственному сыну, —
Так каждый пусть на всех существ взирает.

В Тхерагатхе можно легко увидеть, что благожелательность распространялась не только на людей, но и на животных и других существ. Например, в Тхаг. 597–607 Санкичча говорит о том, что проводит дни по соседству с дикими зверями, способными вызвать страх и желание от них избавиться, однако у него не возникает даже мысли о причинении им вреда.

Ананда Тхера, один из великих учеников Будды и верный его помощник, заявляет (Тхаг. 1018–1054), что с тех пор, как он встретился с Дхаммой четверть века назад, в его уме не возникало ни капли злости.

9. Непривлекательность тела и его обманчивая природа

Привязанность к своему телу и к телам других (конечно, речь прежде всего о противоположном

поле) — одна из серьёзных помех на пути к Освобождению. Неблагое внимание к красоте оказывается преградой для развития сосредоточения и мудрости, поэтому в гатхах часто говорится о необходимости культивации бесстрастия к телу.

Прежде всего бхиккху должен осознать, что телесная привлекательность — лишь иллюзия, не имеющая никакого основания, потому что по своей природе тело нечисто и непривлекательно.

Нечистое, в болезнях всё, гнилое,
Со всех сторон оно сочится нечистотами;
Любимая глупцов утеха.
(Тхаг. 393–395)

Видеть непривлекательное как красивое — это одно из искажений восприятия, возникающее из-за жажды чувственных удовольствий. В произведении нередко делается акцент на то, что в действительности тело не только лишено красоты, но ещё и пустотно и иллюзорно.

Так, бхиккху Раттхапала в Тхаг. 769–793 приводит живописные сравнения:

Взгляни на эту вычурную куклу —
Нечистое собрание частей,
Что двигаются суматохой мыслей,
Ни в чём не находя опоры твёрдой.

Взгляни на эту вычурную куклу,
Каменьями увешанную и серьгами;

Скелет, что в кожу был обёрнут,
Красив лишь одеянием на нём.

10. Размышления о непостоянстве и бренности жизни

«Сквозным» мотивом через всю Тхерагатху звучит глубокое разочарование в обычной жизни и желание выйти за её пределы.

Сам молодой царевич Готама, осознав неизбежность увядания и смерти, а стало быть, и разлуки со всем, что дорого и любимо, оставил семью и богатый дом ради поисков того, что не подлежит разрушению. Ему вторят и его последователи (Тхаг. 145–146):

Скоротечна юдоль земная,
Век у смертных похож на родник,
Что, журча, так легко высыхает.

Повторяя идею изменчивости и хрупкости любого существования, Сивака (Тхаг. 183–184) восклицает:

Увы, непостоянны все жилища!
Искал я долго их творца.
Так горестно рождаться вновь и вновь.

Страдание (*dukkha*) становится пусковым механизмом для начала так называемого *благородного поиска* (*ariyapariyesana*), когда человек, сам

подверженный старению, болезням и смерти, отказывается искать то, что имеет такую же природу, но направляет себя на искание имеющего противоположные свойства (не-старения, не-болезни, не-смерти).

Только Ниббана отвечает этим критериям.

Евгения Евмененко
2021

ОДНА СТРОФА

1. Субхути Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Ум теперь свободен, не трепещет,
Могут боги слать свои дожди¹.

2. Махакоттхита Тхера

Сам он умиротворён, спокоен,
И, другим напутствие послав,
Он отринул зло в себе, как вихрь,
Что срывает листву дубрав.

3. Канхаревата Тхера

Мудрость Татхагаты² ты познай,
Что подобна пламени сиянью,
Что собою озаряет ночь
И уничтожает все сомненья.

4. Пунья Тхера

Пусть другом будет тот лишь,
Кто вежлив, мудр, кто к цели устремлён,

Хоть и сложна, тонка и глубока она;
Благоразумный, усердный в созерцанье.

5. Дабба Тхера

Я необуздан был, но смог себя смирить,
Преодолеть все страхи и сомненья;
Я — победитель, бесстрастный,
Достигший Пробужденья.

6. Ситавания Тхера

Пришёл в прохладную рощу бхиккху
В одиночестве, успокоении;
Оставил он ума смятение,
Храня о теле памятование³, уверенный.

7. Бхаллия Тхера

Войско Мары⁴ в бегство обратив,
Как поток смывает тростниковый мост,
Трепет в сердце навсегда он прекратил,
Победитель, в Ниббане пребывает, непоколебим.

8. Ви́ра Тхера

Он, прежде непокорный, — покорён,
Герой, шагнувший за пределы треволнений;
Отбросив колебанья,
Сумел достичь Ниббаны он.

9. Пилиндавачча Тхера

Ушла печаль — пришла отрада,
Несполезен данный мне урок;

Из всех вещей на свете Дхамма —
Лучшая награда.

10. Пуннамаса Тхера

Он тягу к миру полностью отбросил,
В покое, ясности живя;
Он ни к чему на свете не стремится,
Познав начало и кончину бытия.

11. Чулавачча Тхера

Бхиккху, упиваясь Дхаммой,
Что Будда возвестил,
Достигнет покоя, где составное распадается,
Не находя пристанища себе.

12. Махавачча Тхера

К мудрости устремлённый,
Добродетелями одарённый;
Внимательный, вкушая сладость джхан⁵;
Имея ясный ум, простую пищу,
Свободный от страстей,
Он ожидает часа своего.

13. Ванавачча Тхера

Облака в синеве горят, переливаются,
Прохладные чистые водопады
освежают меня;
Мне радостно смотреть на вершины гор,
На божьих коровок,
Что летают тут и там.

14. Сивака Тхера

Наставник мне сказал: «Давай уйдём отсюда!».
В деревне я телом, умом же в лесу
Я только прилёт, но опять иду —
Туда, где нет цепляний для знающего.

15. Кундадхана Тхера

Отринув пять,
Построил пять⁶;
Он от пяти избавился,
Поток преодолевший, бхиккху.

16. Беллаттхисиса Тхера

Скакун чистокровный с сияющей гривой
По полю гарцует легко, без надрыва.
И я днём и ночью легко практикую;
Я в счастье неплотском живу и ликую.

17. Дасака Тхера

Праздный обжора, с бока на бок катается,
Словно боров, объевшийся зерна;
Глупец тот снова в лоно возвращается,
Неведома Ниббана для него.

18. Сигалапиту Тхера

В лесу Бхекасала жил отшельник,
Что в проходящих формах видел лишь скелеты⁷.
Он близок к разрушению вожделенья,
Так я говорю.

19. Кундала Тхера

Каналов строитель подчиняет воду;
Лучник — стрелы;
Плотник — дерево;
Мудрец — укрощает свой ум⁸.

20. Аджита Тхера

Не пристрастившись к жизни
И к смерти не стремясь,
В памятовании и ясном постижении
Оставляю это тело.

21. Нигродха Тхера

Я не пугаюсь даже самого испуга,
Неумирающее наставник мне открыл;
Путь восьмеричный трепета меня лишил.

22. Читтака Тхера

Павлины, прелестники синие с горделивыми
шеями,
Взволнованные бриза прохладным дуновением;
Кричат во весь голос,
Пробуждают спящих к джхане.

23. Госала Тхера

Отведав риса с мёдом,
Я в созерцанье пребываю,
Наблюдаю, как совокупности⁹,
возникая, исчезают.

К уединенью ум склоняя,
К холмам своим я возвращаюсь.

24. Сугандха Тхера

Один сезон дождей —
И я монахом стал,
Я Дхаммы истину на опыте познал.
Три знания открылись для меня¹⁰,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

25. Нандия Тхера

Ты атакуешь бхиккху —
Того, чей ум сияющ, безупречен;
Так, Злой,
Ты кличешь беды на себя¹¹.

26. Убхая Тхера

Внимая наставленьям Сына Солнца¹²,
Проник я в то, что трудно, утончённо;
Так тонкий волосок стрела пронзает.

27. Ломасакангия Тхера

Сквозь заросли трав и камышей прорываясь,
К уединенью лишь стремлюсь я.

28. Джамбугамика Тхера

Интересуют ли тебя одеяния,
Украшения, благовония?
Источаешь ли ты аромат добродетели?..

29. Харита Тхера

Разбей неведение, Харита,
И сделай ум прямым;
Так лучник выпрямляет свои стрелы.

30. Уттия Тхера

Коли явилась хворь ко мне —
Я памятование возвращать берусь;
Коли явилась хворь ко мне —
Не время безрассудным быть.

31. Гахваратирия Тхера

Непросто пребывать в лесу,
Где гнус и мошкара терзают бхиккху.
Но должен он снести и это,
Как великан,
Всё сокрушающий на поле битвы.

32. Суппия Тхера

Я увядающее заменю на Неумирающее,
Я променяю пламя на прохладу,
Свободу от страстей,
Непревзойдённую свободу от всех уз.

33. Сопака Тхера

Как мать добра своей кровинушке желает,
Своему сыну,
Своему единственному сыну, —
Так каждый пусть на всех существ взирает¹³.

34. *Посийя Тхера*

Из селения в лес, а по пути жилище,
Где всегда готовы страннику подать;
Пищу я беру не в долг и ухожу,
Мне сегодня тут не почивать.

35. *Саманьякани Тхера*

Алкая благоденствия, его он обретает,
И весть о нём летит благая —
О том, кто идёт благородных стезёй,
В Неумирающее путь указан прямой.

36. *Куманутта Тхера*

Учиться — это благо, странствование — благо,
Жизнь бесприютная всегда отрадна;
И, предназначенное исполняя,
Делами добрыми отшельник тот живёт,
Ничем в мире не владея.

37. *Кумануттасаяка Тхера*

Бродить средь призраков и башен разных стран,
Влекомым необузданным умом, —
Такая ль жизнь к спасению ведёт?
Не лучше ль усмирить желанья пониманьем,
Что добродетель к счастью ведёт?

38. *Гавампати Тхера*

Течение вод Сарабху он остановил,
Устойчивый и непоколебимый,

Великий Муни, что оковы скинул,
Достигший берега¹⁴ иного, дэвами любимый.

39. Тисса Тхера

Словно пронзён копьём,
Словно объят огнём,
Бхиккху, пребывая в памятовании,
Ведёт жизнь святую для разрушения желаний.

40. Ваддхамана Тхера

Словно пронзён он копьём,
Словно объят он огнём,
Бхиккху, пребывая в памятовании,
Ведёт святую жизнь
Для разрушения жажды к существованию.

41. Сириваддха Тхера

Молнии, гости из Поднебесья,
Бьют в расщелины Вебхары и Пандавы¹⁵,
Благословенного сын ликует,
Постигший неподвижность джханы.

42. Кхадиравания Тхера

Чала, Упачала и Сисупачала,
Будь вдумчив!
Тот, кто держит копьё,
К тебе пожаловал уже¹⁶.

43. Сумангала Тхера

Свободным будучи от трёх кривых вещей —
От плуга, от серпа, лопаты¹⁷.

И будь они все здесь,

Я вновь бы их оставил.

Сумангала, в уединенье созерцай,

Поспешность и беспечность ты оставь.

44. Сану Тхера

Они рыдают по усопшим и пропавшим.

О мама!

Я не пропал, я жив —

Зачем тогда ты причитаешь?¹⁸

45. Раманиявихари Тхера

Скакун чистокровный, и ногу подвернув,

Гарцует в поле горделиво;

Таков и я, прозрение обретший,

Верный сын Так Ушедшего¹⁹.

46. Самиддхи Тхера

Исполненный веры, покинул жилище,

Стремящимся к мудрости бездомным я стал;

Устойчив мой ум теперь в созерцании,

И формы любые не несут колебаний.

47. Уджая Тхера

Почтение тебе, о Пробуждённый!

Ты полностью избавлен от цепей;

И я живу в твоей обители свободной,
И нет во мне земных страстей.

48. Санджая Тхера

Я дому предпочёл скитанья,
И с той поры святой
Ни мысли я в себе не видел злой,
Ни устремления дурного.

49. Раменанеяка Тхера

Средь гомона и щебетанья птиц
Мой разум больше не дрожит,
Уединенья ищет лишь.

50. Вимала Тхера

Зарево земля отражает,
В ивах уставший ветер скучает.
Трепета мысль теперь лишена,
Собран мой ум уже навсегда.

51. Годхика Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Ум мой хорошо сосредоточен,
Могут боги слать свои дожди.

52. Субаху Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;

Ум мой направлен на памятование о теле,
Могут боги слать свои дожди.

53. Валия Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Я пребываю в непрерывном усердии,
Могут боги слать свои дожди.

54. Уттия Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Я пребываю в уединении,
Могут боги слать свои дожди.

55. Анджавания Тхера

В лесу Анджана маленькая хижина,
И, в ней живя,
Три знания открыл я для себя,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

56. Кутивихари Тхера

Кого бережёт эта хижина?
Бхиккху, свободного от страсти,
Чей ум хорошо сосредоточен.
Друг мой!
Не зря ты её построил.

57. Второй Кутивихари Тхера

Хижина твоя стара,
И ты желалась новую;

Ты лучше позабудь о том —
Лишь тягость от неё²⁰.

58. Раманиякутика Тхера

Хижина мила и приятна,
Подарена она из веры мне;
А юных дев краса мне не отрадна,
И пусть они забудут обо мне.

59. Косалавихари Тхера

В бхиккху постригся я из веры,
Свой дом на чащобу сменил.
Я бдителен стал неусыпно,
Памятование прочно храня.

60. Сивали Тхера

Мой замысел в явь воплотился,
Когда я хижины своей достиг.
И самомнение²¹ вдруг испарилось —
Освобождения бесценный миг.

61. Ваппа Тхера

Зрячий знает тех, кто зрит,
Кто не зрит — тех знает тоже.
Незрячий не знает тех, кто зрит,
Тех, кто не зрит, — не знает тоже.

62. Ваджипутта Тхера

В дикой роще живём мы одни,
Как поленья, брошенные в лес.

Многие завидуют нам,
Как мученики ада — божествам небес.

63. Паккха Тхера

Погрязли в жажде,
Возрождаясь вновь и вновь.
Но необходимое теперь исполнено,
То, что радостным казалось, — стало:
Достигнуто чрез счастье счастье.

64. Вималаконданнья Тхера

Я возник в женщине,
Что названа в честь дерева была.
Обрёл рождение благодаря тому, чьё знамя сияет;
Знаменем уничтожено великое знамя²².

65. Уккхепакатавачча Тхера

Вачча отверг то,
Что долгие годы воздвигал.
Восседает он, вознесённый радостью,
Наставляя в этом домохозяев.

66. Мегхия Тхера

Он наставлял меня,
Герой великий,
Что вышел за пределы всех явлений.
Слушая его, я с памятованием внимал:
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

67. Экадхаммасавания Тхера

Разрушены пороки,
Изжиты муки становленья;
И больше не манят пути сансары,
Здесь остановлены все воплощенья.

68. Экудания Тхера

Скорбь не берёт того,
Кто мудр, кто бдителен,
С возвышенным умом,
Умиротворён и помнит.

69. Чанна Тхера

Познав сладчайший вкус той Дхаммы,
Что Буддою всеведущим открыта,
Вступил я странником на путь
 к Неумирающему,
Непревзойдённой свободе от всех уз.

70. Пунья Тхера

Добродетель — это высшее,
Но мудрость к ней ещё нужна.
Кто мудр и добродетелен — воистину
Зовётся лучшим на земле и небе.

71. Ваччхалала Тхера

Ниббана по силам тому,
Кто истину тонкую зрит,
Кто скромн,

Кто разум свой держит в узде
И кто благонравен и добр.

72. Атума Тхера

Сильный молодой бамбук не вырвать.
Так и с женою молодой, в дом приведённой,
Постриг не принять.
Дай мне уйти, оставить жизнь мирскую.

73. Манава Тхера

Я встретил трёх:
Один был стар,
Второй был тяжело болен,
А третий мёртв —
Так я монахом стал
И страстное желание отбросил²³.

74. Суяма Тхера

Страсти, враждебность,
Праздность и лень,
Сомнения и тревоги —
Бхиккху оставил это всё.

75. Сусарада Тхера

Общение с мудрыми приятно,
Сомнения рушатся,
А проницательность растёт;
Даже глупец, быть может, мудрость обретёт.

76. Пиянжаха Тхера

Спокойным быть, когда другие в треволненьях,
Не следовать порочному пути;
Там, где стоят они, — идти,
Не ликовать, когда они ликуют.

77. Хаттхарохапутта Тхера

Мой ум блуждать любил,
Скитаться по заманчивым местам.
Теперь он под моим надзором —
Погонщик укрощает так слона.

78. Менадасира Тхера

Блуждал я долго по сансаре,
Не находя исхода;
И вот конец мытарствам —
Достиг Ниббаны я.

79. Раккхита Тхера

Враждебность, вожделение, неведение забыты.
Достигнув прекращения,
Я успокоился в Ниббане.

80. Угга Тхера

Деяния мои, большие или малые,
Все они пришли к своему концу;
Нет для меня возрождения вновь.

81. Самитигутта Тхера

Всё сотворённое мною дурное
Будет испытано здесь и сейчас;
Больше рождений не будет,
Огонь сансары угас.

82. Кассана Тхера

Иди вперёд, дитя,
Без страха,
Здесь подаянье ждёт.
Не позволяй кручине завладеть тобой²⁴.

83. Сиха Тхера

Не будь беспечным, Сиха,
Днём и ночью бдительность храня.
Взрасти благие качества,
Отринь все привязанности.

84. Нита Тхера

Всю ночь он спит,
А днём в компании ликует.
Когда же малоумный
Мученьям положит конец?

85. Сукага Тхера

Образы ума познав,
В уединении сладость находя,
Он погрузился в созерцанье.
Осознан он и бдителен —
Так счастья высшего достигнет.

86. Нагита Тхера

Дорога к Ниббане показана нам Бхагаваном²⁵,
Другим неведома она.
Его ладони полностью открыты²⁶,
Поистине великому он учит.

87. Павиттха Тхера

Я бытие любое в клочья разорвал,
Все совокупности познал я в полной мере;
Завершено блуждание в сансаре,
И новых нет рождений для меня.

88. Аджуна Тхера

Из вод на сушу выбраться я смог;
Потоком уносимый бурным,
Сумел я истину узреть.

89. Патхамадеваса Тхера

Болота, грязь — всё позади,
Бездны Паталы²⁷ преодолены;
Я спасся от наводнения и оков,
Сомнение разрушив всё.

90. Самада Тхера

Пять совокупностей распознаны,
Ведь вырван самый корень их;
Завершено блуждание в сансаре,
И нет рождений больше для меня.

91. *Паритунья Тхера*

Мне Дхаммы вкус прекрасней
Самого затейливого блюда.
Будда Готама наставлял нас,
Обладатель безграничного виденья.

92. *Виджая Тхера*

Влечения его уничтожены,
Пища его не манит,
Участь его — свобода,
Лишённая образов, пустотная.
Тропу его, как в небе птицы след²⁸,
Трудно разглядеть.

93. *Эрака Тхера*

Болезненны страсти, Эрака,
Не сладки страсти, Эрака;
Кто страсти рад — тот рад страданию, Эрака,
Кто не рад, тот не рад страданию, Эрака.

94. *Меттаджи Тхера*

Хвала тебе, о Бхагаван,
Сын Сакьев славный;
Ты учишь высшему, ты высшее несёшь,
Изречена прекрасно твоя Дхамма!

95. *Чаккхупала Тхера*

Разрушены глаза мои, я слеп²⁹,
Забрёл в пустыню я.
Пусть мне ползти придётся,

Но всё вперёд я устремляюсь,
С людьми дурными дружбы сторонюсь.

96. Кхандасумана Тхера

Подарив цветок один лишь,
Долго на небесах я ликовал;
А теперь я в прохладе Ниббаны.

97. Тисса Тхера

Бронзовую чашу, золотую чашу
Обменял на глиняную я,
Словно рождение новое приняв.

98. Абхая Тхера

Приятному вниманье уделяя³⁰,
Он памятование разрушает.
Наблюдая формы с умом пылающим,
Оковы умножает,
Что ведут к новым блужданиям.

99. Уттия Тхера

Приятному вниманье уделяя,
Он памятование разрушает.
Слыша звуки с умом пылающим,
Оковы умножает,
Что ведут к новым существованиям.

100. Девасабха Тхера

Ревностный, прикладывающий усилия,
С памятованием, хорошо установленным,

Он сорвёт цветок освобождения,
Достигнув Ниббаны, без омрачений.

101. Белаттханика Тхера

Оставив дом, но не имея решимости,
Словно боров, роющий рылом зерно,
Ленивый, прожорливый,
Глупец окажется в утробе вновь.

102. Сетучча Тхера

Самомнением зачарованный,
Гоняясь за приобретениями,
Идеями наполненный³¹ —
Недостижимо самадхи для него.

103. Бандхура Тхера

Вкусом Истины я наслаждаюсь,
Слаще его ничего не бывает;
Вновь и вновь им упиваюсь,
Отравы вкус не принимаю.

104. Кхитака Тхера

Поистине легко моё тело,
Окутано восторгом и счастьем³²,
Парит в воздухе,
Словно пушинка.

105. Малитавамбха Тхера

Кто недоволен — тот не должен оставаться,
Кто радуется — должен тот уйти;

Не место проницательному в обителях,
Что не подходят для его пути.

106. Сухеманта Тхера

Когда у вещи сто характеристик,
Увидеть лишь одну — знак недомыслия.
А сто увидеть —
Значит мудрым стать.

107. Дхаммасаватта Тхера

Вознамерившись, оставил дом,
Ушёл бродить я.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

108. Дхаммасаванитту Тхера (отец)

В сто двадцать лет монахом стал³³.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

109. Сангхараккита Тхера

Хоть в место тайное ушёл он,
В ученье, что дано
Учителем с великим состраданием,
Он не вникает —
Живущий без охраны чувств³⁴,
Детёныш, брошенный один в лесу.

110. Усабха Тхера

Вздымаются ввысь верхушки,
Славно омыты свежими ливнями;

Милы они сердцу Усабхи,
Что один живёт в тихих обителях.

111. Джента Тхера

Отшельником быть нелегко,
И в доме жить — трудно,
Учение Сугаты³⁵ глубоко.
Стяжание богатств — трудно,
Поддерживать жизнь тягостно,
Надобно памятовать о непостоянстве.

112. Ваччаготта Тхера

С тремя знаниями,
Искусный в джханах,
Умелый в обуздании ума,
Свое предназначение исполнил я в ученье
Татхагаты.

113. Ванавачча Тхера

Чистые воды, дикие утёсы,
Зверей прогулок место;
Покрытые мхом,
Горы эти услаждают мой взор.

114. Адхимутта Тхера

С телом тяжёлым,
В поисках радостей плотских:
Жизнь утекает сквозь пальцы —
Отшельником станешь ли тут?

115. Маханама Тхера³⁶

В горах Несадаки
С их деревьями и кустарниками,
С их великими вершинами
Найден ты недовольным.

116. Парасария Тхера

Шесть сфер контакта он отбросил
И, охраняя двери чувств,
Смиранный,
Вырвав корень бедствий,
Освободился от оков.

117. Яса Тхера

Благоуханный, наряженный,
Драгоценностями украшенный³⁷ —
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

118. Кимбила Тхера

Проклятье старости захватывает нас,
И тело выглядит иначе;
Хотя внутри всё тот же,
Но будто бы иным я стал.

119. Ваджипутта Тхера

Под корнями деревьев в дебрях,
Храню Ниббану в сердце;
Созерцай, Готама, не будь беспечен!
К чему тебе гам и щебет?

120. Исидатта Тхера

Пять совокупностей познаны,
Корень их вырван;
Конец горестей настал,
Оковы все разрушены.

ДВЕ СТРОФЫ

121–122. Уттара Тхера

Любое бытие не вечно:
Из частей сотканное изменчиво,
Рождается оно и погибает.

Об этом зная,
Бытие отринул я;
Я сладострастие отбросил,
Оковы все разбил.

123–124. Пандолабхадваджа Тхера

От пищи тело зависит,
Но сердце пища не уймёт;
Так видя,
Я на поиски ушёл.

Почёт и слава как болото:
Как трудно вынуть тонкую стрелу —
Так трудно отказаться от почёта
Тому, кто скверен и дурён.

125–126. Валия Тхера

Обезьянка к хижинам
С пятью дверьми бежит;
Носится туда-сюда,
Колотит в двери.

Стой, мартышка!³⁸
Тут всё не так, как прежде;
Здесь обитает ныне мудрость,
И далеко тебе не убежать.

127–128. Гангатирия Тхера

Хижина моя из листьев пальмовых,
На Ганга берегу приютилась;
Чаша моя — горшок с похорон,
Чивара³⁹ — из выброшенных тряпок соткана.

Два дождливых сезона молчал,
Не вымолвил я ни слова⁴⁰;
На третий неведение рассеял,
Бездну тьмы озарив всецело.

129–130. Аджина Тхера

И даже пусть достиг он трёх заветных знаний,
Покончил с роковым уделом смертных —
Глупцы не чтят в миру свободных от оков.

Кто смог дары стяжать, тот будет здесь
прославлен,
Глупцами восхваляемый наперебой,
Пусть даже полностью испорчен он;
Так испокон веков у них заведено.

131–132. Меладжина Тхера

О, несравненный, всеведущий Будда,
Как я услышал Учение твоё,
Ни тени сомненья во мне не родилось.

О возникший, герой великий,
Как я узнал о пути благородных,
Ни тени сомненья во мне не родилось.

133–134. Радха Тхера

Как в дом с дырявой крышей
Свободно льётся дождь —
Так страсти будоражат твой неокрепший ум.

Покрой же крышу ты надёжной черепицей —
Утихнут страсти
И твой ум угомонится.

135–136. Сурадха Тхера

Покончено с рожденьями,
Победоносного исполнено учение.

Не зря оставил дом родной,
Не зря скитальцем стал,
Оковы все я разорвал.

137–138. Готама Тхера

Спокойно спит мудрец,
Он не влечётся к жёнам;
Так истину непросто обрести,
Что надобно стеречь её.

Убили сладострастие,
Мы ныне без долгов⁴¹;
Успокоились в Ниббане,
Где не бывает никаких терзаний.

139–140. Васабха Тхера

Других убивая,
Ты губишь себя;
Как птицелов пойман в сети свои же.

Брахман сияет не вовне —
Сияет он внутри;
Творящий зло непригляден в мире.

141–142. Махачунда Тхера

Слушаешь Дхамму — и мудрость растёт,
А с ней проясняются цели;
Достигнешь вершины —
Блаженство придёт.

В уединении спасайтесь от пут,
В памятовании пребывая, ум охраняя!
А если уединение вам не мило,
Живите в Сангхе, охраняя двери чувств.

143–144. Джотидаса Тхера

Жестокие, с пылающим умом,
В силки поймать стараются других;
Но возвернётся всё на кон,
И не исчезнет зло их.

Что ни творил бы человек,
Благое дело иль дурное,

Он будет пожинать плоды своих деяний.
Сквозь жизни многих тысяч лет
Наследует он счастье с горем.

145–146. Хераннакани Тхера

Дни и ночи похожи на миг:
Скоротечна юдоль земная,
Век у смертных похож на родник,
Что, журча, так легко высыхает.

Зло творя, скудоумец не знает:
Будет горек вкус тех плодов,
Семя которых сейчас он сажает.

147–148. Сомачитта Тхера

На утлом судне ты в пучине тонешь,
А с нерадивым дружбу заведя,
Потонешь в лени, —
Пусть сам и добродетелен.

Ищи себе благого друга,
Кто знает в созерцанье толк;
Кто мудр, осознан, благороден,
Усерден и от мира отрешён.

149–150. Саббамитта Тхера

Связаны люди с людьми,
Люди от людей зависят;
Терзают люди людей,
Гонимы одни другими.

Что ищешь в людях ты,
Что толк тебе от них?

Ты сторонись людей,
Терзающих других.

151–152. Махакала Тхера

Черна эта женщина, словно ворона,
Кости ломает одну за другой⁴².
Уродует руки и ноги, крушит голову,
Как будто из глины горшок.
Раскиданы кости пред ней.

Глупец очарован цепляньем,
Творит лишь страданья себе,
Рождаясь на этой земле.
О, пусть, кто не хочет страданий,
Отринет цепляния все.
О, пусть я не буду лежать
С разбитою, как горшок, головою
На этой кровавой земле!

153–154. Тисса Тхера

С обритой головою он,
В чиваре,
Врагов нажить рискует,
Бродя за подаяньем.

Таится в обретениях великая опасность,
Пусть их страшится он;
Пусть он довольствуется малым,
Живя в скитаниях, в ясном памятовании.

155–156. Кимбила Тхера

В прекрасной роще сыны Сакьев⁴³,
Оставив всё богатство,

Тому лишь рады,
Что в чашу положили им.

Пылки в усердии
И непоколебимы,
Ликуют в Дхамме,
Все мира радости им не милы.

157–158. Нанда Тхера

С вниманьем необузданным
Я к украшениям тянулся,
В волненье шатком
Одержим страстями был.

Из состраданья поведал мне о Дхамме
Потомок славный Солнца.
Практиковал усердно я ради разрушения
желаний,
И ум свой обуздать я смог.

159–160. Сирима Тхера

Коль воспевают того,
Чей ум блуждает,
Не стоит восхваленье это ничего.

Коли хулят того,
Чей ум стреножен,
То лживо и напрасно осужденье то.

161–162. Уттара Тхера

Познаны пять совокупностей,
Жажда вся разрушена.

Семь звеньев Пробуждения⁴⁴ возвращены,
Влечений не найти во мне.

Познав пять совокупностей,
Распутал я все сети.
Семь звеньев Пробуждения возрадив,
Без влечений, успокоился в Ниббане.

163–164. Бхаддаджи Тхера

Панадой звали короля⁴⁵,
Злата колонна его в тысячу локтей
Имела сто горящих украшений,
Знамёнами была она покрыта.

С тысячами плит,
Украшенные шарами,
Шесть тысяч музыкантов божественных
Танцевали здесь.

165–166. Собхита Тхера

В памятовании, в мудрости,
В усердии и бдительности живя,
За ночь одну вспомнил я пятьсот эпох.

Взрадив четыре основы памятования,
Семь звеньев Пробуждения,
За ночь одну вспомнил я пятьсот эпох.

167–168. Валлия Тхера

Что суждено тому, усердия кто полон,
К Покою устремлён, —

То будет свершено.
Взгляни! Сил много у меня.

Ты указал мне путь, к Неумирающему ведущий.
Смогу пройти его я,
Как Ганг, достигнув моря,
Безбрежность познаёт.

169–170. Витасока Тхера

Я волосы свои решил обрить,
К брадобрею придя;
Взяв зеркало,
Я тело рассмотрел своё.

Каким пустым оно явилось мне!⁴⁶
Был прежде слеп, но смог рассеять эту тьму.
Был вырван с корнем клочок волос,
И возрождения нет больше для меня.

171–172. Пуньямаса Тхера

Оставив пять преград для избавленья от оков,
Как в зеркало,
Я в Дхамму заглянул,
Дабы увидеть всё, как есть оно.

Исследовал я тело снаружи и изнутри,
Каким пустым оно явилось мне!

173–174. Нандака Тхера

Как породистый конь, споткнувшись,
Тут же на ноги снова встаёт —
Помня о неотложности,
Неустрашимый бхиккху бремя своё несёт.

Так и вы меня, люди, помните —
Зоркого в мудрости,
Ученика Благословенного,
Сына истинного его.

175–176. Бхарата Тхера

Вперёд, Нандака, мы к наставнику идём,
И львиным рыком его мы призовём,
Лучшего из тысяч Пробуждённых.

Заветной цели мы достигли той,
Ради которой Муни из состраданья
Принял нас в монахи, —
Освободились мы от бремени и пут.

177–178. Бхарадваджа Тхера

Как лев рычит в пещере горной,
Так рыком возвещает истину герой,
Что Мару разгромил и его войско.

Учитель дождался меня,
Честь была отдана Учению и общине,
Счастливы видеть я сына свободным от влечений.

179–180. Канхадинна Тхера

Ученье слушал долго я,
Людей премудрых навещал;
Они наставили меня на путь прямой,
Прочь от гибели ведущий.

Развенчана вся страсть к существованию,
Исчезла и не возникнет она вновь.

181–182. Мигасира Тхера

В монашество уйдя,
Под знаменем Всецело Пробуждённого
Я страсти все преодолел.

Узрел сам Брахма мой свободный ум,
Незыблемо моё освобожденье.
Оборваны теперь оковы все.

183–184. Сивака Тхера

Увы, непостоянны все жилища!
Искал я долго их творца.
Так горестно рождаться вновь и вновь.

Эй, погляди, творец, ты найден!
Ты больше не построишь дом.
Стропила сломаны его,
Конёк на крыше сброшен.
Ум, предела достигший, угаснет
прямо здесь⁴⁷.

185–186. Упавана Тхера⁴⁸

Арахант, пришедший во благо мира,
Захворал болезнью ветра.
Коли есть у тебя вода, о брахман,
Принеси её для Муни!

Принесу я воду тому,
Кого почитают достойные почтения,
Кому оказывают почести достойные
почестей,
Кому подносят дары достойные даров.

187–188. Исидинна Тхера

Знавал я домохозяев, ученья знатоков:
 «Непостоянны страсти!» — они заявляли,
 Но радовались серьгам и украшениям,
 Очарованные жёнами и детьми.

Хотя учения и не постигают,
 «Непостоянны страсти!» — пустословят;
 Отринуть вожделенье сил им не хватает,
 Прилеплены к жёнам, детям и добру.

189–190. Самбулакаччана Тхера

Открой хляби небесные, о дэва!
 Греми громом и шли свои молнии!
 Живу я в пугающем логове,
 Но испуга и трепета нет во мне.

Моё обычное место —
 Это пугающее логово,
 Но испуга и трепета ныне нет во мне.

191–192. Кхитака Тхера

Чей ум подобен неколебимой скале,
 К наслаждению не льнущий,
 Не мятущийся среди мятущихся?
 Может ли страданье поразить того,
 Чей ум навеки укрощён?

Мой ум подобен неколебимой скале,
 К наслаждению не льнущий,
 Не мятущийся среди мятущихся.
 Не может страданье поразить того,
 Чей ум навеки укрощён.

193–194. Сона Потирияпутта Тхера

Не для сна эта ночь
С её звёздными ожерельями и лунными дворцами,
Эта ночь для бодрствования того,
Кто знает.

Даже если в сражении слон сбросит меня,
А другой лесной великан растоптать захочет,
Умереть для меня будет лучше,
Чем сдаться.

195–196. Нисабха Тхера

Отбросив пять качеств вожделенья,
Приятные формы, что ум услаждают,
Он из веры отрёкся от мира,
Чтоб конец положить тяжким бедам своим.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь,
Как воин верный ждёт приказа.

197–198. Усабха Тхера

Накинув на плечо чивару цвета манго⁴⁹,
Я на слоне за подаением в деревню прибыл.

Сойдя с него, я трепет испытал.
Затем мой ум спокойствие обрёл,
Все омрачения былые вмиг исчезли.

199–200. Каппатакура Тхера

Малый Рис-И-Тряпка — действительно тряпка!⁵⁰
Место это создано для созерцания,

Словно ваза хрустальная,
Наполненная нектаром Неумирающего.

Не дремли же, Тряпка,
Я снесу тебе ухо!
Дремать в самом центре Сангхи?
Ничему не научился ты тут!

201–202. Кумаракассапа Тхера

О Будда! О Дхамма!
О Мáстера благословение!
Здесь каждый может истину узреть.

Бесчисленные эпохи они обретали «личности»⁵¹,
И вот конец скитаниям;
Нет больше гибели в сансаре,
Как нет и нового рождения.

203–204. Дхаммапала Тхера

Отшельник юный, преданный Учению,
Не спит среди спящих он,
Поистине не тщетна его жизнь.

Пусть, Дхамму вспоминая,
Он развивает веру, чистоту,
Прозренья в сердцевину.

205–206. Брахмали Тхера

Чьи чувства умиротворены,
Как кони у хорошего возничего?
Кто самомнение отбросил, омраченья,
Кому теперь завидуют и боги?

Мои чувства умиротворены,
Как кони у хорошего возничего.
Оставил самомнение, отбросил омрачения,
Теперь я тот, кому завидуют и боги.

207–208. Могхараджа Тхера

Ты внешне неказист⁵², но ум могуч твой,
Ты выглядишь всегда таким спокойным.
Однако зимней ночью, тёмной и сырой,
О бхиккху, что ты будешь делать?

Я слышал, что Магадха хранит зерна запасы.
Я постелю себе постель
Под крышей из соломы —
Там жить я стану, непоколебимый.

209–210. Висахапанчалапутта Тхера

Пусть других он не судит, не гонит,
Против них не возводит навет;
Голос свой против тех,
Кто берега иного достиг, не возвысит;
Пусть себя сам он не восхваляет,
Будет мягок в речах и тих.

Легка Ниббана для того,
Кто в силах цель столь тонкую увидеть;
Чья мысль благая,
Кто добродетелен и следует заветам Татхагаты.

211–212. Чулака Тхера

Кричат прекрасные павлины,
Ласкают взор хвосты и голубые шеи,

И улаждають слух их песни и призывы;
Чудесна земля, увитая травой;
Волшебна небо со стадами облаков.

Блаженен ум того, кто достигает джханы,
И жизнь в уединенье для него не в тягость;
Блаженен ум познавшего ученье Бхагавана,
Коснувшегося высшего, что ясно и чисто.

213–214. Анупама Тхера

Заносчивый ум, на улады ты падох,
Сам себя ты этим проучишь;
Бродишь там, где расправы лишь ждут.

Называю тебя я злодейским,
Вероломным, о ум!
Нашёл я учителя, которого найти нелегко,
Не уводи меня прочь от моих устремлений.

215–216. Ваджита Тхера

Скитался долго я по этой круговерти —
То в одном уделе, то в другом,
Не зная истин благородных, —
Простолюдин, окутанный мглой.

Но я решительно пресёк извечные скитания,
Завершено сансарное блуждание,
И больше нет рождений для меня.

217–218. Сандхита Тхера

Под деревом Бодхи,
Зелёным и цветущим,

В памятовании пребывая,
Я сделал восприятие своё единым
с образом Будды.

Случилось это тридцать калып назад,
Когда я сделал восприятие единым с образом
Будды.
Исходом стало то, что я уничтожил все влечения.

ТРИ СТРОФЫ

219–221. Аггикабхарадваджа Тхера

Искал я чистоты и огненной стихии поклонялся⁵³,
Не ведая в Неумирающее чистого пути,
Лишь плоть напрасно истязал свою.

Но, к счастью, через счастье я сумел добраться⁵⁴,
И в этом Дхаммы совершенство.

Я прежде в Брахмы дивный мир попасть старался;
Теперь я истинный брахман —
Тот, кто сумел очистить разум свой;
Трёх знаний обладатель,
Свершивший омовение,
В таинства посвящённый, сведущий.

222–224. Паччая Тхера

Пять дней назад в отшельники постригся.
С блуждающим умом, что цели не достиг,
Ступил в своё жилище я,
Алая очищенья.

Ни есть, ни пить не буду
И на пол не прилягу,

Уединение своё я не оставляю,
Покуда меня ещё терзают стрелы жажды.

Ты погляди!

Три знания открылись для меня,
Усердием непоколебимым
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

225–227. Бакула Тхера

Кто сделать после собирается то,
Что сделать нужно было давно,
Тот себя участи лишает благой,
Горько каяться будет о том.

Пусть говорит лишь об устремлении твёрдом,
О том, в чём не уверен, — пусть молчит;
Мудрец раскусит пустомелю,
Что лишь бахвалиться горазд.

Блаженна Ниббана,
Возвещённая Всецело Пробуждённым!
Беспечальна она, изъянов лишена,
Незыблема,
Всех страданий знаменует предел.

228–230. Дхания Тхера

Кто в отшельнической жизни благополучия желает,
Пусть чивару, общины снедь и питьё
Он не презирает.

Кто в отшельнической жизни благополучия желает,
Пусть змеёй в своей норе (в жилище) обитает.

Кто в отшельнической жизни благополучия
желает,
Пусть довольным будет всем,
Что здесь он получает.

231–233. Матангапутта Тхера

«Нам жарко, нам зябко, уж поздно», —
Твердят, кто не хочет трудиться,
Момент упуская хороший.

Кому зной и холод — лишь травинки,
Те должное исполняют,
Благополучие их уже близко.

Сквозь заросли прорываясь
Колючек и жёстких кустов,
Стремлюсь я к уединению.

234–236. Кхуджасобхита Тхера

Один из ярких краснословов Паталипутты,
Отшельник со многими знаниями,
Старый Кхуджасобхита стоит в дверях.

Один из ярких краснословов Паталипутты,
Отшельник со многими знаниями,
Старый Кхуджасобхита стоит в дверях,
Обдуваемый ветром.

В отважной борьбе, в славной победе,
В приношении жертвы,
Путём чистой жизни достиг он счастья.

237–239. Варана Тхера

Кто существам живым вредит,
Тот проиграет в этом мире и в другом.

Кто дружелюбен к существам,
Кто сострадает им,
Тот создаёт заслуги для себя.

Пусть учится произносить он благотворные слова,
Пусть помогает он отшельникам,
В уединенье пребывает,
Пестуя ума успокоенье.

240–242. Пассика Тхера

Среди семьи своей лишь я один
Стоял в Ученье твёрдо,
Разумен был и добродетелен
Семье родной на благо.

Я домочадцев пристыдил,
Из сострадания
О гибельной опасности напомнил.

Монахам помогая без корысти,
Родная мать и братья в обителях небесных
 возродились,
Среди богов вкушая счастье.

243–245. Ясоджа Тхера

Его колени узловаты, как стебли калы;
Он худ, прозрачны его вены;

Умерен он в принятии пищи,
Отшельник с собранным умом.

Москитами терзаемый в лесах дремучих,
Он сносит тяготы, усердный в памятовании,
Как слон могучий на поле битвы.

Один — как Брахма,
Вдвоём — словно дэвы,
Втроём — как деревня,
Больше же — толпа⁵⁵.

246–248. Сатиматтия Тхера

Вчера ты верой обладал,
Сегодня веры не сыскать.
Что принадлежит тебе — твоё,
Себя мне не в чем упрекать.

Шатка и зыбка уверенность людей:
Была и вдруг прошла.
Зачем же мне грустить о том?

Для Муни припасена еда
То в этом доме, то в другом;
И должен я идти за ней,
Покуда силы есть в ногах.

249–251. Упали Тхера

Дом родной из веры покинув,
Новичок-бхиккху друзей благих пусть ищет —
Чистых, не ленивых.

Дом родной из веры покинув,
Новичок-бхиккху, живущий в Сангхе,
Пусть следует всем предписаньям дисциплины.

Дом родной из веры покинув,
Новичок-бхиккху пусть возвращает благие
качества в себе;

Зная, что достойно, а что — дурно,
Бродит, ничем не потревоженный.

252–254. Уттарапала Тхера

Был прозорлив я и легко покоя достигал,
Но страсть, проклятье мира,
Меня пронзила.

Пусть стрелы Мары,
Владыки смерти, так остры —
Мне удалось спастись от яда их.

Страстям всем положил конец,
Покончил я всецело с ними;
Завершено блужданье по сансаре,
И нет рождений больше для меня.

255–257. Абхибхута Тхера

Услышьте, близкие,
Коль здесь вы собрались!
Я возвещу вам Дхамму:
Так горестно рождаться вновь и вновь.

Проснитесь и от мира отрекитесь!
Внемлите Победителя ученью,
Разбейте войско Мары,
Как слон ломает хижины из тростника.

Тот, кто Учение неустанно практикует,
дисциплину, —
Тот прекратит блуждание в сансаре,
Конец страданиям положит.

258–260. Готама Тхера

Я падал в низшие миры,
Блуждая по сансаре.
Голодным духом становился сотни раз,
Я часто мучился в животном царстве.

Порою же рожденье человеком обретал,
Я даже и в обителях небесных побывал;
Был в мире форм, и бестелесным дэвом,
И в мире с восприятием, и без него⁵⁶.

Все сферы познаны, не найдена в них сердцевина,
Дрожат, пустые, сотканные из частей;
Познав, что созданы они лишь мной самим⁵⁷.
Так, памятующий, достиг покоя я.

261–263. Харита Тхера

Идентична 225–227. Бакула Тхера

264–266. Вимала Тхера

Друзей дурных избегая,
Общайся только с лучшими людьми;
Советам их с почтением внимай,
Что помогают счастья вечного достичь.

Под ветхим парусом в волнах морских потонешь,
А с нерадивым дружбу заведя,
Потонешь в лени, —
Пусть даже сам и добродетелен.

Ищи себе благого друга,
Кто знает в созерцанье толк;
Кто мудр, осознан, благороден,
Усерден в Дхамме и от мира отрешён.

ЧЕТЫРЕ СТРОФЫ

267–270. Нагасамала Тхера

Наряжена, увешана камнями,
Надушена, украшена венками,
Под музыку, прекрасная, танцует у дороги.

Я, мимо проходя за подаяньем,
Её увидел,
Обволакивающую танцами своими.
Подумалось мне: «Это смерти западня».

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг пронзило.

Освободился ум —
О, как чудесна Дхамма!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

271–274. Бхагу Тхера

Вялостью охваченный⁵⁸,
Вышел я из хижины;

Встав на тропинку,
На землю свалился.

Я руки и ноги растёр и поднялся,
Шагая назад и вперёд,
Свой разум умиротворяя.

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг пронзило.

Освободился ум —
О, как чудесна Дхамма!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

275–278. Сабхия Тхера

Не знают многие о гибели грядущей,
Но тот, кто ведает о ней, —
Тот брани всякой сторонится⁵⁹.

О смерти позабыв,
Как вечные себя ведут;
Но тот, кто в Дхамме прозорлив, —
Тот не больной среди больных.

Деянья злые,
Нарушенье предписаний,
Запятнана та праведная жизнь, —
Всё это не даёт благих плодов.

Тот, кто почтения к отшельникам лишён,
Далёк от Дхаммы,
Как далека земная твердь от неба.

279–282. Нандака Тхера

Будь кляты те зловонные тела,
Забавы Мары;
Сочатся тут и там они
Девятью нечистыми струями.

Не вовлекайся непомерно в тело,
И пробуждённых не хули;
Не надобны им даже небеса —
Что ж говорить здесь о юдоли скорбной?

Пустоголовые, неведением объаты
И одержимы мыслями о теле,
Они в капкане Мары,
Пленённые всецело им.

Но кто отринул страсть и гнев,
Неведение оставил,
Тот больше не в узде,
Он телом не заморожён.

283–286. Джамбука Тхера

Я больше полувека жил в грязи и пыли,
Питался лишь раз в месяц,
И вырывал я волосы на теле и лице.

Стоял я на одной ноге,
Присесть не соглашаясь.
Я ел навоз,
Хорошую же пищу отвергал.

Так жил я,
Устремясь к дурному назначенью,

Рискуя смытым быть великим наводнением,
Я к Будде за прибежищем пришёл.

Гляди на тех, прибежище кто получил,
Гляди на истинную Дхамму!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

287–290. Сенака Тхера

Благостен весенний праздник в Гайе —
Я Совершенного там встретил,
Дхаммы знатока,

Сияющего, Учителя людей и богов,
Того, кто наилучшее принёс,
Кто в Истину прозрел,
Славный Победитель.

Великий слон, герой этого мира,
Сиянье яркое его.
Низвергнувший оковы,
Поистине Бесстрашный.

Я пребывал во мраке долго,
Опутан был воззрениями,
Что ложны оказались,
Освободил меня, Сенаку, он от кандалов.

291–294. Самбхута Тхера

Глупец торопится, когда уместно медлить,
И мешкает, где торопиться надо;
Не зная суть вещей,
К страданию лишь идёт.

Удача ускользает,
 Как убывает поздняя луна.
 И средь друзей он уважение теряет,
 Чуждаются они его.

Мудрец спешит, когда спешить пора,
 Он замедляется, когда приходит время медлить.
 Он, зная суть вещей,
 Шагает к счастью.

Удача прибывает,
 Как растущая луна.
 Среди приятелей всегда в почёте он,
 Они стремятся рядом с ним идти.

295–298. Рахула Тхера

По двум причинам я известен как Рахула,
 Удачливый⁶⁰:

Одна — я Будды сын родной,
 Вторая — обрёл я око Дхаммы.

Разрушены оковы, и новых нет рождений,
 Я — арахант, достойный подношений,
 Со знанием тройным,
 Неумирающее я постиг.

Кто страстью ослеплён,
 Окутан мглой, —
 Тот пойман Марой,
 Безрассудности товарищем,
 Как рыба на крючок.

Я, вырвав с корнем губительную жажду,
 Освободился от цепей Владыки смерти,
 Постиг Ниббаны высшую прохладу.

299–302. Чандана Тхера

Вся в золоте, со слугами,
С ребёнком на руках,
Жена моя приблизилась ко мне⁶¹.

Её увидел я,
Мать чада моего,
Одетую в шелка,
Как Мары западню.

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг пронзило.

Освободился ум,
О, как чудесна Дхамма!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

303–306. Дхаммика Тхера

Охраняет Дхамма того, кто следует ей,
Ведёт к счастью её практика,
Что хорошо возвращена.
Кто следует Дхамме — минует дурные уделы.

Дхамма и не-Дхамма приводят к разному:
Ложное учение низвергает в ады,
Истинное — в небеса устремляет.

Пусть будет он решителен,
Пусть следует он Дхамме,
Находит радость в качествах Сугаты.
Стоят в Ученье твёрдо его ученики,
Найдя прибежище в Законе наивысшем.

Вырвана с корнем жажда,
 Волненья улеглись.
 Положен конец скитаниям,
 Как полная в небе луна, он чист.

307–310. Саппака Тхера

Когда журавль с крыльями белыми,
 Испугавшись туч грозовых,
 Спасенья ищет в расселине укромной,
 Река Аджакарани приводит в восторг меня.

Когда журавль, изящный, белоснежный,
 Испугавшись туч грозовых,
 Не находит спасенья и в глубоких пещерах,
 Река Аджакарани приводит в восторг меня.

Да и как не восхититься яблоневыми деревьями,
 Что растут у реки,
 Подле моей пещеры?

Ускользнув от змей ядовитых, квакают лягушки:
 «Не время покидать горные ручьи,
 Река Аджакарани безопасна, прелестна».

311–314. Мудита Тхера

В монашество придя ради спасенья жизни⁶²,
 Обрёл я веру и прилежным стал,
 Стараясь из последних сил.

Сгниёт пусть тело,
 Иссохнет плоть,
 Сломаются колени —
 Мне всё равно теперь!

Не стану больше есть я,
Не буду спать и покидать жилище
И не прилягу даже,
Покуда страсти стрелы всё ещё меня терзают!

Усердствуя так в Дхамме,
Я жил в уединенье.
Узри мою решимость!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

ПЯТЬ СТРОФ

315–319. Раджатта Тхера

Придя на кладбище, увидел
Труп женщины:
Небрежно брошенный,
Съедаемый червями.

Друзья все в отвращенье отвернулись,
Во мне ж вдруг вожделение проснулось:
Так слеп я был,
Гниющее желая тело.

Недолго это длилось,
За это время даже риса не сварить.
Но, памятование и постижение ясное установив,
В уединенье я ушёл.

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг пронзило.

Освободился ум,
О, как чудесна Дхамма!
Три знания постигнуты,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

320–324. Субхута Тхера

Занимаясь неверною йогой⁶³,
Искомого он не находит,
Раз за разом твердит:
«Это знаки в небе дурные».

Дать уйти одной беде, что победила, —
Это словно выиграть в кости;
Но всему дать уйти — как ослепнуть
И не ведать, что тонко, что — грубо.

Пусть говорит лишь о намерении твёрдом,
О том, в чём не уверен, — пусть молчит;
Мудрец раскусит пустомелю,
Что лишь бахвалиться горазд.

Как цветок, что прелестен и взор восхищает,
Но при этом не благоухает,
Такова речь на слух приятная,
Но при этом пустая и бесплодная,
Коли изрекающий её слова своего не исполняет.

Как цветок, что прелестен и взор восхищает,
И при этом благоухает,
Такова речь на слух приятная,
Приносящая пользу,
Коли изрекающий её слово своё исполняет.

325–329. Гиримананда Тхера

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Здесь живу спокойно я у леса,
Могут боги слать свои дожди.

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Здесь живу я в мире с остальными,
Могут боги слать свои дожди.

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Здесь живу я, от страстей свободный,
Могут боги слать свои дожди.

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Здесь живу я, победив враждебность,
Могут боги слать свои дожди.

Хижина уютна под навесом,
Не гуляют в щелях сквозняки;
Здесь живу, неведение рассеяв.
Могут боги слать свои дожди.

330–334. Сумана Тхера

С надеждой на моё усердие
Учил меня наставник Дхамме;
Неумирающим вдохновлённый,
Свершил я то, что надобно.

Познал я истину мира,
На других не полагаясь.
За грани сомнений я вышел,
Об этом теперь заявляю.

Я вспомнил прошлые обители свои
Очищенным божественным оком
И прибыл к назначенной цели,
Что дарит чистое Учение.

Отбросив оковы сомнений,
Усердный, умелый в прозрении,
Закон в совершенстве познал я,
Нет для меня новых рождений.

Ты наставлял меня в Учение благородных,
Теперь признательности полон я к тебе —
Тому, кто с сочувствием в сердце.
Не зря ты это делал — я верный твой ученик.

335–339. Ваддха Тхера

Хорошо меня мать подтолкнула вперёд⁶⁴;
Напутствиям её внимая,
Усердный,
Достиг я Пробужденья высшего.

Даров достойный арахант
Со знанием тройным
Неумиращее постиг,
Разбив войска Намучи⁶⁵.

Нет зла и загрязнений внутри меня и вне:
Исчезли без остатка
И не воскреснут вновь.

Сестра моя сказала

Мудрая:

«В тебе, как и во мне, нет больше жажды».

Страдания закончены,
Завершено извечное блужданье;
Покончено с рожденьями, смертями,
Нет более рождений для меня.

340–344. Надикассана Тхера

О, благо мне:
Узрел я Татхагату,
Пришедшего на реку Неранджару.
Его учение услышав, отбросил я дурные взгляды.

Я прежде жертвоприношенья совершал,
Слепой, невежественный простолюдин.
И поклонялся я огню,
Стремясь достигнуть чистоты.

Неведения мраком был окутан,
Неверными ученьями объят,
Слепой, не ведающий истины.

Я взгляды лживые отринул,
Рождений и смертей нет больше для меня,
За это возношу хвалу я Татхагате —
Тому, кто поклонения достоин.

Всё неведение разрушено,
Жажда к бытию оставлена.
Завершено извечное блужданье,
Нет более рождений для меня.

345–349. Гайякассана Тхера

Я трижды в день ходил купаться:
С утра, к полудню и на закате дня.
Я омовенье совершал в Гайе
На празднестве в честь весны.

Что б ни творил дурного —
Водою смою всё сейчас, —
Таких держался я воззрений⁶⁶.

Услышав Дхаммы славные слова,
Искусное внимание установил.
Ясна мне стала истинная цель.

Я, смыв всё зло с себя,
Стал чист и беспорочен.
Наследник своего учителя,
Сын Будды настоящий.

Нырнув в поток восьмеричный,
Я вырвал корень зла.
Три знания постигнуты,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

350–354. Ваккали Тхера⁶⁷

Терзаемый сильным ветром,
Среди дремучего леса,
Где пищу так трудно найти,
О бхиккху, что будешь ты делать?

Окутав тело радостью и счастьем,
Снося то, что трудно вынести,
Так жить я стану среди дремучего леса.

Взращая основы памятования,
Духовные способности и силы,
Взращая семь звеньев Пробуждения, —
Так жить я стану среди дремучего леса.

Видя товарищей, что рады стараться,
К цели устремлены, благоразумны и дружны,
В спокойствии и собранности, —
Так жить я стану среди дремучего леса.

Вспоминая Благословенного,
Усилия не ослабляя,
Ни днём и ни ночью не лентясь, —
Так жить я стану среди дремучего леса.

355–359. Виджитасена Тхера

Я крепко свяжу тебя, ум,
Привяжу, как слона к воротному столбу.
Не буду тебя отпускать я
Злу и страстям навстречу.

Связанный, не вырвешься ты,
Как слон, не нашедший ворот.
Не уведёт тебя Мара!
Не бродить тебе больше, о ум,
Тут и там, радуясь дурному.

Как погонщик с железным крюком,
Укрощая слона молодого,
Заставляет его против воли вертеться, —
Так и я одолею тебя.

Как возничий скакуна усмиряет,
Искусным будучи в сём деле,
Толк зная в чистокровных лошадях, —
Так и я, овладев пятью силами,
Усмирю тебя!

Я свяжу тебя памятованием,
Я полон решимости приручить тебя;
Усмирённый моим непрерывным усердием,
Не убежишь ты далеко теперь, ум.

360–364. Ясаданта Тхера

С умом придирчивым ученью Победителя
внимая,
От Дхаммы нерушимой он далёк,
Как далека земля от неба.

С умом придирчивым ученью Победителя
внимая,
В Дхамме нерушимой скудеет он,
Как луна на небе убывает.

С умом придирчивым ученью Победителя
внимая,
Он в Дхамме нерушимой увядает,
Как рыба высыхает в мелком ручейке.

С умом придирчивым ученью Победителя
внимая,
Он в Дхамме нерушимой не процветает,
Как порченное семя в земле не прорастает.

Кто же с умом возвышенным ученью Победителя
внимает,
Тот загрязнения свои уничтожает,
Непоколебимое открыв.
Достигнет он покоя высшего,
Незапятнанный,
Познает он Прохладу.

365–369. Сонакутиканна Тхера

Я постриг принял высший,
От всех влечений свободный;
Видел Бхагавана я
И даже жил под одной крышей с ним.

Ночь проведя под звёздами,
Зная толк в обителях,
Вошёл в обитель Бхагаван⁶⁸.

Расстелив верхнее одеяние,
Сделал себе место для отдыха,
Подобно царю зверей в пещере.

Без дрожи тела и волненья сердца,
Во имя лучшего из Будд,
Сона, его приверженец,
Провозгласил Дхаммы славные слова.

Пять совокупностей познав,
Путь пестуя прямой,
Достиг высшего покоя мудрец.
Он, разорвав оковы,
Обрёл Ниббану.

370–374. Косия Тхера

С почтением наставнику внимая⁶⁹,
Пусть он, рядом с ним живя,
В любви к нему лишь возрастает.
Затем он, преданный и мудрый,
Сможет явления все различать.

И даже если вдруг беда придёт —
Она сразить его не сможет,
Не дрогнет он, внимательно наблюдая.
Мудрый, отважный в Дхамме,
Сможет явления все различать.

Он, словно океан, недвижим,
Прозрением глубоким обладает,

Мудрец непоколебимый;
Знает Дхаммы сердцевину,
Он различает все явления.

Знатор Доктрины,
Глубоко её познавший,
Практиковавший верно Дхамму:
Мудрец действительно таков,
Он различает все явления.

Смысл возвещённого познав,
В согласье с ним живёт.
Проникший в естество,
Познавший Дхаммы сердцевину,
Он различает все явления.

ШЕСТЬ СТРОФ

375–380. Урувелакассана Тхера

Увидев чудеса отшельника Готамы,
Из зависти и ревности к нему
Я отказался преклониться перед ним⁷⁰;

Но, устремление моё познав,
Людей возникший подтолкнул меня;
Меня же вдруг пронзило трепетанье.

Хоть был аскетом я со спутанными волосами
И силы некие чудесные имел,
Надумал я пойти к нему в ученики.

Довольный прежде приношением жертв,
Страстями убоготворённый,
Я с корнем вырвал вожделенье,
Неведение и злобу.

Я вспомнил прошлые обители свои
Очищенным божественным оком.
Имея силы чудесные,
Умы людей я познаю.

Достиг я цели,
Ради которой из дома ушёл, —
Уничтоженья всех оков.

381–386. Текиччахакани Тхера

Рис убран и уже помолот,
Но подаяний я не получаю;
Как быть мне?

Памятуй о безмерном Будде!
Телом крепкий, собранный и чистый,
Пребудешь в радости ты неизбывной.

Памятуй о безмерной Дхамме!
Телом крепкий, собранный и чистый,
Пребудешь в радости ты неизбывной.

Памятуй о безмерной Сангхе!
Телом крепкий, собранный и чистый,
Пребудешь в радости ты неизбывной.

Живёшь ты под открытым небом,
Холодны эти зимние ночи;
Не стань добычей холода,
Ступай в свою хижину, дверь затвори.

Я, ум свой на четырёх безмерных закрепив,
Живу счастливо с ними;
Не сломит меня холод,
Неустрашимого.

387–392. Маханага Тхера

У кого нет уважения к товарищам в жизни
чистой —

Иссыкает тот в истинной Дхамме,
Как рыба в мелком пруду.

У кого нет уважения к товарищам в жизни
чистой —

Пропадает тот в истинной Дхамме,
Как семя гнилое в земле.

У кого нет уважения к товарищам в жизни
чистой —

Тот далёк от Ниббаны
В Дхамме Великого царя.

У кого есть уважение к товарищам в жизни
чистой —

Не иссыкает в Дхамме истинной,
Как рыба в озере глубоком.

У кого есть уважение к товарищам в жизни
чистой —

Тот возрастает в истинной Дхамме,
Как хорошее семя в земле.

У кого есть уважение к товарищам в жизни
чистой —

Тот близок к Ниббане
В Дхамме Великого царя.

393–398. Кулла Тхера

Придя на кладбище, увидел
Труп женщины:

Оставленный небрежно,
Съедаемый червями⁷¹.

Взгляни на тело, Кулла:
Нечистое, в болезнях всё, гнилое,
Со всех сторон оно сочится нечистотами;
Любимая глупцов утеха.

Взяв зеркало Дхаммы,
Я тело рассмотрел своё.
Каким пустым оно явилось мне!

Каково то, таково и это,
Каково это, таково и то;
Как вверху, так и внизу,
Как внизу, так и вверху.

Как днём, так и ночью,
Как ночью, так и днём;
Что раньше, то прежде,
Что прежде, то раньше.

Пусть отовсюду музыка играет,
Не дарит она радости,
Что дарит собранный ум,
Знающий природу всех явлений.

399–404. Малункьяпутта Тхера

Коли беспечен человек,
Жажда его растёт, как малува⁷²:
Он мечется туда-сюда,
Как обезьяна, что охотится за плодами⁷³.

Он окаянной жаждой к миру согбен,
Растут его печали,
Как плодовитая трава бирана.

Кто ж труднопобедимую,
Проклятую ту жажду одолел,
У того печали исчезают,
Как капли с лепестков лотоса.

Я возвещаю вам, собравшимся вокруг:
Вырывайте с корнем жажду,
Как рвут бирану, чтоб найти душистый корень!
И не сокрушит вас Мара вновь,
Как поток ломает тростник.

Следуйте словам Татхагаты,
Не дайте возможности мимо пройти;
Ведь кто её упускает —
В Нирае⁷⁴ долго страдает.

Безрассудность опасна,
Много бед она несёт.
Кто благоразумен, мудр —
Извлечь сумеет из груди своей стрелу.

405–410. Саппадаса Тхера

Минуло четверть века,
Как отшельником я стал;
Но ни на миг, что равен щелчку пальцами,
Покоя я не достигал⁷⁵.

Не в силах собранности ума добиться,
Томимый вожделением и страстью,
Бежал я из жилища своего в рыданиях,
Руки воздевая к небу.

Быть может, взять мне лучше нож —
Что толку в моей жизни?

Всё обучение отринув,
Как мне, такому, к завершению прийти?

Взяв в руку лезвие,
На ложе я присел,
Готовый перерезать свои вены.

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг меня пронзило.

Освободился ум,
О, как чудесна Дхамма!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

411–416. Катияна Тхера

Встань, Катияна, не время лениться,
Не дремли, о друг, проснись!
Не дай царю смерти сделать тебя безрассудным,
Поймав в ловушку свою.

Рождение и смерть — как волны,
Готовые нас захлестнуть;
Так сотвори для себя остров,
Опорой стань ты сам себе⁷⁶,
Иной опоры не ища.

Наставник путь нам показал,
Что прочь от рождений и смертей ведёт.
Пребудь же в бдительности славной,
Йоге истинной ты посвяти себя.

Разорви все цепи и оковы,
В чивару обернувшись и голову обрив,

Раз в день питаюсь,
Забыв о прежних играх и утехах,
Ты в джхане, Катияна, пребывай!

О Катияна, созерцай!
Ты знаешь о пути, к спасению ведущем,
Добейся высшей чистоты;
Угаснешь ты,
Как в реке затухает огонь⁷⁷.

Как фитиль слабый в лампе задувается ветром,
Так и ты, сородич Инды,
От ловушек Мары ускользнёшь.
Отринув все желания,
От жажды к чувствам свободный,
Дождёшься часа своего,
Покой ты обретёшь.

417–422. Мигаджала Тхера

Славно сказано было наставление Бхагаваном,
Видящим ясно, свободным от оков,
Разрушившим все преграды,
Остановившим злой водоворот⁷⁸.

Прямой он, этот Благородный восьмеричный
путь,
Что иссушает корень жажды.
К спасению, от яда избавленью,
К Ниббане он ведёт.

С возникновением знанья
Приходит к завершенью камма⁷⁹;
С её кончиной почва для семени сознания
иссыхает.

Прозревший в чувства не захвачен больше ими —
Он, мудрый,
Зрит существование, словно огненную яму.

Глубокий, безупречный,
К спасенью от дряхления и скорби,
К унятию страданий всех ведущий —
Таков он, этот Благородный восьмеричный путь.

Деяние зная как деяние,
А результат — как результат,
Прозрев в возникшее благодаря причинам,
Придёшь к укрытию, к покою.

423–428. Джента Тхера

Одурманен был я гордостью с рожденья,
Ослеплён могуществом, богатством,
Распалён телесной красотой⁸⁰.

Себе я равным никого не признавал⁸¹,
Никого превыше себя ставить не желал —
Глупец заносчивый,
Захваченный одним собою.

Не выражал я никому почтения:
Ни матери с отцом,
Ни тем, кто почитания достоин;
Кичливым и надменным был.

И лишь когда великого учителя я встретил,
Сиянием своим кто затмевает солнце,
Возничего,
Ведущего вперёд Общину,

Оставил наконец гордыню
И с преклонённой головой
Приветствовал его,
Непревзойдённого среди всех живущих.

Нет больше самомнения во мне —
Идеи, что я лучше или хуже;
Его я с корнем вырвал без остатка,
И мысли «Я таков» уж больше не найти во мне.

429–434. Сумана Тхера

Мне было семь, когда я принял постриг⁸²,
Тогда я одолел змеиного царя,
Используя чудесные способности.

Носил я воду для учителя
Из озера Анонатта;
Меня увидев,
Он промолвил:

«Взгляни, Сарипутта,
На мальчика с водою:
Навстречу он идёт,
Собранный, спокойный.

Его осанка благородна,
Он наделён способностями чудесными,
Ануруддхи ученик.

Сам чистокровный, сделал чистокровным
и ученика,
От блага получилось благо.
Обуздан Ануруддхой,
Чьё обучение окончено уже.

Достигший высшего покоя,
Обретший Непокосебимое,
Саманера Сумана
Не хочет, чтобы о нём знали».

435–440. Нхатакамуни Тхера

Охваченный недугом,
В лесной роще пребывая,
Где пищу трудно отыскать,
О бхиккху, что ты будешь делать?

Окутав тело радостью и счастьем,
Снося всё то, что тяжело снести, —
Так стану жить я в чаще леса.

Взращивая семь звеньев Пробуждения
И охраняя двери чувств,
Купаясь в тонкой джхане, —
Так стану жить я, без влечений.

Свободный от загрязнений,
Мой чистый ум несокрушим;
Часто рассматривая это —
Так стану жить я, без влечений.

Снаружи и внутри влечения исчезли,
Их ныне не найти во мне,
Все обратились в пепел без остатка
И не возникнут больше никогда.

Пять совокупностей распознаны,
Вырван самый корень их.
Страдания остановлены,
И нет рождений новых для меня.

441–446. Брахмадатта Тхера

Откуда гнев возьмётся в том,
 Кто укрощён, успокоен,
 Кто жизнь чистейшую ведёт,
 Освобождённый от оков?

На гнев ответить гневом —
 Значит сделать вещи хуже.
 Но кто не вспыхнул, атакуемый другими,
 Тот победитель в битве.

Идёт это во благо им обоим:
 Ведь зная, что один во гневе,
 Второй спокойствие хранит.

А если гневающийся решит,
 Что, не сердясь,
 Его соперник как глупец себя ведёт,
 Он ничего не смыслит в Дхамме.

Коль гнев возник,
 Сравнение с пилой⁸³ припомни;
 Коль запылала жажда —
 Сравненье с плотью сына⁸⁴.

А если ум гоняться стал за наслажденьями
 Иль алчет в разных сферах бытия рожденья,
 То усмири его памятованием, как быка,
 Охочего лишь до зерна,
 Дурного.

447–452. Сириманда Тхера

Питает дождь лишь то, что скрыто,
 Открытое питать не в силах он.

Открой же скрытое, мой друг,
Чтоб не залило его ливнем.

Сражён гибелью сей мир,
Пропитан увяданьем,
Пронзён стрелою жажды,
Желаньями ведом.

Сражён гибелью сей мир,
Истерзан он стареньем,
Стеною окружён со всех сторон,
Как вор, приговорённый к заточенью.

Старость, болезнь и смерть:
Три этих — словно огненная лава.
Нет сил ни у кого её преодолеть,
Нет быстрых ног, чтоб ускользнуть.

Не трать напрасно дни свои,
Ни длинные, ни краткие;
Уходит день иль ночь —
И жизнь короче стала.

Идёшь или стоишь,
Сидишь или лежишь —
А ночь последняя близка,
Не время безрассудным быть.

453–458. Саббаками Тхера

Поставленное на две ноги,
Нечисто и зловонно это тело:
Собрано из множества частей,
Сочится нечистотами из всех отверстий,
Но всё ж лелеемо оно глупцами.

Для рыб приманка,
Для оленя чучело,
Для обезьяны яма с дёгтем —
Так и простофилю дурачит его тело.

Чарующие формы, звуки, вкусы, запахи, касания —
Всё это страсти качества,
Волнующие разум.
Все пять найдёшь в обличье женщины.

Простолюдины с умами взбудораженными,
Что рады гоняться за женскими телами,
Лишь кладбища собою заполняют,
Рождаясь снова тут и там.

Но тот, кто сторонится женщин,
Как будто опасаясь ногою на гадюку наступить,
Имея памятование,
Преодолеет тягу к миру.

В уладах я увидел страшную опасность,
А в отречении — защиту и приют:
Отринув страсти,
Пребываю без влечений.

СЕМЬ СТРОФ

459–465. Сундарасамудда Тхера

Украшена, наряжена,
С гирляндами цветов,
Сандалом благоухая,
В сандалиях куртизанка предо мной стояла.

Она сандалии сняла,
Сложив ладони у груди;
Заговорив со мною нежно,
Улыбкой лучезарной одарила.

«Не слишком ль юн для отречения ты?
Моим ученьем лучше занимайся,
Ты наслаждайся радостью людской;
И в этом лишь найдёшь ты утешенье —
Я пламенем святым клянусь!

Когда мы оба постареем,
На палку опираться станем;
В монашество тогда уйдём мы
И так двойное благо обретём!»

Я, глядя на куртизанку в изысканных одесждах,
С ладонями в перстнях,

Сложившую в анджали⁸⁵ руки,
Узрел ловушку Мары.

Искусное вниманье появилось,
Опасность стала ясно мне видна,
И разочарованье вдруг пронзило.

Освободился ум,
О, как чудесна Дхамма!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

466–472. Лакунтакабхаддия Тхера

В джунглях диких вдали от парка Амбатака,
Бхаддия, жажды корень вырвав,
Пребывает в джхане,
Счастливый⁸⁶.

В восторге люди от лютни, кимвалов,
От барабанов —
А я под корнями деревьев,
Ликую от ученья Бхагавана.

Предложи Будда мне выбрать дар любой,
Который мог я б миру подарить,
Я выбрал бы памятование о теле
Непрерывное.

Те, кто чтит меня из-за обличья,
Из-за того, что мил ему мой голос,
Те за влечениями своими лишь идут,
Меня они не знают.

Не ведают, что снаружи,
Не знают, что внутри.

Глупцы, ведомые лишь голосом моим,
Легко могут угодить в западню.

Не ведают, что внутри,
Но знают, что снаружи;
Они пожнут столь малые плоды,
Ведомые лишь голосом моим.

Знают, что снаружи,
Знают, что внутри;
Видя без преград всё как есть оно,
Они не увлекутся голосом моим.

473–479. Бхадда Тхера

Единственный сын,
Лелеемый семьёй,
Благословениями и молитвами
Я с детства раннего был окружён⁸⁷.

Из состраданья,
Счастья мне желая,
Привели родители к Благословенному меня.

«Он трудно дался нам,
Ребёнок нежный, вскормленный в достатке.
Мы отдаём его тебе, Заступник,
Пусть служит Победителю он».

Учитель повелел Ананде,
Приняв меня:
«Пусть мальчик примет постриг,
Ждут впереди его великие дела!».

Меня в монахи снарядив,
Учитель вошёл в свою обитель;

И пред закатом самым
Мой ум свободным стал.

Не позабыл Учитель обо мне,
Уединение оставив,
Молвил: «Иди, Бхадда!».
Его наказ стал мне упасампадой.

В семь лет я бхиккху стал,
Три знания открылись для меня.
О, как чудесна Дхамма!

480–486. Сопака Тхера

Узрел я лучшего из всех людей:
Прогуливался он в тени террасы.
Ступив навстречу,
Я почести ему воздал.

С накинутой чиварой,
Сложив ладони,
Я следовал за ним —
За высшим из существ,
За беспорочным.

Мудрый, толк зная в вопросах,
Меня спросил;
Ему не колеблясь, без страха
Я отвечал.

Обрадовал его ответ мой,
Меня одобрил Татхагата.
Окинув взором Сангху,
Промолвил:

«Для жителей Анги и Магадхи
Сказанное здесь — благословение,
И одарить тебя они достойны
Чиварою, едою и жилищем.
Пусть будет это постригом твоим, Сопака!».

В семь лет я упасампаду принял,
Влачу последнее я тело.
О, как чудесна Дхамма!

487–493. Сарабханга Тхера

Сокрушив руками тростники,
Я хижину себе возвёл
И стал известен как «крушитель тростника».

Но не пристало больше мне губить растенья;
Такое правило заведено было
Прославленным Готамою⁸⁸.

Не знал я прежде причины недуга,
Однако, раз услышав Учение того,
Кто затмевает разумом богов,
Я, Сарабханга, разглядел недуг.

Прямой дорогою прошёл Готама,
А до него Випасса, Сикхи, Весабху,
Какусадха, Конагамана и Кассапа⁸⁹.

Свободные от жажды,
От цепляний,
Семь этих будд достигли края,
Возвестили о Дхамме совершенной,
О благородных истинах

Из сострадания к существам заблудшим,
О страдании и унятии его.

Сансары бесконечный вихрь закончен:
Когда истлеет тело и угаснет жизнь,
Не будет продолжения скитаний.
Я полностью теперь освобождён.

ВОСЕМЬ СТРОФ

494–501. Махакаччаяна Тхера⁹⁰

Не следует излишне работать,
С людьми чрезмерно сходиться;
Не следует много суетиться,
К дарам и богатству стремиться.

Кто жаден до вкусов,
Тому не понять
Тот путь, что к счастью ведёт.

Знатных семейств почитанье
Подобно зыбкой трясине.
Слава — стрела, вонзённая в грудь,
Вынуть её нелегко.

Не ближние в дурной судьбе повинны:
Лишь устремления злые тому причина,
Поступками плетётся каммы паутина.

Не слово сказанное человека делает вором,
Не по чужому слову
Становится святым отшельник.
И всякий знает правду о себе,
Её узнают даже божества.

Не ведает глупец, что гибель ждёт его;
Кто ведает о том, тот не враждует.
Хранящий мудрость жив и потеряв богатство,
Кто ж мудрость потерял — тот словно уже умер.

Глазами видится и слышится ушами.
Кто мудр, не станет отвергать,
Что явно видимо и слышимо ему.

Имеющий глаза, но словно бы слепой,
С ушами, но словно он не слышит,
Обладая мудростью, но словно бы дурной,
Могучий, но словно слабосильный.
Лишь к назначенью своему придя,
Он может почивать на смертном ложе.

502–509. Сиримитта Тхера

Без гнева и негодования,
Злословия лишённый и обмана,
Умиротворённый,
Он не скорбит и после смерти.

Без гнева и негодования,
Злословия лишённый и обмана,
Он охраняет прочно двери чувств,
Он не скорбит и после смерти.

Без гнева и негодования,
Злословия лишённый и обмана,
Взрастивший добродетельность,
Он не скорбит и после смерти.

Без гнева и негодования,
Злословия лишённый и обмана,

Он добрыми друзьями окружён,
Он не скорбит и после смерти.

Без гнева и негодования,
Злословия лишённый и обмана,
Имея мудрость славную,
Он не скорбит и после смерти.

Чья вера в Татхагату непоколебима,
Тверда и прочно установлена,
Кто добродетелен —
Тот благородным мил и восхваляем ими.

Кто верен Сангхе,
Кто видит ясно —
Того здесь жизнь проходит не напрасно,
И бедным не зовётся он.

Пусть мудрый поминает Дхамму,
Склоняет к вере, к безупречности себя,
К умелому прозрению в суть вещей.

510–517. Махапантхака Тхера

Когда увидел я наставника,
Свободного всецело от любого страха,
Я чувства неотложности исполнился,
Ведь встретил лучшего среди всех людей.

Зреть Совершенного есть редкая удача,
Как смертному её не упустить?
Я выразил ему своё почтение.

Оставив позади сынов, жену,
Отринув достаток и зерно,

Я волосы обрил,
Ушёл в скитанья.

Блюдя монашества священные заветы,
Хранящий двери чувств,
Живу я в почитанье благородных,
Необоримый.

В решимости достичь конца пути,
Что рождена в глубинах сердца,
Что не даёт на месте усидеть,
Покуда стрелы жажды я не выну из груди.

Так проходила жизнь,
Вы удивитесь рьяности такой!
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Я вспомнил прошлые обители свои,
Очищенным божественным оком;
Я арахант, достойный подношений,
Освобождённый от цепляний всех.

Уж близится ночи конец,
Рассвет забрезжил вдалеке;
Вся жажда высохла во мне,
Сидящем со скрещёнными ногами.

ДЕВЯТЬ СТРОФ

518–526. Бхута Тхера⁹¹

Когда мудрец, узревший тяготу старения
и смерти,

Которая неведома глупцам,
Познал страданья истину, умелый в созерцанье,
Нет для него отрады больше этой.

Когда мудрец, изгнавший страданья корень —
жажду,

Покончил с разрастаньем⁹²,
Умелый в созерцанье, —
Нет для него отрады больше этой.

Восьмеричный путь,
Величайший средь путей,
Смывающий всё зло —
Познал его мудрец, умелый в созерцанье,
Нет для него отрады больше этой.

Когда мудрец, достигший состоянья
беспечального,
Несоставного, незапятнанного,
Покоя высшего, свободного от загрязнений,

Отбросил кандалы и оковы —
Нет для него отрады больше этой.

Когда грозою туча готова разразиться,
Грохочет гром и ливень
Смывает птиц дороги в небесах.
Бхиккху, ушедший в горы, джханы достигает,
Нет для него отрады больше этой.

Когда на берегу реки,
Увенчанной гирляндами цветов, в зарослях
тростника
Мудрец сидит, счастливый в созерцанье,
Нет для него отрады больше этой.

В лесу безлюдном ночью зверь рычит ли,
Иль дэвы свои ливни льют —
Бхиккху в своей пещере созерцает,
Нет для него отрады больше этой.

Все вихри мыслей успокоил
Бхиккху, укрывшийся в расщелине горы;
Забыл влеченья все, умелый в созерцанье;
Нет для него отрады больше этой.

Когда ликует разорвавший все оковы,
Когда он вынул из груди своей стрелу,
Избавился от жажды —
Нет для него отрады больше этой.

ДЕСЯТЬ СТРОФ

527–536. Калудайи Тхера

Пунцовым наряжены рощи, почтенный,
Как будто в огне пылают деревья;
Опали цветы, завязались плоды.
Настанет время вкусить их, герой!

Чудесны деревья в пору цветенья,
Повсюду благоуханье их разлито;
В ожидании плодов рассыпаны лепестки,
Настало время эти рощи покинуть, о герой!

Не зябко, не жарко в эту пору, почтенный, —
Самое время для путешествий!
И Сакьи, и Колии пусть на Востоке увидят
Тебя, пересекающего реку Рохини.

С надеждою пашут поля,
С надеждою семена они сеют;
С надеждою в море уходят купцы.
Надежда, что тлеет во мне, —
Пусть сбудется она!

Вновь и вновь они семена свои сеют,
Вновь и вновь дэвы шлют дожди.

Вновь и вновь земледельцы пахут поля,
Вновь и вновь закрома заполняют зерном.

Вновь и вновь в поисках нищие бродят,
Вновь и вновь добрые люди им подают,
И вновь ликуют дарители на небесах.

С мудростью очищает семь поколений герой,
Сакка, ты бог для меня из богов,
Рождён от тебя был истинный Муни!

Суддоханой звали отца героя,
Мать его звали Майей;
Выносив бодхисатту под сердцем своим,
Радуетя она на Небесах Тридцати трёх.

Оставив мир,
Готами возродилась на небесах,
Пять дивных радостей вкушает,
Окружённая богами.

Сородич Будды я,
Сносящий то, что снести так трудно;
Почтенного Ангирасы сын.
Воистину ты дед мой в Дхамме, о Готама!

537–546. Экавихария Тхера⁹³

Славно жить в лесу одному,
Когда нет никого вокруг —
Ни позади, ни впереди.

Решился в дикий лес уйти я,
Восхваляемый Буддой великим,
Там в одиночестве вести
Святую буду жизнь.

С усердием и решимостью
Ступлю в чащу лесную,
Где любят резвиться слоны,
Где радость находят йогины.

Под сенью цветов Ситаваны прохладной
Я, ноги омыв в ручье,
Созерцать буду в пещере горной.

О, когда же, когда я, одинокий,
Вдали от собратьев,
В лесной чащобе,
Стану жить свободным от влечений?

Задуманное исполнить должен я сам,
Другие помочь тут не в силах.
Исполнятся пусть мои чаянья!

Облачусь я в доспехи Ученья
И смело ступлю в тёмный лес:
Назад шагу не сделаю, покуда
Не достигнет свободы мой разум.

Свежий ветер обдувает лицо,
Наполнен воздух благоуханьями.
Взойду на вершину я,
Покончу с неведением.

В дубраве цветущей,
В прохладе пещеры
Я буду счастьем упиваться,
Свободой на Гириббадже.

Устремление моё исполнено,
Как луна возрастает на пятнадцатый день.

Отброшены оковы все,
И нет больше рожденья для меня.

547–556. Махакаппина Тхера

Враг или друг не найдут к тому лазейки,
Кто к встрече с будущим своим готов,
Каким бы ни было оно —
Хорошим иль дурным.

Лишь тот, кто каждый миг
Взрастил, взлелеяв
Памятованьем о дыханье⁹⁴,
Способен мир сей озарить
Луне подобно, что путникам дорогу освещает.

Поистине безмерен, чист мой ум,
Он взращён славно,
Вознесённый ввысь,
Сияющий повсюду⁹⁵.

И даже растеряв богатство, тот,
Кто мудр,
Не будет сокрушаться и стенать,
А мудрость не обретший —
Он словно мёртв уже.

Мудрость различает то, что слышимо,
С мудростью приходит добрая молва.
Кто обладает мудростью,
Найдёт счастье даже посреди страданий.

Закон сей действует всегда:
Кто был рождён —
Погибнуть должен,
Что удивительного в том?

Смерть за рождением следует всегда:
Кто был рождён,
Погибнуть должен —
Таков извечный ход вещей.

Полезные при жизни три —
Богатство, слава, власть —
Для мёртвого пустые звуки.
Рыдания близких провожают в мир иной.

Стенания о смерти и о жизни,
Как маски, безобразят лица их,
Здоровье забирая их и разум,
Что только радует врагов.
Те, кто добра желает,
Стенаниям не рады.

Ты, зная это, пожелай своей родне
Быть равноственными со всем на свете,
Чтоб выполнить они могли свой долг,
Как реку бурную переплывают на плоте.

557–566. Чулапантхака Тхера

Тернист и извилист мой путь,
Я был презираемым в прошлом;
Брат гнал меня прочь со словами:
«Возвращайся обратно домой!»⁹⁶.

Идя к монастырским воротам,
Стоял в роще Сангхи
С умом опечаленным,
Желая Дхаммы наставления услышать.

Меня увидел Бхагаван,
Моёй головы коснулся,

Взял меня за руку
И в Сангху возвратил.

Объятый ко мне состраданием,
Он кусок ткани дал мне;
«Внимательным будь к чистоте этой ткани», —
Молвил так.

Слушая его,
Возликовал я;
Смог обрести самадхи,
Чтоб назначенья высшего достичь.

Я знаю прошлые обители свои,
Очищенным божественным оком.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Я, Пантхака,
Явив своё обличье тысячи раз,
Пребывал в чудесной манговой роще,
Пока не пришло время для еды.

Учитель мне посланника явил.
О времени назначенном узнав,
Я взмыл по воздуху
И так к учителю прибыл.

Склонившись у его стоп,
Я сел в сторонке.
Увидев меня сидящим,
Он принял подношение.

Получатель даров со всего мира,
Неизмеримое поле заслуг для людей,
Учитель принял подношенье.

567–576. *Каппа Тхера*

Скопление нечистот,
Источник испражнений,
Похожее на выгребную яму,
Нарыв великий, великое увечье.

Сочится оно кровью с гноем,
Подобно отхожему месту.
Из него истекает жидкость,
Гнилое, всюду подтекает.

Шестьюдесятью стянуто сухожилиями,
Покрыто мясом,
Обёрнуто кожей —
Это тело бесполезно.

Скелет из костей — как будто каркас,
Он стянут сухожилиями,
Благодаря чему
К движению способен.

Неумолимо мчится это тело
К гибели, к обители владыки Мары;
Но кто при жизни сумел отбросить тело —
Тот после смерти идёт туда, куда сам пожелает.

Неведеньем объято тело,
Четырьмя узами опутано оно.
Его уносят наводнения,
Как с щепкой играет водоворот.

Подверженное пяти помехам⁹⁷,
Мыслью водимое повсюду;
Исполнено оно желаний,
Неведеньем объятое.

Так движется в круговороте тело —
 В потоках, управляемое каммой:
 Но мчится оно лишь к разрушению,
 Приходит тело к своему концу.

Кто в слепоте своей упорен,
 Кто держится за тело как за «я»⁹⁸,
 Зловонной плотью наполняет кладбища,
 К бессмысленным рожденьям спеша.

Кто тело смог отринуть ещё при жизни,
 Как палкой отбрасывают гадюку, —
 Тóт самый корень страданий вырвал,
 Достигнет он Ниббаны без усилий.

577–586. Упасена Тхера

Отшельнику, чтоб обрести уединенье,
 В обителях тех лучше оставаться,
 Пристанищем что служат для зверей.

Пусть собирает он обрывки ткани:
 С кладбищ и с улиц;
 Из них сошьёт себе он верную чивару⁹⁹,
 Ходить в обносках будет.

С умом смиренным,
 Охраняя двери чувств,
 Пусть ходит он за подаянием от дома
 к дому,
 Не отдавая предпочтенья никому.

Пусть пища его будет грубой,
 Негоже бхиккху за вкусами гнаться:
 До вкусов жадному неведома джхана.

Довольный тем, что есть,
Без множества желаний,
Живёт один пусть,
Вдали от суетных друзей.

Пусть глупым не боится он казаться.
Ведь мудрый знает меру и в речах,
Творятся что средь Сангхи.

Словами злыми пусть никого он не бранит
И ближнему не роет он могилу,
Пусть Патимоккху¹⁰⁰ соблюдает неуклонно
И пусть умерен будет он в еде.

Умелый в знании возникновения ума,
Он время ведать должен для прозренья
и покоя.

Усердный, стойкий и неустомимый,
Всегда склоняясь к возвращению своего ума,
Пусть не довольствуется он малым,
Но ищет полного прекращения
страданий.

Отшельник, так живя,
Достичь сумеет чистоты;
Разрушив все влеченья,
Ниббану обретёт.

587–596. Готама Тхера

Он чаянья свои пусть понимает ясно,
Склоняет пусть к Учению себя
И знает, что отшельнику во благо.

Достойные друзья и верные воззрения,
Усердное учение,
К учителю почтение —
Вот что отшельнику во благо.

Признание Будды и Учения как есть
И прославление Сангхи —
Вот что отшельнику во благо.

Благое поведение, праведная жизнь,
Уняtie ума водоворота —
Вот что отшельнику во благо.

Хорошие манеры,
Знание того, что должно избегать,
И следование к высшей цели —
Вот что отшельнику во благо.

Пребывание в лесной обители,
Где не тревожат шум и крики, —
Вот что отшельнику во благо.

Большие знания, добродетельность,
Видение-как-есть,
Прозрение в истину —
Вот что отшельнику во благо.

Созерцание непостоянства, страдания
и безличности,
Не-ликованье от мирского —
Вот что отшельнику во благо.

Семь звеньев Пробуждения,
Духовные способности:
Их пестовать и следовать пути —
Вот что отшельнику во благо.

Пусть всю отбросит жажду он,
Разрушит все влечения,
Живёт он пусть освобождённым —
Вот что отшельнику во благо.

ОДИННАДЦАТЬ СТРОФ

597–607. Санкичча Тхера

Где в лесу дождливом для тебя отрада?
Для чего, дитя, ты словно птица тут живёшь?
Чем тебя так манит славная Верамба¹⁰¹,
Помогает в джхане что тебе?¹⁰²

Подобно ветру Верамбы,
Что рассеивает облака в сезон дождей,
Рассеиваются городов видения,
И уединенье радует меня.

Ворона, из яйца рождённая,
Что чёрной тенью над кладбищем кружит,
Во мне памятование пробуждает,
Бесстрастием окутано оно.

Не охраняемый другими,
Других не охраняя,
Живёт счастливо такой бхиккху,
Свободным став от всех страстей.

Там, где прозрачные ручьи, скалистые ущелья,
Пасутся стройные олени, скачут обезьяны,

Там, где покрыты мхом камни, а поутру
трава в росе,
Ликую я в уединенье.

Я жил в пещерах, средь зарослей колючих,
Где звери дикие лишь бродят.

«Пусть будет он убит!
Страдать они пусть будут!» —
Таких я дум не ведаю давно.

Учитель преподавал мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Исполнил я то,
Ради чего ушёл в скитанья, —
Я разрубил оковы все.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь,
Как жалования служитель.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь,
В памятовании и ясном постижении.

ДВЕНАДЦАТЬ СТРОФ

608–619. Силава Тхера

Пусть в этом мире жизнь он чистую ведёт,
Ведь добродетель,
Будучи возвращённой,
Для всех лишь благоденствие несёт.

Пусть мудрый, процветания себе желая,
В трёх областях —
В богатстве, похвале
И возрождении на небесах —
Лелеет и хранит земную добродетель.

Он, добродетельный и сдержанный,
Друзей хороших обретёт,
А кто порочен —
Тот других лишь оттолкнёт.

О том, кто в поведении своём бесчестен,
Разносится по сторонам молва дурная.
Быстрее славу обретёт, чьё знамя —
добродетель, —
Повсюду его люди привечают.

Начало всех начал есть добродетель,
Мать всех благих вещей;
Содержится пусть в чистоте она.

Добродетель сдерживает,
Несёт блаженство,
Является путём всех будд,
Содержится пусть в чистоте она.

Добродетель — сила великая,
Добродетель — оружие мощное,
Добродетель — укрытие лучшее,
Добродетель — украшение дивное.

Мосту подобна добродетель,
Обладает благоуханием она,
По всему миру её сладкий аромат разлит.

С ней не страшна и дальняя дорога:
Она для путника — хорошая повозка,
Что довезёт в назначенное место.

В этом мире глупого порицают,
И после смерти он томится¹⁰³:
Везде страданья терпит тот,
Кто добродетелями обделён.

В этом мире мудрого восхваляют,
И после смерти он ликует:
Счастлив повсюду тот,
Кто добродетелями наделён.

Приносит миру благо добродетель,
Кто обладает ею вкупе с мудростью —
Поистине пресвыше всех на небе и земле.

620–631. *Сунита Тхера*

Рождён в семье из низшего сословья,
Где даже пищи не было в достатке;
Вдвойне был жалок мой удел:
Я собирал увядшие цветы.

Встречал я зубоскальство,
Был презираем всеми,
Но кротость я хранил,
Своё почтение выражая людям.

В один из дней я Совершенного увидел¹⁰⁴,
Что с Сангхой своей мимо проходил, —
Великого героя,
Который посетил Магадхи.

Корзины старые свои отбросив,
Я в ноги кинулся ему.
Из состраданья он остановился —
Великий человек.

С благоговеньем встал с одной я стороны,
Почтение выразив учителю у стоп его,
Я попросил у Бхагавана посвященья.

Сказал Участливый ко всему миру:
«Иди, о бхиккху!» —
И стало это мне постригом.

Я в одиночестве, в чащобе дикой
Все наставления старался исполнять
С усердием неутомимым.

Я вспомнил прошлые обители свои
Однажды в первой части ночи,

А во второй обрёл божественное око
И всё неведение разрушил в третьей.

Так в завершение ночи,
Когда рассвет уже забрезжил,
Ко мне явились Брахма с Индой¹⁰⁵,
Их руки были сложены в анджали.

Мне выражали так они расположенье.
«Почтение тебе, о благородный!
Почтение тебе, великий человек!
Оковы все твои отброшены теперь,
Воистину достойный поклоненья!»

Узрев меня в компании богов,
Татхагата с улыбкою промолвил:

«Путём смирения себя,
Усердием и самообузданьем,
Ведением жизни беспорочной
Становится брахманом человек¹⁰⁶».

ТРИНАДЦАТЬ СТРОФ

632–644. Сона Тхера

Кто знаменитым в царстве был когда-то,
Кто назывался Анги¹⁰⁷ правою рукою, —
Теперь известен он и в Дхамме —
Как Сона, что преодолел страданья¹⁰⁸.

Отринув пять,
Построил пять.
Он от пяти избавился,
Поток преодолевший, бхиккху.

Мудрость, добродетель, созерцанье —
Далёк от них чванливый и небрежный;
Влекут его лишь внешние объекты.

Он должное исполнить не спешит,
А что не должно исполнять — он исполняет.
Ему легко даётся неблагое,
И загрязнения лишь возрастают.

Усердный бхиккху в памятовании пребывает,
Он избегает совершенья неблагого
И устремлён к тому, что пользу лишь приносит;

Всегда внимателен и ясен его ум —
Таков путь к прекращению влечений.

Так следуй же прямой дорогой,
Путём, что Буддой был провозглашён;
Остерегайся ты путей окольных,
И ни на миг не забывай о цели —
Так ты придёшь к Покою.

Я прежде непомерное усилие прилагал,
Но от Учителя узнал о лютне притчу.
Уразумев её,
Я получил урок.

Учение послушав,
Обрёл я радость;
Я созерцанье развивал во имя высшей цели.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

От мира отречённый,
Хранящий тишину,
Не знающий насилья,
Захваченность преодолевший,

Отвергший жажду и обескураженность ума,
Он оком чистым видит сфер¹⁰⁹ возникновенье,
Всецело ныне он освобождён.

Для Освобождённого,
Чей успокоен ум,
Нет больше ничего,
Что надобно исполнить.

Ум отшельника скале подобен,
Что ветру неподвластна;

Его не манят

Звуки, запахи, касанья, формы, образы и вкусы.

Неколебим и прочен этот ум,

Он созерцает исчезновение всех явлений.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТРОФ

645–658. Кхадираванияревата Тхера

С тех пор как я оставил дом,
В скитания уйдя,
Не помню мысли злой в уме своём я¹¹⁰.

«Пусть будет он убит!
Страдать пусть они будут!» —
Таких я дум не ведаю давно.

Доброжелательный ко всем, мой ум
Безмерный, славно возвращённый.
Он выпестован,
Как сам Будда наставлял.

Нашёл отраду я в непричинении другим вреда,
Всем существам я друг;
Им сострадая,
Пребываю я в обители Брахмы.

Несокрушима доброжелательность моя,
Что услаждает ум.
Покоюсь я в обители Брахмы,
Которая неведома злодеям.

Безмыслия достигнув¹¹¹,
В молчанье благородном обитая,
В нём утвердился твёрдо я.

Я ученик Благословенного, скале подобный,
Стоящей крепко, и стихии неподвластный;
Всё заблуждение оставив,
Живу без трепета и колебаний.

Для тех, кто беспорочен,
Кто всегда стремится к чистоте,
Даже песчинка зла покажется огромной.

Как охраняет воин свою крепость,
Так каждый пусть блюдёт себя,
Мгновений пусть не упускает.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь,
Как жалования служитель.

Не пристращаясь к жизни,
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь
В памятовании и постиженьи ясном.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Исполнил то,
Ради чего ушёл в скитанья, —
Рассёк я все оковы.

Отриньте безрассудность,
В благоразумии живите —
Таков мой вам совет;
Я успокоюсь в Ниббане без остатка,
Освобождённый полностью теперь.

659–672. Годатта Тхера

Как конь породистый,
Чья ноша тяжела,
Влачит её
И на судьбу не ропщет —

Так будь и ты исполненным прозренья,
Как бесконечный океан — водою.
И не взирай ты на других с презреньем,
Ведь Дхамма ведома лишь благородным.

Раздавленные времени поступью тяжёлой,
Запутавшиеся в темнице лабиринтов существа
Под властью скорби пребывают,
Страдания претерпевая вновь и вновь.

Для радости причина — они тотчас ликуют,
Есть место для печали — и вот они тоскуют;
Поражены глупцы этими двумя,
Не видят вещи так, как есть они.

Но кто и в радости, и в горе
Пребудет в середине между ними,
Преодолеть сумеет колебанья
С умом недвижимым, скале подобным.

С утратой встретится он или с обретеньем,
С усладою иль болью,

Восхваленъем иль хулой,
Со славой доброй иль молвой дурной¹¹² —

Мудрец не пристраститъся ни к чему,
Как капля к лотосу не прилипает.
Везде он счастлив
И всегда несокрушим.

Есть праведная утрата,
А есть неправедное обретенъе;
Но лучше справедливо потерять,
Чем незаконно обрести.

Есть возвышенъе от тех, кто мудрости лишён,
Есть среди тех, кто ею одарён, забвенъе;
Но помни, что забвенъе мудрых лучше,
Чем возвышенъе, что исходит от глупцов.

Есть восхваленъия глупцов,
А есть хула от тех, кто обладает мудростью.
Но хула мудрых лучше,
Чем восхваленъия глупцов.

Есть радости в уладах,
Есть боль уединенья;
Но боль уединенья лучше,
Чем радости услад.

Есть жизнь без Дхаммы,
Есть умиранье в Дхамме;
Но лучше в Дхамме смерть принять,
Чем без Ученья жить.

Отринув гнев и страсти,
Он всегда спокоен,

Мирскими путами не связан он,
Нет больше для него пристрастий.

Семь звеньев Пробуждения,
Духовные способности и силы —
Всё это он взрастил.
Достиг он Высшего,
Успокоился в Ниббане.

ШЕСТИНАДЦАТЬ СТРОФ

673–688. Анньяконданнья Тхера

Вкус чистой Дхаммы мне доверие внушил,
Бесстрастию она учила
Без цепляний.

Вокруг так много манящих вещей,
Что ум смущают
И томленье вызывают.

Как ливень долгожданный
Прибивает пыль —
Так успокаивает мудрое прозренье.

Все сотворённое изменчиво;
Кто видит это ясно,
Тот пресыщается страданием —
Вот к очищенью путь¹¹³.

Все сотворённое мучительно;
Кто видит это с ясностью,
Тот пресыщается страданием —
Вот к очищенью путь.

Все дхаммы лишены «я»;
Кто видит это с ясностью,
Тот пресыщается страданием —
Вот к очищению путь.

Конданныя Тхера, благоразумный,
После Благословенного пробудился вскоре¹¹⁴,
Преодолея рождения и смерть,
Жизнь незапятнанную вёл.

Ловушки, наводнения и водовороты,
Вершины, что так трудно покорить, —
Преодолевая все преграды
И достигая берега иного,
Освобождаются от оков Мары.

Бхиккху спесивый, легковесный,
Водящий дружбу с глупыми людьми —
В водовороте он погибнет,
Захлёстнутый волною.

Но тот, кто кроток,
Кто сумел волненья усмирить,
Кто водит дружбу с добрыми людьми,
Прилежный, он положит всем страданиям конец.

Его колени узловаты, как стебли калы,
Он худ, прозрачны его вены,
Умерен он в принятие пищи —
Отшельник с собранным умом.

В лесах дремучих мучимый москитами,
Он сносит тяготы,
Усердный в памятовании,
Как слон могучий на поле битвы.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь,
Как жалования служитель.

Не пристращаясь к жизни
И смерти не страшась,
Я часа своего спокойно дожидаясь
В памятовании и постиженье ясном.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла;
Исполнил я то,
Ради чего ушёл в скитанья, —
Разрубил оковы все.
Зачем же мне нужны ученики?..

689–704. Удайи Тхера

Он пробудился, родившись человеком:
Усмирённый, умиротворённый.
На пути прямом он
Радуетя спокойствию ума¹¹⁵.

Люди чествуют его,
Познавшего предел явлений,
И дэвы головы пред ним склоняют, —
Так слышал от арахантов я.

Перешагнув ограниченья,
Распутав хитрые узлы,
Очистив золото от глины,
Освободился от страстей он,
Как злато очищается от камня.

Как великан, что превосходит
Того, кто великаном лишь зовётся,
Он возвышается над миром,
Как Гималаи, что всегда стремятся ввысь.

Я восхваляю этого слона¹¹⁶,
Нет зла ни капли в нём;
Могучи ноги передние его,
Что мягкость с невреждением несут.

Памятование и ясность —
Это другие две ноги,
Доверие — умелый хобот,
Бесстрастие — как бивни белоснежные его.

Познание явлений — голова,
Живот его — вместилище для Дхаммы,
А хвост — к уединенью склонность.

И в созерцании дыханья
Спокоен этот слон, когда идёт,
Спокоен он, когда стоит на месте,
Спокоен лёжа и спокоен сидя.

Повсюду сдержан этот слон,
И в том благословение его.

Он пищу принимает ту лишь, что чиста,
А скверную он отвергает;
Накапливать и собирать он не стремится.

Порвав все узы,
Оковы все разбив,
Куда бы он ни шёл —
Идёт он без долгов.

Как лотос белый,
Что рождён в грязи был,
Изящный и благоуханный,
К болоту не прилипнет —

Так и Будда в мире был рождён,
И в нём живёт,
Но миром не тревожим,
Как лотос не касается болота.

Коли дрова закончились,
Остыли угли,
Костёр гореть уже не может,
О нём как о потухшем говорят.

Пример такой для мудрых дан,
Чтобы сокрытое во тьме открыть,
И слон великий тот — понявший разъясненье,
Свободный от желаний, злости, заблужденья,
Отбросив тело,
Успокоится в Ниббане.

ДВАДЦАТЬ СТРОФ

705–725. Адхимутта Тхера

Разбойник:

Погубленные нами люди
Добычи ради иль во имя приношенья жертв,
Завидев нож наш,
Все как один дрожали от испуга¹¹⁷.

В тебе же трепетания не видно,
Лицо твоё спокойно;
Поведай, как не впал в отчаянье ты
В столь роковой момент?

Адхимутта Тхера:

Сердечных нет терзаний у того,
Кто чаянья отринул, о главарь;
Остался трепет позади мой,
Оковы все я разрубил.

Покончил с тягой я к существованью,
Явленья знаю все такими, какие они есть;
Нет больше ужаса от смерти,
Она — сложенье ноши для меня.

Жизнь славно прожита была,
В усердии взрастил я Благородный путь
И смерти не страшусь,
Она — окончанье хвори для меня.

Жизнь славно прожита была,
В усердии взрастил я Благородный путь;
Безрадостным я вижу бытие —
Оно, как яд, отвергнуто мной было.

Тот, кто достиг иного берега,
Исполнив долг свой, без влечений пребывая, —
Доволен жизни завершеньем,
Словно освобождённый от наказанья.

Постигнув Дхаммы высшей смысл,
Он в мире ни к чему уж не влечётся,
О гибели своей он не горюет,
Как спасшийся из пылающего дома.

Что ни возникло бы,
Где б существование ни обреталось —
Нет повелителя над ним,
Великий провидец возвестил о том¹¹⁸.

Тот, кто познал как-оно-есть,
Учение, проповеданное Татхагатой,
Не держится за бытие,
Как не хватаются за раскалённый шар.

«Я был», «Я буду» —
Подобных дум не ведаю давно¹¹⁹;
Всё сотворённое распадётся —
Что горевать о том?

Видя всё таким, какое оно есть,
Он зрит вещей пустое появленье,
Пустую череду условий,
Лишён он страха, о главарь.

Взирая с мудростью,
Он зрит весь мир подобным веткам и траве¹²⁰;
Он ничего не мнит своим,
И потому он не скорбит.

Пресытился я телом,
Другого бытия не нужно мне.
К рожденьям не влекусь:
Когда придёт пора погибнуть,
Другого тела я не обрету.

Вы поступите с моим телом так,
Как вам заблагорассудится;
Ни возмущенья, ни приязни
Это не вызовет во мне.

Слова услышав эти, что власа вздымают,
Из рук разбойники выронили острые ножи;
Спросили: «Бханте, что за учение вы
практиковали,
Кто ваш учитель?
Какой закон познав, пришли к такому
умиротворенью?».

«Учитель мой есть Победитель,
Всезнающий, Всевидящий,
С великим состраданием,
Он всех существ целитель.

Он учит Дхамме высшей,
Что к прекращению приводит;

Последовав сим наставленьям,
Достигнуть можно состоянья без печали».

Постигнув эти славные слова,
Отбросили лиходеи оружие своё;
Одни навеки от злодейства отказались,
Другие постриг приняли.

Пришедшие к Учению Сугаты,
Все звенья Пробуждения взрастив, духовные силы,
Коснулись эти мудрые Ниббаны,
Где составное исчезает,
Не оставляя и следов после себя.

726–746. Парапария Тхера

Отшельнику Парапарии¹²¹,
Что в уединенье в джхане пребывал,
Явилась мысль:
«Какой обет, какое поведенье
Ведут к тому, что человек, себя храня,
Не причиняет никому вреда?».

Одни способности ведут ко злу,
Другие — к благу;
Неохраняемые ведут к ущербу,
А охраняемые — к благоденствию.

Оберегая двери чувств,
Сторожа их,
Мудрец свой долг всегда готов исполнить,
Живым не причиняя зла.

Блуждает если око по зрелищам и формам,
Опасности не видит,

Не ведая узды, —
К одним страданиям тебя это приводит.

Ко звукам если ухо льнёт,
Опасности не слыша,
Не ведая узды, —
К одним страданиям тебя это приводит.

Ты наслаждаешься запахами,
Опасности не чуя,
Не ведая узды, —
К одним страданиям тебя это приводит.

Припоминая вкусы прошлые —
Сладкие, кислые и горькие,
Пленённый жаждой к вкусам,
Сердце своё не пробуждаешь.

Припоминая нежные прикосновенья,
Желаний полный,
К страданиям лишь идёшь.

Кто ум от этого не сторожит,
Тот тяготы лишь получает
От всех пяти.

Наполнено тело кровью и гноем,
Труп будущий;
Умельцы же горазды украсить его,
Словно шкатулку расписную.

Как может обернуться ядом сладость —
Так к милому влечение становится приманкой,
Подобно лезвию,
Намазанному мёдом.

Вид женщины, её прикосновенья,
Запах, голос —
Кто ими обольщён —
К терзаньям лишь стремится.

Несутся от пяти к другим пяти потоки,
Что женщиной зовутся;
Усилье нужно,
Чтоб их одолеть.

Он Дхаммы зрит предназначенье,
Он стоек и различает, является страданьем что;
И даже если радует себя он,
Он не теряет с Дхаммой связи.

Пусть избегает дел пустых он,
К упадку приводящих;
«Не стоит этого мне совершать», —
Так размышляет мудрый.

Но что сопряжено с предназначеньем Дхаммы,
Что дарит радость Дхаммы, —
Есть высшее,
Что возвращать достойно.

Охотник за добром чужим,
Что нажито обманом иль трудом,
В погоне за добычей не гнушается ничем:
Готов других он ранить, мучить, убивать.

Строителю подобно, который
Вбивает колья умело,
Пусть мудрый охраняет двери чувств
При помощи способностей духовных.

Усердие, созерцанье, вера,
Памятованье, мудрость —
Разрушив пять при помощи пяти,
Брахман ничем смущён не будет здесь.

Познавший смысл,
Он пребывает в Дхамме,
Исполнивший заветы Татхагаты,
Безмерного достиг он счастья.

747–768. Телакани Тхера

Хоть в этой Дхамме был прилежен я,
Покоя не обрёл мой ум;
Тогда брахманам¹²² задал я вопрос:
«Кто в мире пересёк поток?
Достиг Неумирающего кто?
Какое мне ещё Учение выбрать,
Что выполнит моё предназначенье?».

Я пойман в сети был,
Как рыба, проглотившая наживку;
Я связан был, как демон Вепачити,
Которого Махинда одолел¹²³.

Я бремя в одиночку нёс своё,
Был не свободен от отчаянья и скорби;
Кто мне поможет, кто спасёт меня,
Кто к Пробуждению направит?

Какой отшельник иль какой брахман,
Познавший истину,
Укажет путь мне
К преодоленью старости и скорби?

Сомнениями и колебаниями объятый,
Окутанный гордыней,
Ведомый гневом,
Зависти исполнен,

Я был пронзён стрелою жажды,
Она застряла у меня в груди;
Смотри — стрелою поражённое,
Сердце моё рвётся на куски.

Воззренья ложные я не оставил,
Воспоминаньями питая их, мечтами;
Озябший, весь дрожу,
Подобно листьям на ветру.

Мой ум терзает самомнение,
И тело, что с шестью дверями,
За каждым из контактов мчится.

Нигде вокруг целителя не вижу,
Кто мог бы стрелы вынуть из меня¹²⁴,
Не повредив костей,
Не изувечив эту плоть.

Властитель Дхаммы, Учитель мудрый —
Когда тонул в глубоких водах я,
Он протянул мне руку,
На берег переправиться помог.

Я погружён был в топкое болото,
Исполненный гордыни, изворотливости, лени,
Не в силах грязь и водоросли с себя смыть.

Неугомонность — словно дождевое облако,
Оковы — словно грозовые тучи,

Рождённые из вожделенья устремления —
как ветер,
Уносящий человека, воззренья чьи дурны.

Повсюду несутся потоки,
Повсюду прорастают сорняки;
Кто сможет прекратить потоки?
Кто сможет вырвать сорняки?

Ответ Будды:

Построй запруду, досточтимый, —
Так остановишь ты потоки;
Не дай им подточить тебя,
Как подрубают дерево.

Наставник, сделавший мудрость
орудием своим,
Стал мне опорой, когда я в страхе
Барахтался,
Ища земную твердь.

Я увязал в трясине,
Когда Наставник лестницу подал,
Что сделана из Дхаммы сердцевины,
И наказал мне страх теперь оставить.

Взобравшись на памятованья башню,
С неё узрел я множество людей,
Что, как и прежде я,
Лелеяли о личности воззренья.

Поднявшись на корабль,
Я увидел путь,
Лишённый одержимости «собою»,
С надёжной гаванью в конце.

Стрела та называлась «я»,
С ней зарождались новые существованья;
Но Будда научил меня,
Как извлекается стрела.

Я долго в заточенье пребывал,
Но развязал Сугата узел,
Которым связан был я крепко;
Излит был яд из сердца моего.

769–793. Раттхапала Тхера¹²⁵

Взгляни на эту вычурную куклу —
Нечистое собрание частей,
Что двигаются суматохой мыслей,
Ни в чём не находя опоры твёрдой.

Взгляни на эту вычурную куклу,
Каменьями увешанную и серьгами;
Скелет, что в кожу был обёрнут,
Красив лишь одеянием на нём.

Украшенные ноги,
Пригожее лицо —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Вот волосы, что в восемь кос заплетены,
Сурьюю подведённые глаза —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Раскрашенное, словно шкатулка расписная,
Пусть и зловонно это тело,
Достаточно его, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Повсюду ловец расставляет капканы,
 Но дичь не всегда попадается в них;
 Наживку схватив, я ускользаю,
 Ловца оставляя ни с чем горевать.

Поломаны, выброшены его капканы,
 Не попадётся дичь в них никогда;
 Наживку схватив, я ускользаю,
 Ловца оставляя ни с чем горевать.

Я вижу в этом мире богачей —
 Из-за неведенья они не делают даров,
 Из страха берегут своё добро,
 Из жадности алчут чувственных услад.

Могучий царь, что силой землю покорил,
 Владеет странами от моря и до моря,
 Но ненасытен он и жаждет захватить
 Земель пределы он другие¹²⁶.

Царь, богачи и множество людей
 Мир оставляют с неутолённой жаждой.
 Ею исполненные,
 Дыханье выпускают.

Их близкие скорбят,
 Рвут волосы на голове:
 «О боже, он покинул сень земную!». —
 Но коченеющее тело ждёт уже костёр.

Гореть ему в одном лишь отрезе ткани,
 Всю роскошь и богатства оставив позади;
 Ни родные, ни близкие помочь не в силах,
 Тому, кто в смерти ланы цепкие попал.

Его богатством другие завладеют сразу,
 Когда пойдёт скитаться дальше он
 Под гнётом каммы;
 Имущество его не следует за ним,
 Оставить позади придётся жён, детей и царство.

Златом не купить жизнь долгую,
 Не обмануть богатством старость;
 Жизнь скоротечна — помнит это мудрый,
 Изменчива она, зыбка.

Богач или бедняк, глупец ты иль мудрец —
 Коснется смерти всех костлявая рука;
 Глупец страшится этого касанья,
 Он слеп в неведение своём,
 Лишь мудрый непоколебим.

Превыше славы и богатства — мудрость,
 С ней обретают истинное благо;
 Без мудрости, неведением ведомы,
 Скитаются из мира в мир слепцы,
 Творя злодейства тут и там.

Блуждая по мирам
 В сансары бесконечной круговерти,
 Он и других — тех, кто ему поверил,
 С собою из одной утробы увлечёт в другую.

Как вор, застигнутый на месте кражи,
 Побит бывает за деяния свои,
 Так и злочинец
 Пожнёт плоды своих проступков в новой жизни.

Сладки, пленительны, милы
 Те страсти, что дурманят разум;

Узрев опасность в них, о царь,
Я в жизнь бездомную ушёл.

Как фрукты падают с деревьев —
Так и старые, и молодые покидают этот мир.
Узрев опасность в этом,
Я жизнь отшельника избрал.

Доверившись, ушёл я в Победителя ученье,
И не напрасным стал мой постриг;
Свободный от долгов,
Ем я свой хлеб.

Я сладострастье вижу как огонь,
А злато с серебром — как остриё ножа,
О боли помню я вхождения в утробу,
Об ужасе пылающих костров.

Опасности узрев,
Я чувством неотложности проникся;
Я был пронзён, но смог найти покой,
Пришёл я к прекращению влечений.

Учитель ждал меня —
Исполнил я его заветы
И сбросил тяжкое ярмо;
Всё, что вело к существованию, — оставил.

Достиг я цели той,
Ради которой променял дом на скитанья:
Избавился я от оков.
Что может быть мне нужно сверх того?..

794–817. *Малункьяпутта Тхера*

Когда на формы он с умом пылающим взирает,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он¹²⁷.

Так много чувств из созерцанья форм родится,
А ум, сметённый жадностью,
От истинной Прохлады отдалится.

Когда к звукам он прислушивается с умом
пылающим,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он.

Так много чувств из услажденья слуха родится,
А ум, сметённый жадностью,
От истинной Прохлады отдалится.

Когда вдыхает ароматы он с умом пылающим,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он.

Так много чувств из обонянья запахов
родится,
А ум, сметённый жаждою с досадою,
От истинной Прохлады отдалится.

Когда вкушает яства он с умом пылающим,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он.

Так много чувств из наслажденья вкусами родится,
А ум, сметённый жаждою с досадой,
От истинной Прохлады отдалится.

Когда прикосновенья осязает он с умом пылающим,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он.

Так много чувств из прикосновений родится,
А ум, сметённый жаждою с досадой,
От истинной Прохлады отдалится.

Когда раздумьям предаётся он с умом пылающим,
Добычей лёгкою становится внимание его,
Памятование прекращается тотчас;
В захваченности пребывает он.

Так много чувств из раздумья родится,
А ум, сметённый жаждою с досадой,
От истинной Прохлады отдалится.

Взирая на формы в памятовании ясном,
Он не питает к ним влеченья;
Свободен ум его,
Он не привязан к формам.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Наблюдая формы,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

Слушая звуки в памятовании ясном,
Он не питает к ним влеченья.

Свободен ум его,
Он не привязан к звукам.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Слушая звуки,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

Вдыхая ароматы в памятовании ясном,
Он не питает к ним влечения;
Свободен ум его,
Он не привязан к ароматам.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Вдыхая ароматы,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

Вкушая яства в памятовании ясном,
Он не питает к ним влечения;
Свободен ум его,
Он не привязан к яствам.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Вкушая яства,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

Ощущая прикосновения в памятовании ясном,
Он не питает к ним влечения;
Свободен ум его,
Он не привязан к прикосновениям.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Прикосновения ощущая,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

Раздумьям предаваясь в памятовании ясном,
Он не питает к ним влеченья;
Свободен ум его,
Он не привязан к раздумьям.

Для того, кто в памятовании пребывает,
Раздумьям предаваясь,
Все чувства мало-помалу исчезают —
Так достигает он убывания страданий,
Близка Ниббана для него.

818–841. Села Тхера¹²⁸

Села:

Твой вид внушает восхищенье,
Могуч ты телом, статен;
Блестит подобно злату твоя кожа,
И зубы твои — словно снег,
Силою ты преисполнен.

Благообразны все твои черты,
На теле твоём
Великого человека отметки¹²⁹,
Их можно распознать.

Ясны твои очи,
Красой лица ты затмеваешь Брахму,
Величествен и прям,
Средь Сангхи ты сияешь, словно солнце.

О славный обликом отшельник,
Чего ты ждёшь от сей бездомной жизни?
С такой золотистой кожей,
С таким благолепным обличьем?

Царём над страною быть ты достоин,
Колесничим истинным,
Быком средь великих героев,
Владыкою Джамбусанды¹³⁰.

Военачальники и богачи, правители —
Все станут слугами тебе;
Ты царь царей, людей владыка,
О своём царстве возвести, Готама!

Будда:
Я — царь, о Села,
Царь в Дхамме наивысшей,
Запустивший колесо,
Что вспять не повернуть.

Села:
Ты Пробужденье совершенное провозглашаешь
В непревзойдённой Дхамме;
Возвещаешь,
Что запустил Ученья колесо, Готама.

Но кто же полководец твой?
Кто колесо вращает,
Тобой запущенное?

Будда:
Сарипутта, полководец Дхаммы,
Следующий заветам Татхагаты,
Воитель Учения подлинного,
Вращает колесо, запущенное мною.

То, что познать было должно, — познано;
 То, что взрастить было должно, — возвращено;
 То, что отринуть было должно, — отринуто;
 И потому зовусь я Пробуждённым, о брахман.

Ты изгони сомнения свои,
 О брахман;
 Трудно в этом мире узреть Татхагату,
 Воистину.

Так редко озаряет свет его планету,
 Я — тот, кто извлекает стрелы;
 Целитель беспорочный,
 Пробуждённый я.

Я — Брахма,
 Воитель славный, одолевший Мару и всех врагов;
 Ликующий теперь,
 Лишённый страха.

Внемли, о брахман,
 Сокрушителю тьмы непроглядной;
 Тому, кто вынимает стрелу,
 Герою,
 Что издаёт свой рык подобно льву в лесу.

Села:

Он — Брахма,
 Воитель славный, одолевший Мару и всех врагов;
 Его увидев, веры кто не обретёт,
 Хоть и исполнен был сомнений изначально?

Пусть тот, кто желает идти со мной, — идёт;
 Кто не желает — пусть уходит;
 Приму я постриг под началом Благословенного,
 Прямо сейчас.

Брахманы:

Брахман, если идёшь ты,
Приняв учение Всецело Пробуждённого,
Последуем мы за тобой!

Сложив в анджали ладони,
Просили три сотни брахманов
Будду принять их в Сангху славную.

Возвышенная жизнь была возвещена —
Так Будда отвечал.

Мудрыми зрима я здесь и сейчас,
Жизнь тех, кто не беспечен,
Пусть в чистоте пройдёт.

Семь дней мы укрощали себя в Дхамме,
Семь дней в укрощении самих себя минуло.
Сегодня же будет день восьмой,
Как обрели Прибежище в тебе.

Наставник Пробуждённый, победитель Мары,
Ты вырвал корень омрачений всех;
И, перебравшись на Тот берег,
Теперь другим ты помогаешь.

Преодолев цеплянья все,
Уничтожив зла ростки,
Ты — лев, не ведающий трепета и страха,
В покое пребываешь.

Склонились пред Готамой славным
Три сотни бхиккху,
Сложив ладони в анджали,
Дань почести Учителю воздав.

842–865. *Калигодхануттабхаддия Тхера*

Катался прежде на слонах,
Наряженный в изысканные платья;
Вкушал я блюда на пирах;
Увы, но ускользало счастье.

Но ныне же ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Одетый в обноски,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Живя подаяньем,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Имея три чивары,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Ходя за подаянием без предпочтений,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Живя в уединенье,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Тем, что в чашу положили, питаюсь,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

После полудня пищи не касаясь,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

В диких местах обитая,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Пребывая у корней деревьев,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Живя без крыши над головою,
 Ликую я,
 Безмерных джхан познав бесстрастье.
 И рада остаткам чаша моя;
 Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Ночи на кладбищах проводя,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Любое сиденье, что предлагают, принимая,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Отказываясь в ночи прилечь,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Имея немного желаний,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Всегда довольный, настойчивый,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Избегая компаний любых,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Усердный, прилежный,
Ликую я,
Безмерных джхан познав бесстрастье.
И рада остаткам чаша моя;
Годхи я сын, стойкий Бхаддия.

Я бронзовую и золотую чаши
На глиняную променял,
И это мне второе посвященье.

Я в крепости высокой прежде жил,
Где велики ворота и зубцы,
Но всё же я дрожал от страха,
Пусть даже под защитой был.

А ныне я живу без страха,
От трепетанья ума свободен,
Счастливый, Годхи я сын,
В лесу достигающий джхан.

В добродетели твёрдость храня,
Взращая память и мудрость,
Оковы все отбросил я.

866–891. *Ангулимала Тхера*¹³¹

Ангулимала:

Отшельник, ты идёшь,
А говоришь, что остановился.
А я остановился, но ты сказал, что я иду.
Раскрой же смысл своих мне слов.

Будда:

Я остановился, Ангулимала, я стою,
Отринув всё насилье к существам.

Ты же в насилии своём не остановился,
Вот в чём значение слов моих.

Ангулимали:

О, наконец в лес сей пришёл мудрец,
Отшельник великий, кто мной почитаем.
Услышав от него Дхамму,
Отрину зло всё от себя!

Так говоря, нож бросил лиходей:
К ногам Счастливого припал,
Монахом стать он пожелал.

«Иди, о бхиккху!» — Счастливый отвечал,
Великим состраданием преисполненный,
Богов учитель и людей,
И это стало постригом Ангулимале.

Кто прежде безрассудным был,
А стал затем иным,
Освещает мир, как луна,
Глядящая из облаков¹³².

Кто прежде зло вершил,
Но стал творить благое,
Освещает мир, как луна,
Глядящая из облаков.

Молодой бхиккху,
Преданный беззаветно учению Будды,
Освещает мир, как луна,
Глядящая из облаков.

Пусть даже враги мои услышат Дхамму!
Пусть даже враги мои обретут в ней радость!

Пусть даже враги мои найдут людей,
Что преданы Дхамме!

И пусть они услышат Дхамму
В положенное время,
Терпенье восхваляя
И ум свой взращивая сообразно!

Они не смогут нанести урон
Ни мне, ни кому-либо ещё,
Достигнут наивысшего покоя,
Охраняя существ как слабых, так и сильных.

Строители каналов подчиняют воду,
Лучники — стрелы,
Столяры — дерево,
Мудрые смиряют самих себя.

Одни усмиряют других палками,
Секут и стегают их,
Но Будда усмирил меня
Без палок и хлыстов.

Моё имя ныне «безобидный»,
Хоть прежде я терзал других.
Я совестлив отныне,
Вреда не причиняю никому.

Я лиходеем был,
Ангулималой, овсянным дурною славой.
Он смыт теперь великим наводнением,
Я принял прибежище в Будде.

В крови по локоть были руки
Печально известного Ангулималы.

Принял прибежище в Будде я,
Отрезал корень становленья.

Сотворив зло,
Что вело к участи дурной,
Я испытал плоды своих деяний,
Свободен ныне от долгов¹³³.

Безрассудны глупцы,
Но мудрые безрассудства избегают:
Благоразумие, словно сокровище,
Блюдут.

Чурайтесь безрассудства,
Любовных связей.
Благоразумные, взрастившие джханы,
Обретёте вы высшее счастье.

С радостью, не противясь,
Из всех наставлений, что в мире есть,
Получил я лучшее наставление.
Три знанья мной достигнуты,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

В чащобах, пещерах, расселинах гор,
Под корнями деревьев —
Где бы я ни пребывал,
Мой ум был взволнован всегда.

Сейчас я счастлив: стою иль лежу —
Повсюду я счастлив;
Я вне пределов Мары,
Поистине учитель имел состраданье ко мне.

Я в касте брахманов рождён был,
Чистой с обеих сторон;

Сейчас Счастливого, царя Дхаммы,
Я сын родной.

Свободный от жажды, живу без цепляний,
Двери чувств охраняя, сдержанный,
Вырвав корень страданий,
Изгнав помраченья ума.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

892–919. Ануруддха Тхера¹³⁴

Оставив мать с отцом,
Сестёр и братьев, всех сородичей,
Отринув пять нитей чувственных услад,
Ануруддха созерцает в джханах.

Посещая танцы и спектакли,
Наслаждаясь игрою на кимвалах,
Другой не очищает себя,
Пребывая в чертогах Мары.

Но он оставил это всё,
Преодолея потоки,
Упивается только учением Будды —
Ануруддха созерцает в джханах.

Формы, звуки, запахи, вкусы,
Прикосновения, что милы уму, —
Всё это оставил он —
Ануруддха созерцает в джханах.

Муни, вернувшийся со сбора подаяний,
В уединенье, без компании.

Он ищет куски ткани в пыльной куче —
Ануруддха, отбросивший все цепляния.

Вдумчивый мудрец, без омрачений,
Выбирает тряпки из пыльной кучи.

Он стирает, красит их,
Из них мастерит себе одеянья.

Порочна Дхамма у того,
Исполнен кто желаний,
Кто недоволен и спесив,
Стремится быть всегда на людях.

У памятующего же,
Всегда довольного,
С желаньями немногочисленными,
У радующегося и усердия исполненного —

У того Дхамма — благая,
Она к Пробуждению ведёт,
Нет в ней оков.
Так великий отшельник сказал.

Мои раздумья распознав,
Учитель мира несравненный
Сотворил тело своим умом¹³⁵;
Используя чудесные силы,
ко мне приблизился.

Мои раздумья распознав,
Он учил меня дальше;
Сам не связанный представлениями¹³⁶,
Учил меня свободе от представлений.

Проникнув в Дхамму,
Упивался я Учением.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Пятьдесят пять лет прошло с тех пор,
Как я перестал лежать на кроватях;
Двадцать пять лет —
Как я отбросил лень.

Непоколебимый, со стойким умом,
Нацеленный на высший покой,
Прозорливый,
Достиг Ниббаны он¹³⁷.

С неунывающим умом,
Не дрогнув, ощущенья все стерпел;
Освободился его ум —
Так угасает лампада.

Это его последние впечатления,
Последний контакт, что коснулся Муни.
Отныне не будет для него никаких явлений,
Он успокоился в Ниббане.

С божественными мирами покончено,
Не заманить его в ловушку.
Завершено сансарное блужданье,
И нет рожденья больше для него.

Способный вмиг увидеть тысячи миров,
Проникнув и в обитель Брахмы,
Сил мастер неземных —
Он видит всех существ возникновение
и исчезновение,
И даже дэвы ведомы ему.

В прошлом носильщик горемычный
По имени Аннабхара,
Который сделал подношение
Отшельнику великому — Упариттхе¹³⁸,

Затем родился в Сакьев клане,
Как Ануруддха стал известен.
Я окружён был пением и танцами.

Узрев Благословенного,
От страха всецело свободного,
Исполнившись верой,
Ушёл в скитанья я.

Я знаю свои прошлые обители:
Как был я Саккой в Татавимсе,
Семь раз был Индии повелителем,
Что правил без палки, справедливо.

Семь здесь, семь там —
Четырнадцать рождений;
Я помню свои прошлые обители,
Как пребывал среди богов.

В самадхи из пяти звеньев я покоюсь,
Мирном, однонаправленном;
Божественное обрёл я око.

Известно мне существ возникновение
и исчезновение,
Скитания их по уделам разным;
При помощи самадхи из пяти звеньев
Я постигаю это.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:

Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Жизнь подошла к концу моя,
В деревне Велува успокоюсь я,
В зарослях бамбука.
Свободный от всех влечений,
Угасну в Ниббане.

920–948. Паранария Тхера

Отшельник в джханах пребывал,
В великой чаще, утопающей в цветах,
В уединенье, с собранным умом,
Такую мысль обдумывал он¹³⁹:

Нрав бхиккху наших дней отличен
От нрава тех,
Что жили при Благословенном,
Защитнике мира.

Чивары монахи прошлого носили,
Лишь прикрывая собственное тело,
Дабы от солнца и ветров спастись.
Они немного пищи ели,
Довольные и тем, что в чашу положили им.

Будь пища лакомой иль грубой,
Будь её мало или вдосталь —
Им было всё равно.
Ведь её смысл лишь в поддержанье тела,
А жадности к еде они не ведали давно.

Охочи не были
До всех вещей необходимых,

Будь то лекарство или что иное,
Стремясь лишь к прекращению влечений.

В пещерах, чащах диких, у корней деревьев,
Они обретали покой в уединенье;
Так пребывали,
К назначенью своему стремясь.

Непритязательные, лёгкие в увещеванье,
Лишённые строптивости, малоречивые,
Об устремлении своём не забывающие,

Они рождали вдохновенье
Всем обликом своим:
Тем, как они шествуют, как пищу принимают,
Как взращивают путь.

Оставив позади влеченья,
Они достигли высшего успокоенья,
В созерцании и благодетелях безмерные.
Немного ныне таких, как они.

Увы!
Мир оставляют мудрость и благие качества,
Идёт к своей гибели ученье Победителя.

Настало время зла и загрязнений;
Немногие теперь уединенья ищут —
Как мало тут осталось от Дхаммы подлинной.

Лишь возрастают загрязнения,
Завладевая целиком людьми;
Они играют с ними,
Как с полоумными играют демоны.

Окутанные скверной,
Суеятся бесконечно,

Среди того, что лишь усиливает омраченья их,
Словно самих себя вызвали на поле битвы.

Отринув подлинную Дхамму,
Друг с другом препираются;
Исполненные злых воззрений, мнят:
«Так оно лучше».

Оставили свой дом, жену, детей, богатство,
Но то, что сделать надобно, —
Отказываются делать,
На всё готовые ради еды.

Наевшись вдоволь,
Сладко спят;
Проснувшись, пустословят,
Ведя те разговоры, что Учитель порицал¹⁴⁰.

Ремёсла и искусство любви им:
Осваивать они их рады,
Не зная мира и покоя у себя внутри,
Мнят, что это отшельникам подходит.

Они готовят масло, глину,
Порошки и зубочистки,
Фрукты, еду и воду для мирян,
Ожидая большего взамен.

В лечении они подобны докторам,
В делах — домовладельцам,
В украшениях — куртизанкам,
В правомочиях — кхаттиям¹⁴¹.

Лукавство, жульничество,
Криводушие, доносы;

Они вынашивают хитроумные затеи,
Радуюсь мирскому благополучию.

Стяжают золото,
Используя подлог и плутовство,
Пускаясь в ухищрения любые.

Учить готовы Дхамме,
Но не ради Дхаммы —
Корысть лишь на уме,
Ради которой они устраивают компании.

Вне Сангхи толкуют об имуществе Сангхи,
Бесстыдные,
Не ведают, что живут за счёт благодетелей.

С обритой головой,
Одетые в чивары,
О практике благородных не думают,
Алчут лишь довольства и благоговения.

В дни оскудения,
В наши дни,
Непросто осознать, что делать надобно
Или как содеянное сохранить.

Имея памятование,
Можно босому по терниям пройти;
Так и Муни бродит пусть в деревне.

Держа в сердце отшельников минувших дней,
Их поведение вспоминая,
И в наши можно времена
К Несумирающему прикоснуться.

Так говорил отшельник в роще Сала,
Брахман, чем ум взращён был славно.
Успокоился он в Ниббане,
Нет для него рожденья вновь.

ТРИДЦАТЬ СТРОФ

949–980. Пхусса Тхера

Отшельников увидев, что рождают
вдохновенье, —

С взращёнными умами, сдержанных,
Провидец Пандараса спросил
Того, чьё имя Пхусса¹⁴²:

«Ответь, пожалуйста, мне о грядущем:
Что станется с людьми,
Что будет их желаньями и помыслами двигать?».

«Я опишу тебе грядущее,
О мудрый Пандараса,
Внемли внимательно моим речам.
Я буду говорить.

В грядущем люди будут недобрыми,
Лютыми, строптивыми, лукавыми,
Завистливыми,
С воззрениями дурными.

Мнить станут, будто осознали возвышенную Дхамму,
Суется лишь на этом берегу,

Не почитая ни Учение,
Ни товарищей своих.

Так много туч нависнет над Дхаммой:
Глупцы опорочат её,
Славно некогда возвещённую.

Лишённые и малой толики благих качеств,
Несведущие, тёмные,
Невоздержанные на язык —
Такие бхиккху получают в Сангхе власть.

Те же, кто обладает качествами благими,
Кто кроток, добросовестен и непредвзят,
Не смогут своего голоса возвысить.

Прохвосты захотят стяжать
И серебро, и золото,
Овец и коз, поля,
Рабов — мужчин и женщин.

Лишённые всех добродетелей,
В других изъязыны станут лишь искать;
Бесстыжие пойдут бродить повсюду,
Напоминающие диких хищников.

Обёрнутые в чивары голубые¹⁴³,
Погрязшие во лжи и своенравном безрассудстве,
Напыщенные,
Они лишь по названию отшельниками будут.

С напوماженными волосами,
С подведёнными тушью глазами
Будут путешествовать туда и сюда,
Завёрнутые в кремовые одеянья.

Им будут милы белые платья,
А охры цвет, знак арахантов,
Носимый освобождёнными,
Они отринут.

С прихотями многими,
Утопающие в праздности,
Они откажутся от обитателей диких,
Предпочитая шумные селенья.

Безудержные, они любезны будут с теми,
Кто денег не считает;
Общаться станут с теми, кто несправедливо живёт,
По их прообразу.

Людей же мудрых, добрых сердцем,
Но с пустым карманом —
Привечать откажутся,
Их почитать они не станут.

Все символы Учения предадут,
Чтоб выбрать символы чужие;
Не воздавая почестей цвету охры,
Предпочитая иноверцев белые цвета.

Почтенья будут лишены
К чиваре цвета охры;
На ум им даже не придёт
Мысль о чиваре цвета охры.

Пронзённый стрелою, страдающий, слон
Не мог и помыслить об упадке таком.
Он, великан с шестью бивнями,
Увидев арахантов знамя,
Таковыми разразился стихами:

Наденет кто чивару цвета охры,
 Себя от скверны не очистив,
 Лишённый контроля и правды,
 Чивары этой не достоин.

Но тот, кто обуздан и честен,
 Кто одарён добродетелью,
 Пороки свои уменьшив,
 Тот не напрасно в оранжевое одеянье облачён.

Порочные, неразумные,
 Делающие то, что вздумается им,
 С умами, блуждающими тут и там,
 Они не достойны оранжевого одеянья.

Но тот, кто полон мудрости, спокоен,
 Кто добродетелен и вожделения лишён,
 Чьи устремления чисты,
 Чивары цвета охры тот достоин.

Глупец беспечный и заносчивый,
 В поведении дурной —
 Такому впору белые одежды,
 Но не чивара цвета охры.

Придёт пора,
 Когда и бхиккху, и бхиккхуни¹⁴⁴
 С порочными умами, тёмные,
 Бесславить будут тех, кто сердцем добр.

Знать будут, как надеть чивару,
 Но главных знаний будут лишены —
 Порочные и неразумные,
 Творящие, что вздумается им.

В расчёт не принимая обучения,
Почтения лишённые друг к другу,
Мимо ушей пропускают наставления учителя,
Как скакуны, не слушающие наездника.

Такими будут эти времена,
Последние.
Такими станут и бхиккху, и бхиккхуни.

И перед тем, как времена,
Вгоняющие в трепет, грянут,
Будьте мягки в увещеванье, добрыми в речах,
Друг друга почитайте¹⁴⁵.

Вы ум безмерный в благопожелании
И в состраданье укрепляйте,
Благоразумны будьте и тверды,
Добродетели незыблемо блюдите.

Узрев в беспечности великую опасность,
Всё время бдительность храните;
Путь взращивайте благородный,
К Неумирающему прикоснитесь.

981–1017. Сарипутта Тхера¹⁴⁶

Памятующий о своих поступках,
Благоразумный, с устремленьями благими;
Сдержанный, всегда спокойный;
С лёгкостью достигающий самадхи,
Пребывающий в одиночестве —
Зовите его бхиккху.

Пищу принимая,
Не ест никогда вдоволь:

Живота не набивая,
Памятование неизменно охраняет.

Вместо четырёх или пяти кусков еды
Испить воды —
Достаточно для славной жизни
Бхиккху непоколебимого.

Пригодная чивара,
Что тело прикрывает, —
Этого достаточно для славной жизни
Бхиккху непоколебимого.

Если дождь не заливает колени
Бхиккху, сидящего со скрещёнными ногами, —
Этого достаточно для славной жизни
Бхиккху непоколебимого.

Того, кто узрел счастье как тяготу,
А тяготу — как стрелу,
Прозрев, что нет различья меж ними, —
Его что в мире этом может потревожить?..

«Пусть я не сойду с дурными товарищами,
Ленивыми, лишёнными рвения,
непочтительными!» —

Так раздумывает он.
Его что в мире этом может потревожить?..

Мудрец с познаниями великими,
Наделённый добродетелями,
С умом, что в созерцанье погружён,
Пусть он возвышается на пьедестале.

Тот, кто лелеет представленья,
Кто отдаётся им, подобно зверю, —

Далёк он от Ниббаны,
Непревзойдённой свободы от бремени.

Тот, кто отринул представленья,
Радуюсь свободе от представлений,
Тот благословлён Ниббаной,
Непревзойдённой свободой от бремени.

Лес иль деревня,
Земли низкие иль высокие —
Любое место восхитительно,
Если населено оно арахантами.

Волшебны дикие чащи,
Пусть не милы они обычным людям;
Отвергнувшие вожделенье здесь ликуют,
Им не милы услады чувств.

Коли найдёшь собрата,
Готового всю правду о твоих изъянах рассказать,
То береги его, как клад,
Ведь с ним ты сможешь лучше стать.

Он наставлять и увещевать способен,
Он от дурного сбережёт.
Такой друг любезен памятующим —
Но не тем, кто памятованием обделён.

Благословенный, Будда,
Видящий,
Он в Дхамме наставлял других;
Я обратился в слух.

Не напрасным было моё внимание:
Освобождён я, без влечений,

Не ради памяти о прошлых обителях,
Не ради ока божественного,

Не ради познания умов других существ,
Не ради познания их прежних воплощений,
Не ради очищения ока знания —
Не ради всего этого я рвенье зародил.

У корней деревьев,
С обритой головою,
В чиваре цвета охры
Упатисса Тхера¹⁴⁷, в мудрости великий,
Созерцает в джхане.

Безмыслия достигнув,
В молчанье благородном пребывая,
В нём укрепился твёрдо я.

Ученик Благословенного,
Скале подобный,
Стоящей крепко и стихии неподвластной,
Всё заблуждение оставив,
Живу теперь без трепетаний.

Для беспорочного,
Кто неустанно ищет чистоты,
Даже песчинка зла покажется огромной.

Не прирастившись к жизни
И к смерти не стремясь,
В памятовании и ясном постижении
Оставляю это тело.

Не прирастившись к жизни
И смерти не страшась,

Я часа своего спокойно дожидаясь,
Как жалования служитель.

И прежде, и в грядущем
Здесь гибель — не бессмертие:
Не гибните, усилье приложите!
Иначе время утечёт сквозь пальцы.

Как крепость охраняют снаружи и изнутри,
Так неустанно сторожи себя ты.
Не позволяй моменту ускользнуть:
Кто его упускает, впоследствии страдает
в низших мирах.

Невзволнованный, тихий,
Чьё слово на вес золота;
Он зло в себе разрушил,
Как вихрь рвёт с деревьев листья.

Невзволнованный, беспечальный,
Мудрый, непоколебимый,
Умелый в поведении,
Он положит конец страданиям.

Не стоит веру возлагать на домохозяев,
Да и на монахов тоже;
Кто прежде был надёжным, может
стать дурным,
А кто дурным был, может стать хорошим.

Страсть, злоба,
Неугомонность и беспокойства,
Лень и сонливость, сомнения —
Порочат бхиккху эти пять.

Его самадхи несокрушимо:
Будь почитаем он иль презираем —
Благоразумием исполнен он всегда.

Он пребывает в джхане,
В прозрении в воззрения,
Радуюсь прекращению цепляний,
Великий человек.

Ни великая земля, ни океан,
Ни горы и ни ветер
Несоизмеримы с дивным ума освобожденьем.

Тхера, который вращает колесо,
Запущенное Татхагатой,
С великим знанием и созерцаньем,
Подобен он огню, воде, земле¹⁴⁸, —
Он не привязан ни к чему на свете,
И ничего не отвергает он.

Достигший мудрости непревзойдённой,
Пробуждённый, с великим пониманьем —
Не прост он,
Хоть и выглядит простым.
Он странствует, угасший.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Старайтесь, не будьте безрассудными,
Это моё вам наставленье.
Всецело освобождённый,
Я успокоился в Ниббане.

1018–1054. *Ананда Тхера*¹⁴⁹

Мудрец пусть сторонится дружбы
С клеветником, скупцом¹⁵⁰,
С тем, кто к другим враждебен и радуется
бедам их, —

Такая дружба не ведёт к добру.

Мудрец пусть с тем сойдётся,
Кто полон веры,
Умён, имеет много знаний,
В общении приятен, —
Такая дружба приведёт к добру.

Взгляни на эту вычурную куклу¹⁵¹ —
Грудю болезней,
Составленное из частей тело, нечистое,
Лишённое устойчивости.

Взгляни на эту вычурную куклу,
Каменьями увешанную и серьгами;
Скелет, что в кожу был обёрнут,
Красив лишь одеянием на нём.

Украшенные ноги,
Пригожее лицо —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Вот волосы, что в восемь кос заплетены,
Сурью подведённые глаза —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Раскрашенное, словно шкатулка расписная,
Пусть даже и зловонно это тело —

Достаточно его, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Будды сподвижник,
Ученик со знаниями великими,
Благоречивый,
Он сбросил бремя;
Готама прилёг отдохнуть¹⁵².

Разбивший все оковы,
Ничем не связанный,
Он носит своё последнее тело,
Покончив с рождением и смертью.

Он тот, в котором наставления Потомка солнца
Утверждены прочно.
Стоит он твёрдо на пути
К Ниббане¹⁵³.

Восемьдесят две тысячи учений получил от Будды,
Две тысячи — от бхиккху;
Всего восемьдесят четыре тысячи учений в голове
храню я¹⁵⁴.

Неразумный старится, как вол:
Мышцы его разрастаются,
Мудрости же не прибавляется¹⁵⁵.

Много знающий человек,
Кто презирает мало знающего,
Подобен слепому,
Который держит в руках светильник.

Следовать мудрым и знания не терять,
Дхамму вдумчиво изучать —

Вот корень святой жизни,
Пусть пребудет всегда в уме Учение.

Сущность познавая,
Он в памяти хранит
То, что возвещено ему,
Затем в уединении исследует Ученья глубину.

Вникая в сердцевину,
Он упоение от Дхаммы обретает.
Пылкость и рвенье прилагая,
Безмятежность внутри себя открывает.

Пусть тот, кто к Дхамме устремлён,
Найдёт себе в наставники последователя Будды,
Учёного и мудрого,
В толковании сути знатока.

Собой озаряет мир тот,
Кто знающий и в памяти Ученье сохранил.
Он хранитель великого сокровища —
Учёный и достойный прославления.

Дхамме радоваться,
Дхаммой упиваться,
К Дхамме мыслями возвращаться,
О Дхамме вспоминать —
Тогда от Дхаммы славной не отпасть.

С телом тяжёлым,
В поисках радостей плотских —
Жизнь утекает сквозь пальцы.
Отшельником станешь ли тут?

Все очертания померкли вдруг
С уходом друга доброго —

Дхамма стала размытой для меня,
Настала мгла¹⁵⁶.

Если друга твоего не стало,
Если учитель твой мёртв и тебя оставил,
Нет ничего лучше
Памятования, направленного на тело¹⁵⁷.

Старые приятели покинули земную сень,
С новыми я не в ладах.
Созерцаю в джхане я один,
Словно птица в уютном гнезде.

Из земель далёких странники прибыли
Повидать меня.
Не преграждай им путь,
Пусть они увидят меня!

Из земель далёких странники прибыли
Повидать его.
Видящий не преградил им путь¹⁵⁸.

Четверть века минуло,
Как я стал учеником.
С той поры ни капли страсти не возникло во мне —
Взгляни на Дхаммы совершенство!

Четверть века минуло,
Как я стал учеником.
С той поры ни капли злости не возникло
во мне —
Взгляни на Дхаммы совершенство!

Четверть века я верою и правдою
Служил Татхагате,

Как тень, повсюду следовал за ним,
С деяниями, полными любви.

Четверть века я верою и правдою
Служил Татхагате,
Как тень, повсюду следовал за ним,
С речами, полными любви.

Четверть века я верою и правдою
Служил Татхагате,
Как тень, повсюду следовал за ним,
С думами, полными любви.

Ходил за ним я по пятам;
Когда он в Дхамме наставлял,
Открылось знание во мне.

Я путь сполна весь не прошёл,
Мой ум предела не достиг.
Учитель, полный состраданья,
Достиг уже Париниббаны.

Кровь стынет в жилах —
Свершилось!
Он, Всецело Пробуждённый,
Одарённый всеми добродетелями,
Достиг Париниббаны.

Ананда, с великими знаниями,
Знаток Дхаммы, хранитель её сокровищ,
Око всего мира,
Достиг Париниббаны.

Ананда, с великими знаниями,
Знаток Дхаммы, хранитель её сокровищ,

Око этого мира,
Развеял мглу неведения.

Мудрец, что выучил всецело Дхамму,
Освоил очередность её всю,
Удерживая в уме крепко,
Хранитель сокровища Дхаммы.

Служил Учителю я верно,
Исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И нет для меня рожденья вновь.

СОРОК СТРОФ

1055–1094. Махакассана Тхера¹⁵⁹

Пусть не стремится он к толпе:
Её вниманье ум смущает,
Самадхи не достигнуть так;
Сближенье тягостно с людьми,
Компаний лучше сторониться.

Пусть мудрый чурается богатых семейств,
Общение с ними отвлекает ум,
Самадхи не достигнуть так;
Влекомый вкусами
Цель упускает свою.

Благоговение, почёт — словно топь,
Как тонкая стрела,
Что вонзилась в сердце;
Дурному человеку благоговенье не оставить.

Спустился в город я
За подаяньем;
Рядом с прокажённым, принимавшим пищу,
Осторожно встал.

Своими сгнившими руками
Он стал подавать мне пищу,
А с нею палец прокажённого
Упал мне прямо в чашу.

К стене прильнув,
Отведал эту пищу
Без тени неприязни к ней —
Ни до, ни после.

Кто может есть остатки пищи,
Мочой лечиться,
У корней деревьев почивать,
Обноски с кладбища носить —
Тот четырёх направлений человек.

Другие в изнеможении карабкаются на ту гору,
Где наследник Будды пребывает.
Памятующий, рьяный, Кассапа
Полагается на свои чудесные силы.

Вернувшись со сбора подаяний,
Кассапа взбирается на вершину.
Он созерцает в джхане, без цепляний,
Отринув страх и трепет.

Вернувшись со сбора подаяний,
Кассапа взбирается на вершину.
Он созерцает в джхане, без цепляний,
Угасший среди пылающих.

Вернувшись со сбора подаяний,
Кассапа взбирается на вершину.
Он созерцает в джхане, без цепляний,
Свободный от долгов и омрачений.

В воздухе разлит аромат виноградных лоз,
Безмолвие вершин пронзает рёв слонов.
Эти места восхитительны,
Скалистые утёсы радуют меня.

Лазурные облака, сияя,
Омываются свежими потоками.
Покрытые божьими коровкам,
Эти скалистые утёсы радуют меня.

Нависло небо,
Словно островерхий шатёр;
Вовсю трубят слоны вокруг;
Эти скалистые утёсы радуют меня.

Заливает ливень дивные равнины,
Горы эти хранят память о многих мудрецах;
С низин прорываются крики павлинов;
Эти скалистые утёсы радуют меня.

Этого достаточно для меня —
Устремлённого к джхане,
Памятующего, непоколебимого,
Знающего своё предназначение.

Этого достаточно для меня,
Решительного, ищущего блага,
Устремлённого к практике.

Покрытые россыпью цветов,
Словно небо — облаками,
Все в стаях причудливых птиц,
Эти скалистые утёсы радуют меня

Пустынные, безлюдные,
Для оленей пристанище,

Ставшие приютом и для птиц,
Эти скалистые утёсы радуют меня.

Чистая, как слеза, вода,
Просторные ущелья,
Где резвятся обезьяны и олени.
Обвитые изумрудным мхом,
Эти скалистые утёсы радуют меня.

Самая прекрасная мелодия
Не пленит меня так,
Как пленит ум, хорошо собранный,
Прозревающий в истину, в Дхамму.

Пусть избегает он работать до седьмого пота,
Пусть не сближается с людьми,
Добра излишнего не копит:
Охочий до вкусов, исполненный жажды
Упускает цель, что к радости ведёт.

Пусть избегает он работать до седьмого пота,
Пусть сторонится всего,
Что вдаль его от устремления ведёт.
С изнурённым и усталым телом,
Страдая — самадхи не обретёшь.

Себя не разглядеть, лишь произнося
слова,
Заносчиво считая: «Я всех лучше».
Но он не лучше, хоть и мнит так;
Мудрец не хвалит глупцов самодовольных.

Тот, кто отбросил все идеи —
«Я лучше», «Я не лучше»,
«Я хуже» иль «Я такой же»,

Уравновешенный, проницательный
и добродетельный,
Сосредоточенный внутри, —
Такого восхваляют мудрецы.

Кто к друзьям по Сангхе пиетета
не питает —
Далёк от Дхаммы,
Как далека земля от неба.

Но тот, кто совестлив,
Ответственен, благонадёжен —
Тот преуспеет в чистой жизни,
Положит он конец рождению и смерти.

Пусть бхиккху облачён в одеянье из тряпок,
Но сам спесив и неустойчив;
Ты знай его как обезьяну в шкуре льва —
Человек такой собою мир не озаряет.

Смиренный, умиротворённый,
Обузданный, он охраняет двери чувств,
Подобен льву, живущему в пещере горной;
Он носит тряпки с кладбища,
Человек такой собою озаряет мир.

Десять тысяч могущественных божеств
С удивительными силами,
Все из свиты Брахмы,

Пришли, сложили ладони в анджали,
Приветствуя Сарипутту, полководца
Дхаммы,
Героя, йогина великого,
Искусного в самадхи¹⁶⁰.

«Почтение тебе, величайшему среди людей!
Почтение!

Мы и не ведаем о созерцании твоём¹⁶¹.

Поистине владения Будды бездонны и непостижимы,
До сути их добратся нам не суждено,
Хоть и явились спорить мы сюда!»

Узрев дэвов,
Собравшихся воздать почести достойному
почтения,
Каппина¹⁶² улыбнулся.

Насколько простираются владения Будды —
Нет никого,
Кто в воздержании меня превосходил бы,
За исключением Великого мудреца.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Как лотоса цветок, растущий на болоте,
Сам грязью не замаран —
Готама так склонился к отреченью,
Не связанный ни одеяньем, ни едою, ни жилищем.
С рожденьем он покончил,
С бытием во всех трёх сферах.

Шея великого Муни — это памятование,
Руки — его вера,
Мудрость — его голова.
Познавший всё,
Он странствует, угасший.

ПЯТЬДЕСЯТ СТРОФ

1095–1149. Талапута Тхера¹⁶³

О, когда же стану жить я в расщелине скал,
Без компании, в уединении,
Постигая бытия изменчивость?
Когда чаяньям моим свершиться суждено?

О, когда же я, одетый в чивару цвета охры,
Без пятен, без самомнения,
Отсёкший жажду, враждебность, заблуждения,
Стану жить в диком лесу, счастливый?

О, когда я, отринувший трепет, в уединенье леса,
Смогу узреть это тело, гнездо старения и смерти,
как есть оно —

Неустойчивым, приговорённым к смерти?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я острым мечом мудрости
Рассеку лиану жажды, что оплела всё вокруг,
Что приносит лишь страх и тягость?
Когда же, когда это будет?..

О, когда же, восседая на львином троне,
Наточу я нож мудрости с огненной мощью,

Обращу в бегство армию Мары?
Когда же, когда это будет?..

О, когда, укрощая себя,
Окажусь я в компании досточтимых,
Видящих ясно, живущих по Дхамме,
С усмирёнными чувствами?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я, ища собственного блага,
Пребывая средь горных вершин,
Не буду угнетён ни жарой, ни голодом, ни
усталостью,
Когда перестанут тревожить меня ветер,
насекомые, животные?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я, овладев самадхи и установив
памятование,
Смогу познать четыре истины благородные,
Открытые великим Муни,
Трудные для понимания?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я в умиротворении и прозрении
Узрю бесчисленные формы, вкусы, запахи,
Мысли, вкусы и прикосновения
Как пылающую лаву?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я не буду горевать,
Будучи распекаемым,
И ликовать,
Будучи восхваляемым?
Когда же, когда это будет?..

О, когда же я стану видеть совокупности,
Явления как внешние, так и внутренние,
Чужими — словно траву, деревья и лианы?¹⁶⁴
Когда же, когда это будет?..

О, когда же чёрная грозовая туча
Омоет меня и мои одеянья,
Пока я шествую тропой прозорливых?
Когда же, когда это будет?..

О, когда же, заслышав крики сказочного павлина,
Я проснусь в горной пещере,
Направив разум на Неумирающее?
Когда же, когда это будет?..

О, когда я смогу по водам Ганга, Ямуны и Сарасвати
И по великому океану в стране Поталы пройти,
Словно посуху, благодаря силам невиданным?
Когда же, когда это будет?..

О, когда же я, словно слон, разрушивший цепи,
Буду в джхане пребывать,
Свободный от чувственных желаний,
Не обращая внимания на манящие образы?
Когда же, когда это будет?..

О, когда же я, постигнув Дхамму Бхагавана,
Возликую, как погрязший в долгах бедняк,
Нашедший внезапно сокровище?
Когда же, когда это будет?..

Много лет ты, мой разум, мне твердил:
«Довольно этой жизни в доме!».
И вот я в отшельничество ушёл,
Отчего же ты не вдохновляешь меня более?

Разве не ты, мой разум, увлекал меня
Рассказами о краснопёрых птицах Гириббаджи,
Что кричат при раскатах грома,
Созерцание йогина украшая?

Оставил родных и друзей я,
Милых сердцу моему, любимых,
Все игры, забавы, все страсти отринул,
Покинул всё в мире ради своей цели!
Но ты опять недоволен, мой разум.

То была воля наша с тобою, не чужая;
Зачем же рыдать, коли время сражаться?
Я видел всё шатким, желая отречься,
Неумирающего достичь.

Лучший средь существ, великий целитель,
Объяснил нам, что ум наш — как обезьяна:
Трудно укротить того, кто желаниями наполнен.

Услады чувств разнообразны и манящи,
Очаровывают простолюдинов они;
Желая становления, желают горя,
Увлекает ум несчастных в Нираю.

«Останься в звучащем трелями павлинов
и цапель лесу,
Облюбованным леопардами и тиграми;
Отбрось влечение к телу, не будь же
безрассуден!» —

Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Пребывай в джхане,
Взращивай духовные силы,
Звенья Пробуждения,

Обрети три знания в учении Татхагаты!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Взращивай путь восьмеричный,
Ведущий прочь от гибели,
Разбивающий печали,
Выкорчёвывающий все сорняки!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Взирай на совокупности как на страдание
И откажись от причины его;
Положи конец всем мукам!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Прозрей: в непостоянстве скрыта боль,
В пустотность ты проникни;
Узри ты гибель как стрелу
И обуздай блуждания ума!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«С обритой головой, в обносках, неприглядный,
Проси подаяние с чашей, похожей на череп;
Обрати ухо к словам великого провидца!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Незапятнанный, как луна в ночь полнолуния,
Ни к чему в мире не цепляясь,
Укрощённый, броди по дорогам!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

«Живи в диких местах,
Собирай подаянье,
На кладбищах ночуй, носи обноски,
Никогда не ложись и радуйся
подвижничеству!» —
Так, о разум, ты меня воодушевлял.

Как садовник, что дерево вырастив,
Под корень вдруг срубает его,
Когда плоды вот-вот созреют,
Так и ты хочешь меня в юдоль скорби зыбкую
увлечь!

Бестелесный, блуждающий далеко,
Бродящий одиноко¹⁶⁵,
О разум, я отказываюсь следовать твоим
прихотям.

Страсти болезненны, горьки, они приносят ужас,
Я буду стремиться к одной Ниббане.

Не ради предрассудков
И не из-за бесстыдства,
Не ради прихоти или изгнания
Отрёкся я от мира,
Это было твоё решение, разум!

Довольство малым, прекращение хулы,
Страдания уняtie, что восхваляют люди
славные —

К этому ты призывал меня, о разум,
А сейчас собрался взяться за былое.

Жажда, неведение, милое и немилое,
Приятные формы, приятные чувства,
Все виды сладострастия —
Всё это выплюнуто мной
И уж не будет проглочено вновь.

Твоим веленьям долго я повиновался, разум,
Через рожденья многие пройдя,
Не смел расстроить я тебя!
А в благодарность ты творил причины,

Объятый жаждою,
Заставляя меня скитаться в той кручине.

Ты, о разум, создаёшь нас брахманами,
Воинами, царями,
Торговцами иль слугами,
И небожителями делаешь нас ты один.

Из-за тебя мы то асуры¹⁶⁶, то существа адов,
То звери дикие,
И духами голодными¹⁶⁷ нас делаешь ты один.

С меня довольно!
Меня дурачил слишком долго ты,
Меняя быстро маски,
Будто играя с полоумным;
Но я никогда не подводил тебя.

Бродил этот ум прежде, где желал,
Искал приятное и милое себе.
Теперь же будет под контролем он —
С крюком погонщик укрощает так слона.

Учитель наставлял меня,
Что мир изменчив, неустойчив, сущности лишён.
Так дай же мне нырнуть в ученье Победителя,
Дай пересечь то наводнение великое.

Больше я не буду под владычеством твоим, о разум,
Всё теперь уже не так, как прежде —
Я полностью отдался в руки Муни.
Такие, как я, не отступают!

Горы, моря и реки, все четыре направления,
Внизу и в небе —

Всё это непостоянно, шатко:
Куда ты намерен податься в надежде на счастье?

Сток я в устремлении своём, о разум,
И твоих причуд я слушать не намерен.
Никто не хочет касаться зловонного мешка,
Не говоря уже об этом теле с его девятью струями.

На вершине горы или открытом поле,
В лесу, орошённом проливными дождями,
Там, где бродят антилопы и олени,
Ты в пещере радоваться станешь.

Диковинные птицы с причудливым опереньем,
Голубые, с хвостами разноцветными,
Приветствуя раскаты грома,
Будут улаживать тебя, созерцающего.

Дэвы на нас
Прольют дожди свои;
Трава будет быстро расти здесь,
Превращая рощу в облако цветов.
В горной расселине прилягу я, как на перине.

Я вести себя буду как повелитель,
Что ни получу — тем буду доволен.
Из тебя я слеплю то, что пожелаю, —
Кожевник так выделяет шкуру.

Я вести себя буду как повелитель,
Что ни получу — тем буду доволен.
Усмирю тебя своими силами,
Как погонщик укрощает слона.

С тобой, усмирённым, как конь,
Что гарцует послушно по приказу наездника,

Я стану возвращать путь, ведущий прочь
от печали,
Доступный тем лишь, кто разум неусыпно
охраняет.

Я прикую тебя к объекту созерцанья.
Как слона привязывают крепкою верёвкой.
Окружу тебя памятованием,
Чтобы ты был славно развит,
Не цепляясь ни к какому существованию.

Отрезав мудростью все ложные пути,
Взрастить ты сможешь верный путь.
Узрев исчезновение и приход в существованье,
Наследником ты станешь Бхагавана,
Что открыл великое.

Под магией четырёх искажений¹⁶⁸
Водил меня по всем мирам,
Теперь же будешь ты служить Благословенному,
Отсёкшему все цепи, сострадательному.

Как олень, свободный в цветущей роще,
Я взойду на гору, обвитую облаками,
Возликую в уединении;
Ты же вынужден будешь сдаться.

Те мужчины и женщины, что господство твоё
принимают,
Исполняя твои изволения и причуды,
Слепцы невежественные, слуги Мары,
Что наслаждаются существованием, —
Все они слуги твои, о разум.

ШЕСТЬДЕСЯТ СТРОФ

1150–1218. Махамоггаллана¹⁶⁹

Живя в диком лесу, питаюсь подаяньем,
Что в чашу бросили твою,
Собранный внутри,
Разнеси в клочья армию Мары!

Живя в диком лесу, питаюсь подаяньем,
Что в чашу бросили твою,
Разбей войска Владыки смерти,
Как слон крушит хижину из тростника.

Живя у корней деревьев, стойкий,
Довольный тем, что в чашу бросили твою,
Собранный внутри,
Разнеси в клочья армию Мары!

Живя у корней деревьев, стойкий,
Довольный тем, что в чашу бросили твою,
Разбей войска Владыки смерти,
Как слон крушит хижину из тростника.

Со скелетом, как домиком,
Где сплетены вместе кости и сухожилия,

Будь клята эта зловонная плоть,
Которая лелеет другие кости!

Завёрнутый в кожу кусок навоза,
Демон с рогами —
Это тело всё время сочится
Девятью нечистыми струями.

С девятью нечистыми струями,
Смрадное;
Бхиккху, ищущий непорочности,
Должен избегать тела, как избегают нечистот.

Коли бы другие знали,
Что ведомо мне,
От тела б отстранились,
Как от ямы выгребной в сезон дождей.

Это так, о великий герой,
Как верно говорит отшельник!
Но люди тонут здесь,
Как старые быки в трясине.

Один дерзнул, помыслив
Покрасить небо в жёлтый цвет,
Но так лишь затрудненья создал
Самому себе.

Мой ум подобен небу, спокойный изнутри;
О Злой, не атакуй меня,
На лампу, словно мотылёк,
Ты не лети!

Взгляни на эту вычурную куклу,
Грудю болезней —

Составленное из частей тело, нечистое,
Лишённое устойчивости.

Взгляни на эту вычурную куклу,
Каменьями увешанную и серьгами;
Скелет, что в кожу был обёрнут,
Красив лишь одеянием на нём.

Украшенные ноги,
Пригожее лицо —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Вот волосы, что в восемь кос заплетены,
Сурью подведённые глаза —
Достаточно, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Раскрашенное, словно шкатулка расписная,
Пусть даже и зловонно это тело —
Достаточно его, чтоб простака пленить,
Но не того, кто ищет берега иного.

Ловец расставляет капканы,
Но дичь не попалась в них;
Схватив наживку, я ускользаю,
Пусть плачет охотник теперь.

Сломан капкан,
Дичь избежала его;
Схватив наживку, я ускользаю,
Оставив ловца горевать.

Кровь стынет в жилах —
Свершилось!

Сарипутта¹⁷⁰, одарённый всеми добродетелями,
Достиг Париниббаны.

Воистину непостоянно составное:
Его природа — возникать и разрушаться.
Появившись, вещи распадаются,
Привести их к покою есть высшее счастье¹⁷¹.

Тот, кто видит пять совокупностей как чужие,
Как не свои,
Тот проникает в суть —
Так стрела пронзает кончик волоска.

Тот, кто видит составное как чужое,
Как не своё,
Тот проникает в суть —
Так стрела пронзает кончик волоска.

Словно пронзён копьём,
Словно объят огнём,
Бхиккху, пребывая в памятовании,
Ведёт святую жизнь для разрушенья вожделенья.

Словно пронзён он копьём,
Словно объят он огнём,
Бхиккху, пребывая в памятовании,
Ведёт святую жизнь
Для разрушения жажды к существованию.

Вдохновлённый учителем, что выпестовал себя;
Нося своё последнее тело,
Я одним мизинцем потряс дворец матери Мигары¹⁷².

Не даётся Ниббана,
Освобождение от цепляний,

Людам праздным
Со рвением малым.

Этот молодой бхиккху,
Лучший из людей,
Разбил войско Мары,
Носит своё последнее тело.

Грохочут молнии в расщелинах Вебхары и Пандавы,
Но нипочём они сыну Бхагавана —
Он созерцает, безмятежный,
В джхане.

Умиротворённый, пребывающий в уединении,
Наследник Будды лучшего,
Он почитаем даже Брахмой.

Умиротворённый, пребывающий в уединении,
Наследник Будды лучшего,
Брахман, воздай же почести Кассапе!

Пусть кто-то рождён был сто раз средь людей,
И всегда в касте брахманов,
Вед знаток.

Пусть он учитель, искусный в Ведах трёх, —
Почитание его не стоит
И шестнадцатой части почитания того,
Кто обрёл восемь великих освобождений,
Шествующего со сбора подаяний.

Не нападай на бхиккху этого, о брахман,
Не разрушай неверием себя!
Сложи смиренно руки в анджали,
Не позволяй своей голове расколоться от злого духа.

Не зная совершенной Дхаммы,
Захвачен ты скитаньем по сансаре;
На тернистый путь ввергаешься,
На тьму себя обрекаешь.

Как утопающий в навозе червь,
Поттхила одурманен составным;
Захвачен славой и богатством,
Шествует пустым.

Взгляни, Сарипутта идёт!
Увидеть его — добрый знак:
Он с обеих сторон свободен,
Всегда внутренне умиротворён.

Он вынул копьё из груди,
Все загрязнения очистил,
Разрушил смерть,
Обрёл три знанья,
Достойный подношений,
Непревзойдённое поле заслуг для мира.

Тысячи могучих божеств,
Брахмы прислужники,
Сложили руки в анджали,
Приветствуя Моггаллану.

Поклон тебе, о лучший из людей,
Поклон тебе, о сокрушивший омраченья!
Достоин ты всеобщего благоговенья.

Хвалу поют ему на земле и на небе,
Преодолевшему погибель;
Подобно лотосу,
Растущему в грязи, что грязью не затронут,
Он не запятнан составным.

Познать способный в одночасье тысячи миров
И даже Брахмы обители,
С чудесными способностями,
Скитания существ в сансаре зрит.

Сарипутта, достигший берега иного,
Безупречен он в добродетели,
Успокоении мудрости,
Из-за этого он считается наивысшим.

За один миг могу я сотворить
Тысячи обликов и форм;
Искусный в превращениях,
Овладевший чудесными силами.

Член клана Моггалланы,
В Учении стоящий твёрдо,
Непревзойдённый в мудрости и созерцанье,
Сорвавший цепи, словно слон,
Что разорвал лиану.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

Исполнил я то,
Ради чего ушёл в скитания, —
Рассёк оковы все.

...В каком чистилище страдал Дусси¹⁷³,
Кто по неразумию своему напал
На ученика Видхуру и брахмана Какусандху?

Чистилище с тысячами горящих шипов,
Касанье каждого из них мучение несёт, —

Там страдал Дусси,
По неразумию своему напавший
На ученика Видхуру и брахмана Какусандху.

Не понаслышке знаю я о тех местах,
О Тёмный!
Нападая на Будды ученика,
Накличешь много бед ты на себя.

Дворцы небесные, стоящие в течение веков,
Мерцающие на поверхности озера,
Блестящие, лазурные,
С танцующими нимфами —

Не понаслышке знаю я о тех местах,
О Тёмный!
Нападая на Будды ученика,
Накличешь много бед ты на себя.

Способный одним пальцем потрясти
дворец Мигары
По просьбе Будды,
В присутствии Сангхи,

Я возвещаю о чудесных своих силах,
О Тёмный!
Нападая на Будды ученика,
Накличешь много бед ты на себя.

Способный одним пальцем потрясти дворец
Веджанты,
Заставив дэвов трепетать,
Я возвещаю о чудесных своих силах,
О Тёмный!
Нападая на Будды ученика,
Накличешь много бед ты на себя.

Способный Сакку¹⁷⁴ спросить
 Во дворце Веджанты
 О том, известна ли ему свобода от цепляний,
 И получивший соответствующий истине ответ,

Я возвещаю о чудесных своих силах,
 О Тёмный!
 Нападая на Будды ученика,
 Накличешь много бед ты на себя.

Способный Брахму озадачить в хоромах
 Судхаммы,
 Спросив его: «Почтенный! Ты всё так же веришь,
 Что бессмертен?
 Иль видишь, что и сиянье мира Брахмы
 затухает?».

Брахма:
 Воззрение это я оставил,
 Сиянье вижу я, что превосходит мир мой.
 Как же теперь мне мнить,
 Что вечен я?

Продолжение монолога:
 Я возвещаю о чудесных своих силах,
 О Тёмный!
 Нападая на Будды ученика,
 Накличешь много бед ты на себя.

Способный добраться до вершины великой
 горы Меру,
 До леса Пуббавидехи
 И до людей, там обитающих,
 Освобождённый.

Огонь не думает: «Сожгу-ка этого глупца!».
Но тот, попав в костёр,
Заполыхает сам.
О Мара, нападая на Татхагату,
Ты будешь пламенем объят.

Напав на Татхагату,
Ты к пагубе себя ведёшь.
О Злобный, мнишь ли ты,
Что плод злодейства не созреет для тебя?

В течение времени долгого
Ты много бедствий натворил;
Оставь в покое Татхагату и его учеников,
Не тешь себя надеждой одурачить их.

Так в роще Бхесекалы
Бхиккху Мару побранил.
Услышав речи эти,
Злой дух поник и испарился в темноте.

РАЗДЕЛ ВЕЛИКИХ СТРОФ

1219–1291. Вангиса Тхера

С тех пор как я оставил дом,
Как бесприютным стал,
Меня одолевают думы,
Ниспосланные тьмой¹⁷⁵.

Пусть буду окружаем я
Ватагой воинов лихих,
Тысячей лучников с их стрелами —
Спасаться бегством я не стану.

Пусть буду посещаем я
Хоть тысячею женщин —
Мой ум не дрогнет,
Так крепко установлен в Дхамме он.

Услышав от Потомка солнца о пути,
Что увлекает от страданий прочь, —
В Ниббану,
Возликовал я.

О Злой, если пожелаешь ко мне,
Я сделать так сумею,
Что ты не в силах будешь путь мой отследить.

Отринув полностью, что мило и немило,
Забыв про устремления мирские,
Он не влечётся ни к чему на свете,
Все пути обрубил он.

Родится существо на небе или на земле —
Любая форма, принятая им,
Изменчива и к разрушению стремится;
Об этом памятует мудрый.

Захваченность людей порабощает,
Они ведомы тем, что видится, что мнится;
Того зову я Муни, кто все желанья вырвал,
Кто в мире ни к чему не прилипает.

Глупцы в силках шестидесяти ложных взглядов
 пребывают¹⁷⁶,
Их разум чистой Дхаммы не постигает;
Но бхиккху ни к одному из воззрений не склоняется,
Не говоря о том, что злым является.

Умиротворённый, вдумчивый,
Лишённый зависти и измышлений,
Обрёл он состояние покоя,
И дожидается он часа своего.

Отвергни самомнение, Готама,
Отвергни путь, к нему ведущий!
Обманутый им,
По круговерти долго ты блуждал.

Самомнением осквернённые,
Злоречием запятнанные,
Низвергаются люди в Нираю,
Где скорбь великая их ожидает.

Но бхиккху не скорбит,
Он славной шествует дорогой,
Обретая прославление и счастье,
Он именуем Дхаммы мудрецом.

Так будь всегда благоразумен,
Покоясь в чистоте,
Отринув омрачения;
От самомнения откажись,
В покое чрез прозренье к завершению приди.

Пылаю вожделением и страстью,
Мой ум пылает!
Ты укажи мне путь к Ниббане
Из сострадания, Готама.

Будда:

Твой ум пылает,
Ведомый искаженьем воспринять;
Приятному внимания не уделяй,
Себя страстями ты не разжигай.

Узри всё составное как чужое,
Узри страданье в нём,
Ты вожделенье погаси
И не сжигай себя опять.

Ты тела непривлекательность узри,
Пусть будет собран ум твой, воедино слит.
Памятование о теле пестуй неустанно,
Разочаруйся в существовании любом.

Беззнаковость ты созерцай,
Самомнение отринь;
Чрез разрушение его
Сумеешь обрести покой.

Продолжение монолога

Пусть произносит он слова,
Что не вредят другим;
Речь, не приносящая вреда,
Поистине является благой.

Пусть произносит он приятные слова,
Которые приносят радость;
Приятны те слова,
Что не содержат яда.

Бессмертные слова есть истина —
Нетленна эта Дхамма,
Что зиждется на истине.

Слова, что Татхагата возгласил,
Ведут к Ниббане,
К унятию страданий.
Поистине это высшие слова.

Его прозрение глубоко,
Он мудр, он знает путь.
Сарипутта, мудростью великой обладая,
Монахов в Дхамме наставлял.

Он учит кратко или длинно,
И глас его —
Как воркованье птицы.
Он подвигает к озарению других.

И, слыша голос его сладкий,
Что так ласкает слух,
Все бхиккху радуются,
Ликут их сердца.

В пятнадцатый лунный день собрались они здесь,
Полтысячи аскетов,

Для очищения обетов.
Они свободны от всех уз
И отсекали оковы,
Что к новым существованиям влекли.

Как Царь, вращающий колесо¹⁷⁷,
Шествует с подданными своими
По окружённой морем земле,

Так и ученики,
Тремя знаниями наделённые,
Оставившие смерть позади,
Явились к непревзойдённому наставнику,
Победившему в битве.

Они все — Будды сыновья,
Средь них нет пасынков.
Кланяюсь я Потомку солнца,
Извлекающему жажды острую стрелу.

Тысяча бхиккху приблизилась к Сугате,
Учил он их возвышенной Дхамме,
Ведущей к Ниббане,
Свободной от трепета.

Внимали они чистой Дхамме,
Возвещённой всецело
и в совершенстве Пробуждённым.
Поистине лучится он,
Чтимый всей Сангхой.

Вас именуют «слон», о Бхагаван,
Седьмой средь мудрецов;
Подобны облаку вы,
Готовому излиться на своих учеников.

Стремясь увидеть Будду,
Вангиса оставил свою хижину,
Поклонился ему —
Герою великому.

Преодолевший Мары окольные пути,
От зла всего очистив сердце,
Взгляни на него, свободного от оков,
Ничем не связанного,
Вразумляющего своей Дхаммой.

Он призывал великое наводнение одолеть,
Путь к Неумирающему возвестил.
Кто зрит его,
Тот не колеблется.

Возжёт лампаду света он,
Преодолея все точки зренья.
Прозревший в Истину,
Он наставлял в ней первых пять учеников¹⁷⁸.

Услышав Дхаммы славные слова,
Как можно оставаться безрассудным?
Благоразумны будьте в Дхамме,
Возвещённой Бхагаваном,
Почтительными неизменно.

Тхера Конданнья был разбужен после Будды,
Он в Дхамме стоит непоколебимо,
В уединении и счастье пребывая.

Всё, что прилежный в обученье,
Следующий за наставником своим
Был должен сделать,
Исполнил он, вдохновляя себя сам.

С великой силою, со знанием тройным,
Он может проникать в умы других.
Наследник Бхагавана, Конданья,
Воздал все почести ему.

Муни, превзошедший все страданья,
Пребывал на вершине скалы,
Когда его ученики, сразившие смерть,
Со знанием тройным,
К нему явились.

Средь них был Моггаллана,
Чьи силы чудесные были столь велики,
Что он мог знать умы освобождённые других.

Так они приблизились к Готаме,
Превзошедшему страдания,
Оставившему юдоль скорби,
Наделённому всеми благими качествами.

Когда уплывают облака,
Ночное светило сияет в небесах, как солнце;
Так и Ангираса, достославный Муни —
Его слава летит по миру.

Очарованные поэзией,
Бродили мы из деревни в деревню,
Пока не встретили Татхагату,
Вышедшего за пределы всех дхамм.

Муни, превзошедший страдание,
Учил нас Дхамме,
Веру в нас зародил.

Услышав Дхаммы славные слова
О совокупностях, о сферах и стихиях,

Я дом оставил,
Бесприютным стал.

Поистине во благо многих женщин и мужчин,
Кто следует Учению,
На свет явился Татхагата.

Поистине во благо бхиккху и бхиккхуни,
Родился он — кто вечный зрит закон¹⁷⁹,
Достигший Пробужденья Татхагата.

Славно возвещены Четыре благородные истины
Тем, кто зрит, Пробуждённым,
Солнца потомком,
Из сострадания:

Страданье, зарождение страданья,
Уняtie страданья
И благородный путь,
К унятию страданья что ведёт.

Услышав их,
Я знанием прямым те Истины постиг,
Исполнил назначение своё,
Исполнил я заветы Бхагавана.

И это стало благословеньем для меня —
Быть подле Будды:
Средь лучших всех вещей сумел я наилучшее
обрести.

Чудесные обрёл я силы,
Божественное око.
Трёх знаний я достиг,
Умы других существ я постигаю.

Я спросил учителя,
 Непревзойдённого в мудрости,
 Умер ли бхиккху из Аггалавы,
 Что был прославлен и достиг Прохлады.

Нигродхакаппой звали его, о Бхагаван;
 Он был усерден, твёрдо в Учении стоял,
 Вас бесконечно почитал.

О Сакка, о всевидящий,
 Мы знать хотим о том ученике,
 Готовы наши уши слышать,
 Ведь вы всё видите,
 Развейте наши вы сомненья.

Всех уз, неведения,
 Вещей непознанных и колебаний —
 Их нет для Татхагаты,
 Чей глаз самый зоркий средь людей.

Когда б не он, не разрушитель омрачений,
 Что, словно ветер, разгоняет тучи,
 Тогда не воссиял бы свет в сём мире,
 И даже люди славные сиять бы не смогли.

О царь, о светоч, Муни,
 Вы — лишь один,
 Вы знаете, вы видите,
 Поведайте нам о судьбе Каппы.

Ваш голос сладок,
 Словно воркованье птицы,
 Нам так приятно его слышать.

Вы одолели и рождение, и смерть,
 Вы сдержанны, чисты, поведайте же свою Дхамму!

Обычные люди желанья свои исполнить
не в силах,
Но Татхагаты устремления сбываются всегда.

Закон ваше слово, его мы примем,
Для нас влияния превыше нет.
Мы руки в анджали почтенно сложили,
Прошу — не томите нас.

Вы знаете Закон от начала и до завершения,
Непревзойдённы вы в усердьи.
Как измученный зноем путник ищет воду,
Так ждём мы вашей речи.

Ведь не напрасно Каппаяна жизнь беспорочную
прожил?

Достиг Ниббаны он или остались пятна в нём?
Поведайте же нам, как был освобождён он!

«Отрезал тягу он к уму и телу, —
Так отвечал им Бхагаван, —
Ту жажду, что хранилась долго в нём».
«Он превозмог рождение и смерть», —
Так говорил Он, высший из пяти.

Услышав ваш ответ,
О Провидец, я верю:
Не зря я задал вопрос,
Брахман не вверг в заблужденье меня.

Он, ученик ваш, верен был своему слову,
Он сети Мары разорвал.
Узрел он корень цепляния,
Великий водоворот он пересёк.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Тхеригатха состоит из 524 (в некоторых версиях — из 522) строф, сгруппированных по принципу возрастания, произнесённых семьюдесятью тремя монахинями. Первый перевод на английский язык был выполнен в 1909 году Каролиной Рис Дэвидс. Новая версия появилась лишь спустя шесть десятилетий и принадлежала британскому филологу К. Р. Норману, чей перевод до сих пор считается одним из самых точных.

Примечательно, что в наши дни наблюдается высокий интерес к Тхеригатхе: один за другим выходят новые версии переводов от разных авторов. Скорее всего, данный интерес связан с вниманием к «женской» теме в целом и усилением феминистского движения на Западе. Особенную актуальность Тхеригатха имеет в свете попыток возрождения утраченного в Тхераваде института полноценного женского монашества и появления новых бхиккхуни, чей статус вызывает споры в консервативной буддийской среде.

Количество статей и материалов, касающихся «роли женщины в буддизме», поражает своим

изобилием. Неудивительно, что древние поэмы буддийских монахинь, в которых они откровенно описывают свой духовный опыт, имеют огромный успех среди западной аудитории. Американский монах Тханиссаро Бхиккху назвал Тхеригатху первым литературным произведением, которое описывает женские поиски Пробуждения.

На русский язык Тхеригатха полностью переводится впервые. В качестве основы (кроме палийского оригинала) я использовала перевод Нормана (1971) и Суджато Бхиккху в соавторстве с Джессикой Валтон (2019).

Как и стихотворения старейших монахов, стихотворения монахинь, по оценкам учёных, создавались в течение нескольких столетий, и часть из них принадлежит к самому древнему слою Типитаки, а часть — к гораздо более позднему: называется период с VI до конца III века до н. э. Как и в Тхерагатхе, здесь немало строф, повторяющихся в других частях Палийского канона, например в «Саньютта-никае» («Бхиккхуни-Саньютта»).

В отличие от «мужских» стихотворений, где большое количество монахов хорошо известны «широкой публике», лишь немногие из героинь Тхеригатхи знакомы читателям палийских текстов: это, например, тётя Будды Готами Тхери, а также несколько монахинь, чьи истории стали крылатыми благодаря своей яркости. О многих других тхери, упомянутых в этой книге, мы ничего не знаем и можем довольствоваться только комментариями Ачарии Дхаммапалы (в предисловии к Тхерагатхе я описывала свой подход к переводу этих комментариев).

Большинство гатх имеют повествовательный характер от первого лица, но есть и исключения: последнее (и самое большое по объёму) стихотворение «Сумедха Тхери» явно выглядит как описание со стороны третьего лица. Иные гатхи включают в себя диалоги.

Что касается тематики гатх, то после прочтения обоих их собраний отмечаешь, насколько разнятся мужские и женские стихотворения по своему духу и смыслу, несмотря на то что, очевидно, и бхиккху, и бхиккхуни стремились к одной цели — окончательному Освобождению. Однако если Тхерагатха наполнена строфами восхищения природой и уединением и почти ничего не говорит о страданиях, свойственных именно мужчинам, то Тхерагатха просто наполнена темой изобилия страданий, которые выпадают на долю женщин.

Будда описывал пять страданий, которые присущи именно женскому полу: менструации, беременность, роды, разлучение с родными после замужества и необходимость прислуживать мужу. Феминистское движение последних десятилетий, хотя и добилось впечатляющих успехов в избавлении женщин от роли прислуги, всё же не может ничего поделать с физиологическими аспектами женского бытия, к тому же феминизм популярен лишь в странах западного мира и никак не изменил патриархальную структуру восточного общества, в том числе индийского. Индийская женщина была и остаётся зависимой от мужа; в Тхеригатхе мы находим истории женщин, которые хотели уйти в монашество, но не могли из-за запретов супруга.

О, я свободна, полностью свободна
От этих трёх кривых вещей —
От ступки, пестика и кривого мужа!

— откровенно восклицает Митта Тхери (Тхиг. 11).
Другая тхери также выражает радость от освобождения от супружеских и бытовых обязанностей:

Свободна, хорошо свободна
От ступки, от бессовестного мужа
И от горшка,
Что пахнет водяной змеёй!
(Тхиг. 23–24)

Известно, что замужество в Индии было не вопросом личного выбора женщины, а лишь необходимостью из-за давления семьи и общества. В гатхах описана история Махакассапы и Бхадды Капи-лани, которых поженили против их воли, однако они договорились не иметь любовных отношений, а одновременно стать отшельниками.

В Тхеригатхе также есть интересная история (лингвисты считают её одной из наиболее поздних частей книги) Исидаси Тхери, которую отец несколько раз выдавал замуж, но каждый раз муж был ею недоволен и «возвращал» в отчий домой, что считалось несмываемым позором. Исидаси между тем смогла понять, что такие ситуации происходят неспроста, её вины (в этой жизни) в них нет, значит, существует некая неблагая камма, блокирующая обретение ею счастья в семейной жизни. Отец согласился отпустить её в монастырь,

и там она достигла Ниббаны и вспомнила, какой дурной поступок привёл к таким последствиям (в одной из прошлых жизней она была мужчиной, совращавшим чужих жён).

Другая поздняя гатха (Тхиг. 450–524) посвящена Сумедхе, которая была принцессой, категорически не желавшей выходить замуж и отчитывавшей своих родителей из-за давления на неё. Сумедха Тхери оказалась сильной женщиной, смогла настоять на своём и уйти в монашескую жизнь. Однако такая возможность была далеко не у всех героинь Тхеригатхи, и мы встречаем описания духовного пути пожилых монахинь, ставших отшельницами уже после смерти супругов (обратные истории, когда из-за жены мужчина не смог стать монахом, в Типитаке не описаны).

Другая героиня — Чанда Тхери (Тхиг. 122–126) говорит о себе как о презираемой всеми бездетной вдове, которая еле выживала, побираясь, и решила стать бхиккхуни изначально из корыстных соображений, но впоследствии смогла достичь Ниббаны.

Другая тема Тхеригатхи, которая красной линией проходит через множество стихотворений, — это, без сомнения, тема материнства, а конкретно — утраты детей и связанного с этим горя. Можно предположить, что 2600 лет назад детская смертность была высокой (даже сейчас ежегодно в мире умирают миллионы детей), поэтому страдания матерей были поистине безграничными.

Горем по сыну сокрушённая,
Нагая, безрассудная,

Со спутанными волосами,
Бродила тут и там я.
(Тхиг. 133–138)

В Тхеригатхе мы находим историю Патаचारы Тхери, которая разом потеряла двоих детей; историю Кисы Готами, которая так гордилась своим сыном, что не могла принять его утрату; Уббири Тхери и ещё сотен женщин, которые пережили смерть детей и лишь в Дхамме смогли найти утешение.

Пути его ты не ведаешь —
Откуда явился он и куда ушёл.
Не зная, откуда он пришёл, рыдаешь:
«О сын мой!».

Путь ведая,
Которым все приходят и уходят,
Рыдать не станешь ты,
Ведь такова природа всех живых.
(Тхиг. 127–132)

Именно осознание того факта, что смерть — это неизбежная участь любого из рождённых существ, помогло всем этим женщинам юных или старых, не только оправиться от оплакивания своих сыновей и дочерей, но и кардинально переосмыслить свою жизнь, принять свою собственную будущую смерть и достичь Пробуждения. Вообще та роль матери, к которой тысячелетиями в любой стране готовят женщин, оказывает огромное влияние на их жизнь: дети являются объектами самой глубокой привязанности, которая и есть, согласно

буддийскому учению, корень всех страданий. В Тхеригатхе есть строфы, звучащие более чем смело: о том, что женщины ушли бродить, «оставив сына, скот, всё, что было мне мило» (Тхиг. 18). Такое безусловное отречение стало откровением для мира, который традиционно считал женщин оговорочными приверженцами домашней жизни, чей смысл сосредоточен на детях и семье.

Позволить женщинам становиться монахинями — решение со стороны Будды практически революционное. Известно, что оно было обусловлено рядом условий, которые диктовались законами того времени и позволяли сохранить гармонию в монашеской общине. Очевидно, что появление женщин в чисто мужском коллективе априори создавало ряд проблем, коренящихся во взаимном притяжении полов, и в Типитаке описаны случаи, когда супруги, пришедшие в монастырь, продолжали жить супружеской жизнью, пока не были изгнаны из него. Помимо этого были прецеденты влюблённости (конечно, среди тех монашествующих, которые ещё не обрели благородных плодов), а также пострига женщин, которые уже были беременными. Всё это само по себе уже могло бы объяснить колебания Будды по поводу создания женской Сангхи. Отдельной проблемой была защита монахинь от возможного насилия (такие случаи также встречаются в канонических текстах), и правила Винаи запрещали женщинам жить вдали от монахов в уединённых обителях. Исключения могли составлять те бхиккхуни, которые обрели чудесные силы

и могли противостоять возможным домогательствам (это описано, например, в Тхиг. 224–235).

В целях минимизации конфликтов Махападжапати Готами было поставлено условие принять перед постригом восемь так называемых гаруда-дхамм, то есть восемь «тяжёлых» условий, среди которых, например, необходимость даже для монахини с многолетним стажем выражать почтение монаху, который только что принял постриг, двухлетний период «испытательного срока» перед посвящением в бхиккхуни и т. д.

В любом случае сам факт признания потенциала женщин в достижении высшей цели Дхаммы — Ниббаны и предоставление им всех возможностей для этого были проявлением великого сострадания Будды, который радикально повысил статус женщины в социуме — как монахини, как упасики (ученицы-мирянки), как матери (Будда говорил, что мать и отца следует почитать как Брахму) и как жены (ДН 31: «Пятью способами мужу надлежит служить своей жене как западу: почитать её, не умалять её достоинств, хранить ей верность, передавать ей полномочия, одаривать её украшениями»).

В Палийском каноне можно найти беседы монахинь с мирскими учениками, которые пронизаны глубокой мудростью и демонстрируют, что бхиккхуни были уважаемы и почитаемы даже в консервативном индийском обществе.

Женский потенциал для Пробуждения Будда описывал в тех же выражениях, что и потенциал мужчин, говоря, что тысячи монахинь стали

арахантами, а тысячи мирянок — обрели те или иные плоды (МН 73). В палийских текстах не говорится о том, что женщинам обретение Ниббаны даётся труднее, чем мужчинам, однако, продолжая говорить о тематике Тхеригатхи, можно отметить, что в ней большое место уделено «беседам» с Марой — искушителем и зловредным божеством, которое было заинтересовано в том, чтобы никто не покидал сансару. Если в Тхерагатхе описан только один пример прямого диалога бхиккху (Махамоггалланы Тхеры) с Марой, то в Тхеригатхе их значительно больше. Возможно, это связано с тем, что у женщины традиционно больше «нитей», которые удерживают её в круговороте страданий: помимо семьи это сильная привязанность к телу и его красоте.

Как дивный слиток золотой,
Роскошно было моё тело,
А в старости окутано повсюду паутиной
из морщин;
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.
(Тхиг. 252–270)

Не раз и не два приходит Мара к монахиням: то в образе молодого красавца, то в роли критика, заявляя, что для «глупых женщин» невозможно достижение высшей цели отшельничества.

Нет из мира сего исхода,
Для чего тогда уединенье?

Упивайся чувственными уладами,
Чтоб не кручиниться потом.
(Тхиг. 57–59)

Однако «миссия» Мары в случае монахинь, уже ставших арахантами, неизбежно заканчивалась полным фиаско, и он был вынужден в удручении удалиться. Они достигли своей цели и пришли к полному окончанию всех страданий, чему и посвящена вся Тхеригатха.

Отныне вынута из меня стрела,
Сброшена моя ноша;
Всё, что надо было мне свершить, —
То свершено.
(Тхиг. 213–223)

ОДНА СТРОФА

1. Неизвестная тхери

Спи счастливо, маленькая тхери,
Укутавшись в одежды, что сама себе стачала;
Вожделение в тебе успокоено —
Так высыхают овощи в горшке.

2. Мутта Тхери

Отбрось свои оковы, Мутта,
Как от Раху спасается луна¹⁸⁰;
Когда ум всецело освободится,
Ты будешь есть хлеб не взаймы.

3. Пунна Тхери

Укрась себя благими качествами, Пунна,
Как луна в середине месяца;
Мудрости исполнившись,
Рассей всю пучину мглы.

4. Тисса Тхери

О Тисса, возвращай свой ум
И пестовать его не прекращай;
Отбросив связи все,
Броди по миру без влечений.

5. Тисса Тхери (другая)

Тисса, укрепись в Дхамме,
Не позволяй себя мгновенью одолеть.
Те, кто мгновенья упускает,
Себя на скорбь в Нирае обрекают.

6. Дхира Тхери

Дхира, прекращения коснись,
Блаженного успокоения всех восприятий¹⁸¹,
Обрети Ниббану —
Непревзойдённую свободу от всех уз.

7. Вира Тхери

Она — Вира из-за стойкости своей¹⁸²,
Бхиккхуни с возвращёнными способностями;
Носит своё последнее тело,
Сокрушив Мару с его войском.

8. Митта¹⁸³ Тхери

Из веры постриг приняв,
Стань той, кто радуется дружелюбию;
Возделывай качества благие
Для избавленья от оков.

9. Бхадра Тхери

Из веры постриг приняв,
Стань той, кто радуется благоденствию;
Возделывай качества благие
Для непревзойдённой свободы от всех уз.

10. Упасама Тхери

Упасама, ты пересеки поток смерти,
Что пересечь так сложно;
Носи своё последнее тело,
Сокрушив Мару с его войском.

11. Мутта Тхери (другая)

О, я свободна, полностью свободна
От этих трёх кривых вещей —
От ступки, пестика и кривого мужа!¹⁸⁴
Свободна от рожденья и от смерти,
И от всего, что к новому рождению влекло!

12. Дхаммадинна Тхери

Та, что к покою дивному устремлена,
Кто страсти к чувственному лишена, —
О ней правдиво говорят:
Она пересечёт поток.

13. Висакха Тхери

Следуйте заветам Будды —
Так поступая, не каются потом;
Стопы омыв,
В уединенье пребывайте.

14. Сумана Тхери

Узрев стихии¹⁸⁵ как страданье,
Не приходи ты более к существованью.
Ты тягу к возрождению отринь —
Так обретёшь покой.

15. Уттара Тхери

Усмирена я телом, речью и умом,
Из сердца вырвав жажду с корнем,
В Ниббане я, в прохладе.

16. Сумана Тхери

(которая стала бхиккхуни в старости)

Спи счастливо, пожилая тхери,
Укутавшись в одеянье, что ты сама стачала;
Вожделение в тебе успокоено,
В Ниббане ты, в прохладе.

17. Дхамма Тхери

Бродила я за подаяньем,
На палку опираясь, слабая;
Вдруг ноги подкосились,
Я упала, вся дрожа.
Узрела я изъяны тела,
А ум свободным стал¹⁸⁶.

18. Сангха Тхери

Оставив сына, скот,
Всё, что было мне мило,
В скитанья подалась.

Оставив вожделенье, злобу,
И целиком неведение разрушив,
Я жажду с корнем вырвала из сердца.
Достигнув высшего покоя,
Освобождена я.

ДВЕ СТРОФЫ

19-20. Абхирупананда Тхери

Нечистое, зловонное, подверженное хвори —
Так, Нанда, ты взирай на тело.
Сумом соединённым, волнений лишённым,
Его ты неприглядность постигай¹⁸⁷.

Отсутствие всех образов ты созерцай
И вырви самомненье с корнем;
Так, самомненье полностью познав,
Ты будешь пребывать в покое наивысшем.

21-22. Джента Тхери

Семь звеньев к Пробуждению —
Тропа, ведущая к Ниббане.
Все они были возвращены мною,
Как возвещал сам Будда.

Увидев Бхагавана,
Нашу я тело последнее своё,
Завершено сансарное блужданье,
И больше нет рожденья для меня.

23–24. Сумангаламата Тхери
(мать Сумангалы)

Свободна, хорошо свободна
От ступки, от бессовестного мужа¹⁸⁸
И от горшка,
Что пахнет водяной змеёй!

Я вожделенье и враждебность целиком
испепелила,
Укрывшись под корнями дерева,
Я повторяю: «Ах, блаженство!».
В джхане пребываю, окутанная счастьем.

25–26. Аддхакаси Тхери

Высокой была плата за меня
Среди народа Каси:
Я стояла как половина царства¹⁸⁹.

Однако я разочаровалась в этом теле,
Бесстрастной стала.

Завершено сансарное блужданье,
Меня не ожидает новое рожденье.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

27–28. Читта Тхери

Иссушенная, слабая, больная,
На палку опираясь,
Я взобралась на гору;

Сняв одеянье верхнее,
Поставив чашу,

К горе я прислонилась,
Пучину тьмы рассеяв всю.

29–30. Меттика Тхери

Страдающая, слабая,
С юностью, что в лету канула давно,
На палку опираясь,
Взбиралась я на гору;

Сняв одеянье верхнее,
Поставив чашу,
К горе я прислонилась,
Внезапно мой ум свободным стал.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

31–32. Митта Тхери

По лунным дням я соблюдала предписанья —
На день восьмой, четырнадцатый, пятнадцатый;
Восемь предписаний держала¹⁹⁰,
Стремясь к рожденьям в чертогах дэвов.

Теперь я пищу принимаю лишь раз в день¹⁹¹,
С обритой головою,
Закутанная в монашеское одеянье.
Я не стремлюсь к богам,
Всё трепетание из сердца своего изгнав.

33–34. Абхаямату Тхери (мать Абхай)

Абхая Тхера (сын):

От стоп подошв до кончиков волос
Ты, мама, постигай природу тела —
Нечистого и пахнущего дурно.

Абхаямату Тхери:

Так пребывая,
Я отринула всё вожделенье;
Горячка прекратилась,
В Ниббане я, в прохладе.

35–36. Абхая Тхери

Хрупко это тело, Абхая,
Хоть и лелеемо глупцами;
В памятовании и ясном познании
Его оставляю я.

Чрез многие страдания пройдя,
Я радовалась своему благоразумью;
Жажда с корнем вырвана во мне,
Исполнены заветы Татхагаты.

36–37. Сама Тхери

Четыре или пять раз я покидала монастырь,
Не в силах обрести покой,
Не в силах совладать с умом;
Уже восьмая ночь сегодня,
Как жажда вся сокрушена.

Чрез многие страдания пройдя,
Я радовалась своему благоразумью;
И жажда искоренена во мне,
Исполнены заветы Татхагаты.

ТРИ СТРОФЫ

39–41. Сама Тхери (другая)

Уж четверть века минуло, как я ушла в скитанья,
Но безмятежности ума
С тех пор я так и не познала.

Не в силах обрести покой,
Не в силах совладать с умом;
Исполнилась я чувства безотлагательности¹⁹²,
Припомнив наставленья Победителя.

Чрез многие страдания пройдя,
Я радовалась своему благоразумью;
И жажда искоренена во мне,
Исполнены заветы Татхагаты;
Уже седьмая ночь сегодня,
Как жажда вся сокрушена.

42–44. Уттама Тхери

Четыре или пять раз я покидала монастырь,
Не в силах обрести покой,
Не в силах совладать с умом.

И я отправилась к бхиккхуни,
В которую имела веру.
Она меня учила Дхамме —
Совокупностям, стихиям и опорам¹⁹³.

Услышав эту Дхамму,
Скрестила ноги, как меня учили.
Семь дней так просидела я,
Купаясь в счастье и восторге,
А на восьмой я выпрямила ноги,
Пучину тьмы рассеяв всю.

45–47. Уттама Тхери (другая)

Семь звеньев к Пробуждению,
Тропа, ведущая к Ниббане,
Все возвращены мною,
Как возвещал их Будда.

По своему желанию
Я погружаюсь в пустотность и всех образов
отсутствие.

Будды дочь родная,
Всегда ликую я в Ниббане.

Все страсти мои отсечены —
Как небесные, так и земные;
Завершено сансарное блужданье,
И нет рожденья больше для меня.

48–50. Дантика Тхери

Для своего дневного пребывания
Я взобралась на гору.
Оттуда увидала я слона,
В воде плескался он.

Погонщик, крюк держа в руке,
Велел ему: «Дай ногу мне».
Повиновался слон —
Он ногу преклонил, позволив оседлать себя.

Узрев, как необузданный стал укрощённым
По воле человека,
Я ум свой усмирила —
Вот для чего я в лес уйти стремилась.

51–53. Уббири Тхери

О мать, рыдаешь ты в лесу,
Зовя дочь свою по имени Джива.
Приди скорее в себя, Уббири:
Восемьдесят тысяч дочерей погребены здесь,
И все по имени Джива —
О ком из них рыдаешь ты?¹⁹⁴

Вырвана стрела эта,
Что так трудно зрима,
Вонзённая в моё сердце.
Я безутешною была,
Скорбя по дочери,
Но печаль моя испарилась.

Со стрелою, вырванной из сердца,
Лишённая страстей,
Обретшая Ниббану,
Прибежище приняла я в Будде, Дхамме и Сангхе.

54–56. Сукка Тхери

Что с людьми в Раджагахе стряслось —
Аль напились вина они?

Не навещают Сукку,
Которая ученье Будды возвещает¹⁹⁵.

Мудрый вкусом Учения упивается —
Чудесным, дивным, сладостным.
Он для него, как для странника в пустыне
Вкус прохладного напитка.

Прославлена Сукка за свои качества,
Лишённая вожделения, усмирённая.
Носит она последнее тело,
Одолов Мару с его войском.

57–59. Села Тхери

Мара:

Нет из мира сего исхода,
Для чего тогда уединенье?
Упивайся чувственными уладами,
Чтоб не кручиниться потом.

Села Тхери:

Страсти стрелам и копьям подобны,
Совокупности — плахе палача;
Что именуешь радостями ты,
Уже давно не радость для меня.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная, тебя я одолела, Лютый!

60–62. Сома Тхери

Мара:

Сие так трудно достижимо состоянье,
Оно лишь для отшельников доступно,

Но не для женщины,
С её мудростью на два пальца¹⁹⁶.

Сома Тхери:

Что женское обличье со мной сделать может,
Коли мой разум славно усмирён?
В нём знание прочно установлено,
Явленья все видны, как есть они.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная, тебя я одолела, Лютый!

ЧЕТЫРЕ СТРОФЫ

*63–66. Бхадда Капилани Тхери*¹⁹⁷

Кассапа, Будды сын, его наследник,
Усмирённый славно —
Он знает свои прошлые обители,
Он лицезрит и небеса, и бездны.

Достиг он окончания рождений,
Мудрец, обретший Высшее познание.
Благодаря Трём обретённым знаньям,
Он именуется брахманом.

Такова и Бхадда Капилани,
Одержавшая верх над смертью,
Обретшая Три знанья,
Влачит своё последнее тело,
Сокрушив Мару и его войско.

Увидев мира неизбывную печаль,
В скитания мы оба удалились.
Все загрязнения преодолели,
В Ниббане мы, в прохладе.

ПЯТЬ СТРОФ

67–71. Неизвестная тхери

Уж четверть века минуло, как я ушла в скитанья,
Но безмятежности ума с тех пор я так
и не познала,

Но ни на миг,
Что равен щелчку пальцами.

Не в силах обрести покой ума,
Охваченная вожделением и страстью,
Заламывая руки и рыдая,
Вошла я в монастырь.

И я отправилась к бхиккхуни,
В которую имела веру.
Она меня учила Дхамме —
Совокупностям, стихиям и опорам.

Услышав Дхамму, я ушла в уединенье.
Обители свои былые я припомнила,
Открыв божественное око.

Я познаю умы других существ,
И слух божественный явился.

Я овладела чудесными силами,
Конец влеченьям положив.
Шесть знаний¹⁹⁸ открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

72–76. Вимала Тхери, бывшая куртизанка

Была своей красою я опьянена,
Удачею и славой, что сопутствовали мне.
Кичливая из-за молодости,
На других женщин свысока смотрела¹⁹⁹.

Украсив своё тело,
В глупцах будящее влечение,
Стояла во дверях дома для увеселений,
Словно охотница, расставившая силки.

Заманивала я мужчин,
Показывая сокровенные места.
Для них иллюзии я создавала²⁰⁰,
Дразнила и прельщала.

Сегодня я с обритой головою,
Иду за подаением в чиваре.
Я у корней деревьев пребываю,
Достигнув состояния без мыслей.

Все оковы отброшены —
Как небесные, так и земные.
Влечения прекращены,
В Ниббане я, в прохладе.

77–81. Сиха Тхери

С вниманием разбросанным,
Была охвачена я вожделением и страстью;

Не в силах усмирить свой ум,
Смятённая.

В рабстве омрачений,
Воспринимая привлекательность повсюду,
Ума покоя я не обретала,
Вся отданная в руки вожделенья.

Худая, тусклая, исполненная боли,
Семь лет бродила я и днем, и ночью,
Не обретая счастья,
Удручённая.

Взяв верёвку, направилась я в лес,
Решив, что удавиться лучше,
Чем возвратиться к доле низшей.

Я затянула крепкую петлю
И привязала к дереву верёвку;
Когда накинула её себе на шею,
Мой ум освободился²⁰¹.

82–86. Сундаринанда Тхери

Нечистое, зловонное, болезнями
удручённое —

Так, Нанда, ты взирай на тело.

С умом, соединённым воедино, хорошо
собранным

Его ты неприглядность постигай.

Как то, так и это,

Как это, так и то;

Источает тело зловоние,

Несвежд отрада.

Так созерцая дни и ночи напролёт,
Собственнолично мудрость обрета,
Я вижу ясно.

Со рвением исследуя всё досконально,
Я вижу тело так,
Как есть оно:
Снаружи и изнутри.

Разочаровавшись в теле,
Я бесстрастной стала.
Усердная, ничем не скованная,
Умиротворена я, в Ниббане.

87–91. Нандуттара Тхери

Благоговела в прошлом пред огнём,
Пред солнцем и луной, пред божествами
И, подходя к реке,
В воде я совершала омовения.

Обрядов выполняла много
И половину головы обрила,
Спала я на земле
И пищу по ночам не принимала.

Мне украшенья и гирлянды милы были,
И умащения душистые.
Была я в услужении у тела,
В плену у вожделенья находясь.

Но, веру обрета,
Ушла в скитанья я.
Узрев природу тела как есть она,
Отбросила я страсть и вожделение к нему.

Разрушено существование любое,
Отброшены желания и устремленья все.
Освободившись от оков,
Я обрела спокойствие ума.

92–96. Миттакали Тхери

Я, веру обрета,
Ушла скитаться;
Бродила тут и там,
Охочая до почестей и славы.

Пренебрегая высочайшим устремленьем,
Я низкое преследовала.
Вся во власти омрачений,
Не пробуждалась к устремлению отшельников.

Безотлагательности чувство вдруг меня настигло,
Когда в монастыре я пребывала.
Настало озарение: я следую по ложному пути,
Ведомая свирепой жаждой.

Кратка жизнь моя,
Растоптанная старостью и хворью;
Рассыпаться готово тело это,
Не время мне беспечною ходить.

Увидев совокупностей возникновенье и исчезновенье
Таковыми, как есть они,
Свободной стала я.
Исполнены заветы Татхагаты.

97–101. Сакула Тхери

Живя в доме,
Услышала от бхиккху Дхамму.

Я Дхамму чистую узрела,
Незапылённую, нетленную²⁰².

Оставив сына, дочь, зерно, богатство,
Я волосы свои остригла,
В скитания ушла.

Послушницей была, что проходила обучение,
Отринула я вожделенье и враждебность,
Влеченья все оставив позади.

В бхиккхуни постриг приняла,
Я вспомнила обители былые
И обрела божественное око —
Очищенное, ясное.

Узрев всё составное как чужое²⁰³,
Как тленное, рождающееся из причин,
И положив конец влеченьям,
В Ниббане пребываю я, в прохладе.

102–106. Сона Тхери

Десять детей я выносила в этом теле;
Бессильная, дряхлая,
К бхиккхуни приблизилась²⁰⁴.

Она меня учила Дхамме —
Совокупностям, стихиям и опорам.
Услышав Дхамму,
Я волосы свои остригла,
В скитания ушла.

Обители свои былые я припомнила,
Открыв божественное око,
Ещё когда лишь ученицею была.

Отсутствие всех образов я созерцала
С умом, соединённым воедино, собранным отменно,
Достигла я освобождения мгновенно,
Цепляния оставлены — достигнута Ниббана.

Пять совокупностей мной познаны всецело,
Они остались, но сам корень вырван их²⁰⁵.
Позор тебе, старость презренная!
Нет для меня рожденья вновь.

107–111. Бхадда Кундалакеса Тхери

Со спутанными волосами,
Что покрыты грязью,
В одном и том же облаченье,
Изъяны находила там, где не было их,
А там, где были, их не зрела²⁰⁶.

Для своего дневного пребывания
Я взобралась на Гиджакуту,
Там увидела Бхагавана с Сангхой,
Лишённого всех червоточин.

Я в ноги бросилась ему
С ладонями, сложенными в анджали.
«Иди, о Бхадда», — он промолвил,
И это стало посвящением мне.

Бродила я по Анге и Магадхе,
По Вадже, Каси и Косале тоже.
Полвека, от долгов свободная,
Просила подавание по всей стране.

О, много заслуг получил тот мирянин мудрый,
Что даровал чивару Бхадде,
От всех оков свободной.

112–116. Патачара Тхери²⁰⁷

Пашут землю люди,
В землю семена сажают.
Поддерживая детей и жён,
Богатство стяжают.

Отчего же я, добродетелью исполненная,
Наказы Учителя исполняющая,
Ниббаны не достигаю,
Хоть не праздная я,
Не встревоженная?

Ноги омывая,
Я взгляд свой устремила на воду,
Что сверху вниз текла.

Хорошо собранным стал мой разум,
Словно вышколенный скакун.
Вошла я в свою обитель,
Свечу держа в руках,
С ней на кровать присела.

Иглу достав,
Я сняла фитиль.
Подобно тому, как погасла лампада,
Мой разум освободился всецело.

117–121. Тридцать тхери

Пашут землю люди,
В землю семена сажают,
Поддерживая детей и жён,
Богатство стяжают.

Вы наставленьям Будды следуйте,
 Чтоб не кручиниться потом.
 Омойте стопы,
 В уединенье пребывайте.
 Ум пропитайте безмятежностью,
 Наставлениям Будды следуя.

Услышав слова такие, Патачары поучения,
 Они омыли стопы и в уединение ушли,
 Ум пропитали безмятежностью,
 Наставлениям Будды следуя.

В первой части ночи вспомнили прошлые
 обители свои,
 А во второй каждая обрела божественное око,
 Всю тьму рассеяли в последней части ночи.

Поднявшись с мест своих, они ей в ноги кинулись:
 «Исполнили мы ваше поученье,
 Так будем почитать тебя,
 как тридцать дэвов Инду²⁰⁸ почитают!
 Мы, обладательницы Трёх знаний,
 Лишенные влечений».

122–126. Чанда Тхери

Жизнь безотрадною была моя,
 Вдовы бездетной,
 Лишённой близких и родных:
 Я не могла себе найти ни пищи, ни одежды²⁰⁹.

Бродила с чашей я от дома к дому,
 На палку опираясь, подаяния прося;
 Страдала я от холода и зноя,
 Семь лет так проведя.

Однажды увидала я бхиккхуни,
Что получала с лёгкостью напитки и еду.
К ней подойдя,
О посвящении просила.

Исполненная состраданья,
Патачара посвященье мне дала;
Наставляла меня,
К высокому назначенью подвигая.

Её слова услышав,
Следовала им,
Не пустословны они были.
Я — обладательница Трёх знаний,
Лишённая влечений ныне.

ШЕСТЬ СТРОФ

*127–132. Пятьсот тхери,
учениц Патачары²¹⁰*

*Патачара вспоминает слова Будды:
Пути его ты не ведаешь —
Откуда явился он и куда ушёл.
Не зная, откуда он пришёл, рыдаешь:
«О сын мой!».*

*Путь ведая,
Которым все приходят и уходят,
Рыдать не станешь ты,
Ведь такова природа всех живых.*

*Без приглашенья он сюда явился,
Без разрешенья он ушёл отсюда,
Откуда же он странствует,
Кто знает, надолго ли останется тут?
Одной придя тропою,
Покинет это место он другою.*

*Придя сюда в обличье человека,
Продолжит он скитаться.*

Как родился, так и скончался:
О чём же тут скорбеть?

Вырвана эта стрела,
Которую так трудно узреть,
Вонзённая мне в грудь.
Была я безутешна, скорбя по сыну,
Сейчас вся скорбь моя исчезла.

С вырванной из сердца стрелою,
Страстей лишённая,
Достигшая Ниббаны,
Прибежище приняла я в Будде, мудреце,
В Дхамме и Сангхе.

Каждая из пятисот тхери произнесла такие строфы.

133–138. Васеттхи Тхери

Горем по сыну сокрушённая,
Нагая, безрассудная,
Со спутанными волосами,
Бродила тут и там я.

Три года на обочинах дорог жила,
На горах мусора,
На кладбищах,
Терзаемая голодом и жаждой.

И вот узрела я Сугату в граде Митхиле,
Кто укрощает тех, кто не обуздан прежде был,
В совершенстве Пробуждённого,
Лишённого всех страхов.

Я, просветлев умом,
Ему воздала почести, присела рядом.
Он в Дхамме наставлял меня
Из сострадания — Готама.

Услышав Дхамму,
Я в скитания ушла.
Словам Учителя внимая,
Достигла я благословенного покоя.

Покончено теперь со скорбью,
Пришла она вся без остатка к завершенью;
Поистине, сама природа скорби
Постигнута всецело мной отныне.

139–144. Кхема Тхери

Мара:

Ты хороша собой, во цвете лет!
Я тоже молодой.
О Кхема, отчего ж не насладиться нам
Музыкою пяти инструментов?

Кхема Тхери:

Стыжусь я тела этого,
Подверженного разложению,
Хвори, гибели;
К страстям вся жажда умерла во мне.

Страсти стрелам и копьям подобны,
Совокупности — плахе палача.
Что именуешь радостями ты —
Уже давно не радость для меня.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная, тебя я одолела, Лютый!

Я поклонялась звёздам и огню в лесу,
Не зная всех явлений такими, какие есть они.
Я неразумною была,
Но мнила: «Это — чистота».

Теперь я поклоняюсь в совершенстве
Пробуждённому,
Высшему среди людей;
Ото всех страданий освобождена,
Исполнившая его наставления.

145–150. Суджата Тхери

Украшена, наряжена,
Гирляндами и сандалом умащена,
Жила я в окружении служанок²¹¹.

Напитки, яства взяв,
Мы в парк отправились прелестный,
Играли там, затем вернулись в дом.
И я увидела в Сакете, в лесу Анджана, монастырь.

Узрев Татхагату в монастыре,
Сиянье мира нашего,
Ему я почести воздав, присела рядом.
Из сострадания он преподал мне Дхамму,
Зрячий.

Слова Отшельника великого услышав,
Проникла в истину я.
Познав Дхамму незапылённую,
Коснулась я Неумирающего.

Дхамму славную познав,
Ушла в скитанья я.
Три знания открылись для меня,
Не пустословно, воистину, Учение Будды.

151–156. Анопама Тхери

В высокой рождена семье,
Богатством изобилующей,
С имуществом великим.
Сама я дивною красой наделена была,
Дочь Маджи истинная.

Сыны царей меня алкали,
Сыны купцов меня желали,
К отцу посланцев-сватов присылали,
Проя отдам им Анопаму:

«Какой бы ни была цена
За дочь твою, за Анопаму, —
Я больше в восемь раз отдам
И злата, и камней!»

Но я, узрев Всецело пробуждённого,
Непревзойдённого, Старейшину мира,
Воздала почести ему,
В стороне присела.

Из сострадания он преподал мне Дхамму, Готама.
Её услышав,
Я коснулась третьего плода²¹².

Я волосы свои остригла
В скитания ушла.
Сегодня ночь седьмая,
Как жажда высохла во мне.

*157–162. Махападжапати Готами Тхери*²¹³

О Будда, воздаю я почести тебе,
Герою, высшему среди существ!
Из всех страданий ты вызволил меня,
Как и многих других.

Страданья познаны всецело,
И корень жажды вырван.
Взращён был Восьмеричный путь,
И прекращения коснулась я.

Была я матерью, сыном, отцом, братом,
Дедом в прошлом своём.
Скиталась, утешения не обретая,
Явлений как есть они не постигая.

Узрела Благословенного,
Это моё тело — последнее;
Завершено сансарное блужданье,
И больше нет рожденья для меня.

Благоразумные, неутомимые,
С твёрдым устремленьем к цели —
Этим славные последователи
Воздают почтенье Будде.

Поистине во благо многих
Майя родила Готаму.
Подверженные гибели и хвори существа
Избавлены ныне от страданий благодаря ему.

163–168. Гутта Тхери

В скитания, Гутта, ты ушла,
Отринув сына и любимых.

Так пестуй устремление своё,
Не поддавайся своему уму.

Умом влекомые повсюду,
Радуются существа владеньям Мары;
Блуждают по сансаре,
Не ведая, не видя.

Желания чувственные, враждебность,
Вера в личность,
Тяга к ритуалам,
И пятое — сомненья.

О бхиккхуни,
Отринь те низшие оковы —
И больше не вернёшься в этот мир.

А если ты отринешь вожделенье,
Неведение и самомненье,
Неугомонность,
То все страданья подойдут к концу.

Преодолев рождения в сансаре
И полностью будущие рождения познав,
Ты в этой самой жизни утолишь свой голод,
И навсегда покой ты обретешь.

169–174. Виджая Тхери

Четыре или пять раз я покидала монастырь,
Не в силах обрести покой,
Не в силах совладать с умом.

И я отправилась к бхиккхуни,
С почтением к ней обратилась.

Она меня учила Дхамме —
Совокупностям, стихиям,

Четырём благородным истинам,
Духовным способностям и силам,
Пути и звеньям Пробуждения,
Чтобы высшего предназначения достичь.

Её слова услышав,
Следовала им.
В первой части ночи
Вспомнила прошлые обители свои.

А во второй обрела божественное око,
Всю тьму рассеяла
В последней части ночи.

Купаясь в счастье и блаженстве,
Пребывала так я.
А на седьмой день распрямила ноги,
Пучину тьмы рассеяв всю.

СЕМЬ СТРОФ

174–181. Уттара Тхери (вторая)

Патачара Тхери:

Пашут землю люди,
В землю семена сажают.
Поддерживая детей и жён,
Богатство стяжают.

Вы наставленьям Будды следуйте,
Чтоб не кручиниться потом.
Омойте стопы,
В уединенье пребывайте.

С умом, соединённым воедино,
Хорошо собранным
Созерцайте составное
Словно чужое, не своё.

Уттара Тхери:

Услышав слова такие, Патачары поученья,
Омыла стопы я, ушла в уединенье.

В первой части ночи вспомнила прошлые
 обители свои,
 А во второй обрела божественное око,
 Всю тьму рассеяла в последней части ночи.
 Я обладательница Трёх знаний,
 Лишённая влечений.

Я буду почитать тебя,
 как тридцать дэвов Сакку почитают,
 Непобедимого в битве!
 Я обладательница Трёх знаний,
 Лишённая влечений.

182–188. Чала Тхери

Чала Тхери:

Бхиккхуни, в памятовании утверждённая,
 Со способностями хорошо взращёнными,
 Я обрела покоя состоянье
 И умопостроений умирение блаженное.

Мара:

Ради кого ты голову обрила?
 Отшельницей ты выглядишь,
 Но не веришь ты воззрениям никаким,
 Зачем же бродишь неприкаянной?

Чала Тхери:

На воззрения чужаки опираются,
 Дхамму не ведающие,
 Дхаммы не знающие.

Рождён был в клане Сакьев
 Будда, Непревзойдённый;

Он наставлял меня в Дхамме,
Что превосходит любые воззрения.

Страданье, зарождение страдания,
Уняти страдания
И благородный путь,
К унятию страдания что ведёт.

Слова его услышав,
Учению обрадовалась я.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная, тебя я одолела, Лютый!

189–195. Упачала Тхери.

Упачала Тхери:

Бхиккхуни — видящая, памятующая,
Со способностями хорошо взращёнными,
Я обрела состояние покоя,
Что нечестивцам не знакомо.

Мара:

Рождения тебе чем не милы?
Тот, кто рождён, вкушает радости земные.
Так услаждай себя и ты,
Чтоб не кручиниться потом!

Упачала Тхери:

Тот, кто рождён, погибнуть должен —
Родившись, он к страданиям идёт:
Ему отрезать могут ноги, руки,

Убить, в неволю заточить,
Подвергнуть мукам.

Рождён был в клане Сакьев
Непревзойдённый Будда;
Он в Дхамме наставлял меня
Во имя окончания рождений.

Страданье, зарождение страданья,
Уняtie страданья
И благородный путь,
К унятию страданья что ведёт.

Слова его услышав,
Учению обрадовалась я.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная, тебя я одолела, Лютый!

ВОСЕМЬ СТРОФ

196–203. Сисупачала Тхери

Сисупачала Тхери:

Бхиккхуни, добродетели исполненная,
Со способностями хорошо взращёнными,
Достигнет состояния покоя,
Неотразимого, сладостного.

Мара:

Дэвы Таватимсы и Ямы, Туситы,
Дэвы, Радующиеся творению,
И дэвы, Владеющие творениями других, —
Направь ты разум свой туда,
Где раньше обитала!

Сисупачала Тхери:

Дэвы Таватимсы и Ямы, Туситы,
Дэвы, Радующиеся творению,
И дэвы, Владеющие творениями других, —
Все они под гнётом воззрений о самости,
Самости не превзойдя;
Бродят из существования в существование,
В тисках рождений и смертей блуждают.

Весь мир в огне,
Он пламенем объят.
Весь мир горит,
Весь мир пылает.

В бестрепетной, непревзойдённой Дхамме,
Неведомой глупцам,
Будда наставлял меня,
Мой ум возрадовался ей.

Слова его услышав,
Учению обрадовалась я.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна,
Об этом зная,
Тебя я одолела, Лютый!

ДЕВЯТЬ СТРОФ

204–212. Ваддхамату Тхери (мать Ваддхи)²¹⁴

Ваддхамату Тхери:

Ваддха, в этот мир не вовлекайся ты.

Сын мой, вновь и вновь

Страданий на себя не навлекай!

В счастье, Ваддха, пребывают мудрые,

Те, кто отбросил колебанья;

Бестрепетные, достигшие Прохлады,

Затихшие,

Отринувшие все влеченья.

О Ваддха, возвращай тот путь,

Которым следуют отшельники,

Дабы обрести видение,

Страданьям положить конец.

Ваддха Тхера:

О мама, говоришь ты так убеждённо,

Верю:

Нет в тебе никакой вовлечённости.

Ваддхамату Тхери:

О Ваддха, для меня нет больше составных
явлений,

Ни малых, ни больших, ни средних,
Вовлечённость во мне исчезла.

Все загрязнения окончены

Во мне — усердной, погружённой в джхану.

Три знания открылись для меня,

Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Ваддха Тхера:

Поистине чудесно то,

Как мать вдохновляла меня,

Как изрекла те строфы о предназначенье высшем

Из сострадания.

Слова эти услышав,

Матерью моею изречённые,

Я устремился к Дхамме с чувством
безотлагательности,

Дабы найти надёжное убежище.

Неутомимый, пылкий в усердии своём,

И днем, и ночью в решимости,

Вдохновлённый своею матерью,

Достиг я наивысшего покоя.

ОДИННАДЦАТЬ СТРОФ

213–223. Киса Готами Тхери²¹⁵

Мудрец похвалит дружбу добрую в миру,
Ведь, с добрым поведясь,
Даже глупец разумным может стать.

Кто с верным человеком поведётся,
Тот приумножит свою мудрость.
Кто с верным человеком поведётся,
Положит всем страданиям конец.

Познать страданье надлежит,
Познать его возникновенье и уняtie,
Путь восьмеричный,
Благородные четыре истины.

Страдательна жизнь женщины²¹⁶,
Как возвестил учитель тех,
Кто в усмирении нуждался.
Второй женой быть тоже трудно.

Одни, дав жизнь лишь однажды,
Себе перерезают горло,
А хрупкие глотают смертный яд.

Ребёнок мечется посередине,
Злосчастие переживают оба²¹⁷.

Родить готовясь,
Я узрела мужа мёртвым.
К родительскому дому устремилась,
От бремени в дороге разрешась²¹⁸.

Погибли сына два моих,
Скончался муж.
О, горе мне!
Отец, мать, брат — сгорели все в костре одном.

Беда тому, кто близких потерял,
Неизмеримо горе их,
Они стенают в тысячах рождений.

На кладбище живя,
Я видела, как плоть детей рвут хищники.
Всю потеряв семью, вдова презренная,
Неумирающее я познала.

И мною возвращён Путь —
Благородный, к Неумирающему ведущий,
Ниббаны я достигла,
Заглянув в зеркало Дхаммы.

Отныне вынута из меня стрела,
Сброшена моя ноша;
Всё, что надо было мне свершить, —
То свершено.

ДВЕНАДЦАТЬ СТРОФ

224–235. Уппалаванна Тхери

*По версии комментария, первые три строфы
были произнесены матерью Уппалаванны Тхери:*

Хотя мы мать и дочь,
Но одного супруга мы делили.
Чувство безотлагательности во мне появилось,
Ошеломление,
Дыбом встали волосы!

Будь кляты чувственные услады —
Нечистые, зловонные, тернистые.
Хотя мы мать и дочь,
Но одного супруга мы делили.

Узрев в страстях великую угрозу,
Я в отречении искать отраду стала.
Постриглась я в бхиккхуни в Раджагахе,
В скитания уйдя из дома.

Я вспомнила свои прошлые обители,
Я обрела божественное око;
Теперь могу я постигать умы других существ,
И слух божественный так ясен мой.

Силы чудесные появились у меня,
Влечения прекратились.
Шесть высших знаний открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Создав умом колесницу,
Запряжённую четырьмя конями²¹⁹,
К стопам Благословенного,
Великого защитника мира,
Припала я.

Мара:

Украшены цветами саловые деревья,
У их корней присела ты,
Одна совсем, без компании.
Неразумная, как не боишься лиходеев ты?

Уппалаванна Тхери:

Хоть сотни тысяч лиходеев пожалуют сюда,
Останусь там, где я сижу,
И волосок не дрогнет у меня.
Что сотворишь с такой, как я, о Мара?

Я раствориться в воздухе способна,
Пройти сквозь твой живот могу,
Я встану меж твоих бровей,
А ты меня поймать не в силах будешь.

Владычица я своему уму,
Взрастившая чудесные силы.
Шесть высших знаний открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Страсти стрелам и копьям подобны,
Совокупности — плахе палача.

Что именуешь радостями ты,
Уже давно не радость для меня.

Всё наслаждение сокрушено,
Пучина тьмы рассеяна.
Об этом зная,
Тебя я одолела, Лютый!

ШЕСТНАДЦАТЬ СТРОФ

236–251. Пунна Тхери

Пунна Тхери:

В холодное время дня прежде носила воду,
В неё мне окунаться приходилось.
Дрожала я пред своею хозяйкой,
Страшась расправ и порицаний.

Брахман, страшась чего
Окунаешься ты в воду
С трясущимися руками,
Испытывая сильный холод?

Брахман:

Почтенная, тебе наверняка известно,
Хоть ты и задаёшь вопрос,
Что сотворюю я благую камму,
Всё сделанное прежде зло с себя смываю.

Тот человек, что юн иль седовлас, —
Он, сотворив деянье злое,
В воде купаясь,
Освобождается от зла.

Пуни Тхери:

Кто ж рассказал тебе такое,
Один несведущий — другому:
«В воде купаясь,
Человек освобождается от зла»?

Неужто все лягушки, черепахи,
Змей водяные, крокодилы —
Создания, что обитают в водах,
Отправятся в небесные чертоги?

Палачи, забойщики скота,
Охотники и рыбаки,
Расхитители добра, другие лиходеи —
В воде поплавав, все избавятся от зла?

Когда б вода смыть зло могла,
Она б и добрые дела прочь уносила,
И стал бы ты подобен чистому холсту.

Ты, брахман, дрожа всем телом,
Заходишь в воду.
Не делай больше так,
Зазря лишь истязашь плоть свою.

Брахман:

На ложном был пути я,
А ты меня на благородный привела,
Почтенная, дай предложить тебе
Мою для омовенья ткань.

Пуни Тхери:

Оставь её себе,
Мне не нужна она.
Коли страшишься ты страданий,
Коль не милы тебе они —

Ты зла не делай,
В открытую иль втайне.
А коли сделать пожелаешь в будущем,
И делаешь сейчас —

Себя ты от страданий не спасёшь,
Как ни стремишь отринуть их.
Коли страшишься ты страданий,
Коль не милы тебе они —

Приди ты к Будде как к прибежищу,
К Учению и Общине также.
Укрась себя ты добродетелью —
Так благо обретёшь.

Брахман:

Иду я к Будде как к прибежищу,
К Учению и Общине также.
Украшу добродетелью себя —
Так благо обрету.

Сородичем я Брахмы прежде был,
Сейчас же — истинный брахман.
Обрёл Три знанья, мудрости исполнен,
И ныне я поистине очищен.

ДВАДЦАТЬ СТРОФ

252–270. Амбапали Тхери²²⁰

Черны волосы мои были, словно шмели,
Курчавые,
В старости они напоминают пеньку.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

В венках цветочных, голова моя
Источала благовоний аромат;
В старости зловонна она,
Словно шерсть собаки.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Густые, словно роща, блестящие,
Уложенные булавками,
В старости мои волосы напоминают паклю.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Я плела волосы в густые косы,
Украшенные золотыми лентами,
В старости голова моя вся в проплешинах.

Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Брови мои — полумесяцы, словно с картины
мастера,
В старости обрамились морщинами,
Низко опущенные.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Глаза мои, сверкающие, как алмазы,
Огромные, тёмно-голубые,
В старости потеряли всё своё сияние.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

В зените юности мой нос
Изящным был, как горная вершина,
В старости он стал совсем кривым.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Как браслеты, прелестны были мочки моих ушей,
В старости, морщинистые, они свисают вниз.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Яркие, как цветки жасмина,
Зубы мои были,
В старости раскрошились они, разрушились.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Звенел мой голосок в лесных обителях,
Нежный, как у кукушки,

В старости скрипучим он стал.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Грაციозна была моя шея,
Точно полированная раковина,
В старости вся скрючена она.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Красивые, как полированные брусья,
Руки мои были в прошлом,
В старости болтаются, как ветки древа Патали.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Гибкие и тонкие, золотыми камнями
украшенные,
В старости запястья мои стали узловатыми,
как корни.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Округлыми, упругими и пышными
Груды мои были в юности,
В старости повисли они, усохшие,
Как бурдюки с водой.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Как дивный слиток золотой,
Роскошно было моё тело,
А в старости окутано повсюду паутиной из морщин.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Как хобот у слона,
Прелестны мои бёдра были,
В старости напоминают бамбук они.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Украшенные золотыми браслетами,
Были мои лодыжки так прекрасны,
В старости они — как палки кунжута.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Лёгкие и мягкие, как хлопок,
Были стопы мои,
В старости испещрены трещинами
и морщинами они.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

Таковым было это тело,
Ныне чахлое, вместилище страданий многих,
Обветшалый дом, у которого осыпается
штукатурка.
Как возвещал Глашатай истины —
Так и свершилось.

271–291. Рохини Тхери

Отец Рохини Тхери:

Со словом «Отшельники!» на устах ты
засыпаешь, почтенная,
Со словом «Отшельники!» просыпаешься,
Отшельников восхваляя,
Гляди — сама скоро отшельницей станешь!

Приносишь в дар им снедь и напитки,
Я вопрошу тебя, Рохини:
Чем так милы отшельники тебе?

Работать не желают, праздные,
Живущие за счёт щедрости других,
Охочие до лакомств.
Чем так милы отшельники тебе?

Рохини Тхери:

Отец, так долго вопрошал меня ты,
О тех, кто всё отринул в жизни;
Поведаю тебе теперь я
О добродетелях их, мудрости и рвении.

Они работе рады,
Призвание их — превыше всех иных.
Они отвергли вожделенье и враждебность —
Вот почему отшельники мне милы.

Три корня зла выкорчевали,
Служители самого чистого дела;
Отринувшие зло —
Вот почему отшельники мне милы.

Деяния тела их чисты,
Деяния речи их чисты,
Деяния ума их чисты также —
Вот почему отшельники мне милы.

Незапятнанные, словно перламутр,
Безупречные снаружи и внутри,
Преисполненные светлых качеств —
Вот почему отшельники мне милы.

Со знаниями великими, знатоки Учения,
Пребывающие в жизни благородной,
Наставляющие о предназначенье Дхаммы —
Вот почему отшельники мне милы.

Со знаниями великими, знатоки Учения,
Пребывающие в жизни благородной,
С умами сосредоточенными, памятующие —
Вот почему отшельники мне милы.

Странствующие далеко,
Памятующие, изрекающие речи соразмерные,
Не кичливые,
Познавшие уняtie страданий —
Вот почему отшельники мне милы.

Деревни покидая, не обернувшись,
Идут они,
Не тоскуя ни о чём, —
Вот почему отшельники мне милы.

Они не делают запасов,
Ни в корзинах, ни в кладовых ничего
не хранят²²¹;
Принимают пищу, приготовленную другими, —
Вот почему отшельники мне милы.

Отказываясь от серебра и злата,
Чистого иль с примесями,
Живут лишь в настоящем —
Вот почему отшельники мне милы.

Они ушли в скитанья из сословий разных,
Из разных стран,

Но меж собою пребывают в мире и согласье —
Вот почему отшельники мне милы.

Отец Рохини Тхери:

Поистине, благословение для близких —
Рождение твоё, почтенная, у нас в семье.
Имеешь ты столь сильное доверие к Будде,
К Дхамме и так Сангху почитаешь.

Ты знаешь их —

Непревзойдённое поле заслуг для мира,
Пусть отшельники подношения мои примут.

Рохини Тхери:

Свершим мы приношение жертв,
Обильным пусть сотворится оно.
Коли страшишься ты страданий,
Коль не милы тебе они —

Приди ты к Будде как к прибежищу,
К Учению и Общине также,
И добродетелью себя укрась —
Так благо обретёшь.

Отец Рохини Тхери:

Иду я к Будде как к прибежищу,
К Учению и Общине также,
Украшу добродетелью себя —
Так благо обрету.

Сородичем я Брахмы прежде был,
Сейчас же — истинный брахман.
Обрел Три знанья, мудрости исполнен,
Теперь воистину очищен.

299–312. Чапа Тхери

Упака Тхера, муж Чапы Тхери:

Отшельником был раньше,
А теперь — охотник на оленей;
Влеченьями объятый, не способен
На брег иной из трясины перебраться²²².

Воображая, что я отдал ей всё сердце,
Играет Чапа с сыном.

Я разобью её оковы,
Вновь в странствие бездомное уйду.

Чапа Тхери:

Не серчай на меня, герой великий,
Не серчай на меня, мудрец великий;
Нет чистоты для того, кто охвачен гневом,
Не говоря об аскезе.

Адживако Упака Тхера:

Я покину Налу —
Кто пожелает коротать свой век тут?
Женщины подчиняют себе отшельников,
Ведущих жизнь в согласье с Дхаммой.

Чапа Тхери:

Кала, приди ко мне, вернись!
Вкушай улады чувств, как прежде,
Покорной буду я тебе
И все сородичи мои.

Адживако Упака Тхера:

Тому, кто от любви к тебе сгорает, Чапа,
Было бы довольно и четверти того,
Что говоришь ты мне сейчас.

Чана Тхери:

О Кала!

Я словно дерево Таккари в цветах на вершине
горы,

Словно лоза дикого винограда,

Словно дерево Патали на острове диком.

Тело моё благоухает сандалом,

Наряжена я в изысканное платье;

От меня, такой прелестной,

Куда ты уйти желаешь?

Адживако Упака Тхера:

Птицелов так расставляет свои капканы,

Поймать стремясь птицу;

Но меня ты не заманишь в ловушку

Своим пленительным обличьем.

Чана Тхери:

Вот сын, Кала, мой плод,

Рождённый от тебя.

От меня, имеющей сына,

Куда ты уйти желаешь?

Адживако Упака Тхера:

Кто мудрости исполнен,

Оставит сынов, сородичей, богатство.

Герой великий уходит в бездомное скитанье,

Подобно слону, срывающему с себя путы.

Чана Тхери:

Вот наш ребёнок!

Я ножом иль палкой изобью его.

Исполненный по сыну скорбью,

Покинуть ты его не сможешь.

Адживако Упака Тхера:

Брось сына ты собакам иль шакалам —
Именем его меня ты дома не удержишь,
Презренная.

Чана Тхери:

Увы!

Но куда же ты отправишься, о Кала?
В какую деревню,
Город иль столицу?

Адживако Упака Тхера:

В былые времена бродили мы
По деревням, по городам, столицам;
Отшельниками себя напрасно мнили,
На деле ими не являясь.

Будда, Благословенный,
Обитает ныне у реки Неранджары.
Отринув все страданья,
Наставляет существ в Дхамме.
Пойду туда и я,
Учителем моим он станет.

Чана Тхери:

Моё почтение передай ему,
Мира хранителю непревзойдённому;
Обойди его с правой стороны,
Моё подношение вручи ему.

Адживако Упака Тхера:

Поистине, это будет достойным нас обоих:
Твоё почтение передам ему,
Мира хранителю непревзойдённому;
Обойду его с правой стороны,
Твоё подношение вручу ему.

Так Кала покинул свой дом,
Прибыл на реку Неранджару,
Там узрел Пробуждённого,
Наставляющего в Неумирающем.

Страданье, зарождение страдания,
Уняtie страдания
И благородный путь,
К унятию страдания что ведёт.

Припав к его стопам,
Обойдя его с правой стороны,
Передал подношения Чапы,
Постриг в бхиккху принял.
Три знания открылись для него,
Заветы Татхагаты им исполнены всецело.

313–338. Сундари Тхери

Брахман Суджата, отец Сундари Тхери:
Терзаема отчаяньем ты днём и ночью,
Оплакивала в прошлом сыновей своих,
Бросая трупы их зверью на растерзанье,
Почтенная²²³.

Сейчас же скорби нет в тебе,
Хотя семеро детей твоих растерзанными были.
Что ж боле не стенаешь ты,
Брахманка Васеттхи?

Васеттхи Тхери:
Многие сотни сыновей,
Многие тысячи сородичей,
Моих и твоих,

Были брошены на растерзанье хищникам
в прошлом.

Познала я спасенье от рождения и смерти,
Я не скорблю и не рыдаю ныне,
Я не оплакиваю больше никого.

Отец:

Как восхитительны твои слова, Васеттхи!
Чью Дхамму ты постигла,
Что так способна изрекать?

Васеттхи Тхери:

Будды, Благословенного,
Который обитает ныне в городе Митхиле.
Отринув все страданья,
Существ он в Дхамме наставляет.

Его Учению внимая, брахман,
Что к нестяжанию приводит,
Постигнув подлинную Дхамму,
Отвергла я всю скорбь по детям.

Отец:

Направляюсь и я в город Митхилу:
Быть может, вызволит меня
Из всех страданий Бхагаван.

Узрел Будду брахман,
Всецело свободного от всех стяжаний.
Тот наставлял его в Дхамме —
Положивший конец страданиям,
Достигший берега иного.

Страданье, зарождение страданья,
Уняtie страданья

И благородный путь,
К унятию страданья что ведёт.

Подлинную Дхамму постигнув,
Суджата принял постриг.
Три знания открылись для него
Всего лишь за три ночи.

Брахман Суджата,
обращаясь к своему возничему:
Ступай, возничий,
Отдай брахманке колесницу с пожеланьями
здоровья;

Скажи ей, что Суджата принял постриг.
Три знания открылись для него
Всего лишь за три ночи.

Взяв колесницу и тысячу монет,
Возничий отдал брахманке колесницу
с пожеланьями здоровья,
Сказав ей, что Суджата принял постриг.
Три знания открылись для него
Всего лишь за три ночи.

Мать Сундари Тхери:
Узнав о том, что брахман три знания открыл,
Тебе, возничий, я дарую и колесницу,
и монеты,
И чашу полную в придачу.

Возничий:
Пусть колесница и монеты с тобой останутся,
Брахманка.
Желаю сам я отправиться в скитанья,
Быть рядом с обладателем мудрости великой.

Мать Сундари Тхери, обращаясь к дочери:
 Слоны, коровы, кони,
 Драгоценности и серьги —
 Отец твой домохозяина отрады все отринул,
 В монахи постриг приняв;
 Теперь наследница у нас ты,
 Так услаждайся богатством своим, Сундари.

Сундари Тхери:
 Слоны, коровы, кони,
 Драгоценности и серьги —
 Отец мой домохозяина отрады все отринул,
 В монахи постриг приняв,
 Сражённный горечью утраты сына;
 Приму я тоже постриг,
 Сражённая утраты брата горем.

Наставница Сундари Тхери:
 Пусть устремление твоё исполнится, Сундари:
 Довольной пребывай остатками с подаянья,
 Носи из выброшенных тряпок одеянья;
 Так ты отринешь все влеченья,
 Что могут привести в миры иные.

Сундари Тхери:
 Почтенная, я практику свою взрастила,
 Я обрела божественное око,
 Вспомнила свои прошлые обители,
 Там, где я раньше пребывала.

С опорой на вас, о благодетельная,
 Сангхи монахинь достояние,
 Три знания открылись для меня,
 Усердием непоколебимым
 Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

Почтенная, прошу вас, разрешите мне
Отправиться в Саваттхи,
Издать там львиный рык²²⁴
В присутствии непревзойдённого из будд.

Наставница Сундари Тхери:
Ступай в Саваттхи,
Навести ты там Сияющего, с кожей, подобной
золоту;
Укротителя тех, кто в укрощении нуждается,
Славно Пробуждённого,
Бесстрашного.

Узрел Будда Сундари шествующую,
Всецело свободную от всех стяжаний,
Отринувшую вожделение, оковы разбившую,
Исполнившую долг свой, лишённую влечений.

Сундари Тхери:
Покинувшая Бенарес,
Явившаяся к вам Сундари,
Ученица ваша, припала к стопам вашим
с почтеньем,
О великий герой.

Вы — Будда, вы — наставник,
Я дочь родная ваша, о брахман,
Рождённая из ваших уст;
Исполнившая долг свой,
Лишённая влечений.

Будда:
Сприбытисм, достойная,
В твоём приходе дурных знамений нет.
Так прибывает тот, кто укрощён был славно,

Кто припадает к учителя стопам с почтеньем,
Отринув вожделение, разбив оковы,
Исполнив долг свой, лишённый всех влечений.

339–367. Субха Тхери, дочь кузнеца

Субха Тхери:

Во цвете лет,
Облачённая в одеянья белые,
Я Дхамму услышала;
В истину прозрела,
Благоразумная.

Услады чувств отныне не милы мне:
Узрела в самости великую угрозу,
Лишь к отреченью устремилась.

Сородичей, слуг и работников оставила,
Свою деревню и поля,
Цветущие и восхитительные.

Я постриг приняла,
Уйдя в скитания,
Немалое добро оставив позади;
Исполнилась я веры в Дхамму,
Столь славно возвещённую.

Для той, кто отказалась от всего,
Негоже принимать вновь серебро и золото —
Они не надобны уж мне.

Подспорьем серебро и золото
Для Пробужденья, для покоя
Никак не служат;
Отшельнику не надлежит их принимать,
Сие добро не благородно.

Здесь жаждой существа ослеплены,
Неведением осквернены.
Нависли тучи над этим миром,
Воцарился страх —
Так неустойчив он и зыбок.

Ликующие, безрассудные,
С умами, что исполнены порока,
Устраивают распри,
Друг друга проклиная.

Побойща, пленение, несчастья,
Скорбь, причитанья и утраты;
Так много здесь злосчастий для того,
Кто чувственными уладами пленён.

Мои сородичи вы,
Но будто бы враги²²⁵:
Меня манить пытаетесь страстями;
Известно вам — я постриг приняла,
В страстях узрев великую опасность.

Конец влечений не из стяжанья злата происходит,
Чистого иль с примесями;
Улады чувственные подобны недругам и душегубам,
Подобны стрелам, кандалам.

Мои сородичи вы,
Но будто бы враги:
Меня манить пытаетесь страстями;
Известно вам — я постриг приняла
Собритой головой, в монашеских одеждах.

Остатками питаться с подаенья,
Носить из выброшенных тряпок одеянья —

Поистине это подходит мне,
Ушедшей из дома в скитанья.

Услады как небесные, так и земные
Великие провидцы оставляют позади;
Освобождённые всецело в устойчивом
пристанище,
Обретают счастье несокрушимое они.

С уладами чувств я не в ладу,
В них я укрытия не вижу,
Они как недруги и душегубы —
Страдания пылающее пламя.

Великая преграда на пути,
Источник страха, тернии, угроза;
Приводят страсти к помутнению ума.

Коварные, вселяющие ужас,
Подобные змеиной голове;
Милы улады лишь простолюдинам,
Что пребывают в беспросветной тьме²²⁶.

Немногие здесь видят ясно,
Другие же в трясине чувственной погрязли,
Не ведая исхода из рождений и смертей.

Потакать уладам чувств —
Вот корень взращивания пути дурного,
Того, в юдоль что скорбную приводит.
Столь многие им следуют,
Сами себя на бедствия обрекая.

Рождают страсти недругов,
Терзают, омрачая существ всецело;

Они заманивают мир в ловушку,
Мары кандалы.

Манящие, сводящие с ума,
Они уму внушают безрассудность;
Раскинуты повсюду сети Мары,
Затягивая существ в трясину.

Угрозы от страстей бесчисленны,
Влекут они страданий много за собой —
Великая отрава мира;
Немного радостей от них —
Создателей раздора,
Что иссушают всё благое.

Неисчислимы изведав беды,
Чей корень был в уладах чувств,
Я никогда к ним больше не вернусь,
Отраду обрета в Ниббане.

Ведя сраженье со страстями,
Желая пребывания в Прохладе,
Я пестую усердно практику свою,
Оковы разрушая.

Лишённый скорби, незапятнанный, надёжный —
Таков он, этот Восьмеричный благородный
путь,

Отшельников переправляет на тот берег;
Я этой шествую дорогой.

Budda:

Вьяяни! Это Субха, дочь кузнеца,
Стоящая в Дхамме твёрдо;
Созерцает она в джхане,

Под корнями деревьев,
Непоколебимое сосредоточенье обретя.

Сегодня восьмой день с её пострига —
Исполненной веры, украшенной верой;
Воспитана она Уппалаванной,
Победительницей Мары, с тремя знаниями.

Свободная от рабства и от долгов,
Бхиккхуни с возвращёнными способностями,
Отбросившая все оковы,
Свершившая то, что надобно было свершить,
Лишённая влечений.

Сакка, владыка дэвов,
Используя силы чудесные,
Прибыл к Субхе, дочери кузнеца,
Выразил ей своё почтение.

ТРИДЦАТЬ СТРОФ

*368–401. Субха Дживакамбаваника Тхери
(красавица из манговой рощи Дживаки)*

Бхиккхуни Субхе,
Шествующей в дивную рощу Дживаку,
Повеса один путь преградил²²⁷.

Субха Дживакамбаваника Тхери:
Что сделала тебе дурного я,
Что ты удерживаешь меня, пройти не позволяя?
Друг, не подобает мужчине
Общаться с ушедшей в скитания.

В дисциплине, возвещённой Сугатой славно,
Это серьёзный проступок;
Я обрела чистоту, пороков лишена,
Зачем же ты удерживаешь меня, пройти не позволяя?

Для чего ты с умом, полным страсти,
Удерживаешь меня, бесстрастную?
Для чего ты с умом, полным скверны,
Удерживаешь меня, сокрушившую скверну?
Свободен мой ум во всех направлениях!

Повеса:

Ты молода, и зла в тебе не видно,
Зачем в скитанья уходить?
Брось это оранжевое одеянье,
Отправимся мы вместе в лес цветущий
И станем там вкушать улады радость!

Разлито в воздухе благоуханье,
Стоят деревья все в пыльце цветочной;
Весна ранняя — благодатная пора,
В лесу вкусим мы радости улады!

От ветра верхушки деревьев звенят,
Словно воркующие друг с другом.
Что за отрада тебе одной в лесу,
Скажи мне?

Ужели в одиночестве войдёшь в лесные дебри,
Внушающие трепет,
Что полнятся зверями дикими,
Хищниками, слонами в пору брачного безумства?

Ты — словно куколка из золота,
Нимфа, порхающая по дивному саду;
Обернёшься в шелка из Каси узорные,
Будешь сиять, несравненная.

Я стану всецело принадлежать тебе,
Поселимся в лесу мы вместе;
Нет для меня никого чудесней
Тебя, киннари²²⁸ с застенчивыми очами!

Послушай же мои увещевания, идём!
Счастливой будет твоя жизнь в доме;
В хоромах укрыта будешь от дуновений,
Обхаживать тебя служанки станут.

Нарядишься в цветистые платья из Каси,
Венками украсишься и румянами;
Одарю тебя драгоценностями —
Из золота, серебра и жемчуга.

Возляжешь на новое ложе,
Роскошное и мягкое;
Застлано оно будет шерстяным одеялом,
Благоухать сладким сандалом.

Подобно лотосу голубому,
Что растёт на безлюдном болоте,
Никем не сорванный,
Ты, затворница, состаришься,
Так ни с кем и не сойдясь.

Субха Дживакамбаваника Тхери:
В чём сущность отыскал ты²²⁹ —
В груди плоти, зловонной,
Наполняющей кладбища?
Участь этого тела — разложение,
Но ты смотришь на меня в смятении —
Отчего так?

Повеса:
Глаза твои, как у лани,
Как у киннари в пещере горной;
С той поры, как они предо мной
предстали,
Вожделение во мне разгорелось так ярко.

Глаза твои — две чашечки лотоса голубого,
Светятся на лице твоём золотистом;
С той поры, как они предо мной
предстали,
Вожделение во мне разгорелось так ярко.

Пусть ты далёко будешь —
Помнить всегда буду о ресницах длинных,
О взоре чистом твоём:
Нет на свете для меня ничего милее
Глаз ясных твоих, киннари!

Субха Дживакамбаваника Тхери:
Ты шествуешь путём превратным,
Из луны игрушку сотворить пытаешься;
На Меру вознамерился взобраться,
Обольстить желая дочь Будды.

В этом мире с его дэвами
Вожделения во мне никто не может вызвать;
Я позабыла, что это такое,
Вырван сам корень его Благородным путём.

Отбросила я вожделение, как уголь раскалённый²³⁰,
Словно чаша с ядом оно для меня;
Я позабыла, что это такое,
Вырван сам корень его Благородным путём.

Соблазняй ту, что сего не познала,
Чей учитель сам нуждается в увещевании;
Но со знающей, подобной мне,
Ты лишь досаду испытаешь.

Прочно я утвердилась в памятовании:
Для меня что хула, что похвала — всё едино,
Счастье и горесть для меня одного вкуса;
Постигнув, что всё составное неприглядно²³¹,
Мой ум уж ни к чему не прилипает.

Ученица Сугаты я,
Шествующая Путём восьмеричным

Со стрелой, извергнутой из сердца;
Влечений лишённая,
В уединённом месте живу, ликуя.

Видела однажды я деревянную куклу,
Расписанную ярко и цветисто;
Когда её дергали за нитки и палочки,
Забавно она танцевала.

Но коли вынуть из куклы нитки и палочки,
Она разлетится на куски,
Разобранная, распавшаяся —
К чему здесь разум может устремиться?²³²

Такова же природа моего тела:
Оно движется лишь благодаря его частям,
Без этих вещей оно двигаться не может —
К чему здесь ум может устремиться?

Охрой на стене намалёвана картина,
Ты же принимаешь её за реальность;
Людское восприятие обманчиво,
Искажено изрядно виденье людское²³³.

Слепец, гоняешься ты за иллюзией!
Среди толпы выискивая куклу,
За явь принимая
Златые деревья из сновидений.

Глаз — это просто шарик, пустой изнутри,
С точкой посередине;
Вытекают из него слёзы и гной,
Разные части здесь собраны вместе.

И прекрасная, с умом, ничем не связанным,
Глаз свой вырвала, воскликнув:

«Возьми его!» —
И отдала его повесе.

Вмиг испарилось его вожеление,
Стал он молить её о прощении:
«Пусть у тебя всё будет хорошо, затворница,
Никогда больше это не повторится.

Обольщая подобную тебе,
Я словно костёр пылающий обнял,
Словно схватил смертоносную кобру.
Пусть у тебя всё будет хорошо,
Молю — прости меня!».

Бхиккхуни свободная
Направилась туда, где пребывал Будда,
превосходный;
Узрев того, кто преисполнен добродетели,
Стала вновь, как и прежде, с глазом.

СОРОК СТРОФ

402–449. Исидаси Тхери

В Паталипутте — граде, названном в честь цветка,
Великолепном,
Из клана Сакьев две бхиккхуни пребывали,
Обладающие превосходными качествами.

Исидаси величали одну,
Вторую — Бодхи;
Исполненные добродетелей,
В джханах ликующие, с познаниями великими,
Искоренившие все омраченья.

Вернувшись со сбора подаяний,
С трапезой покончив и чаши свои омыв,
Устроившись удобно,
Такую беседу они повели.

Бодхи Тхери:

«Ты хороша собой, почтенная,
И вовсе не преклонных лет;
Какую опасность ты узрела,
Что возжелала от мира отказаться?»

Так будучи вопрошаема в уединённом месте,
Исидаси, в возвещении Дхаммы искусная,
Промолвила слова такие:

«Послушай, Бодхи,
Я расскажу тебе,
Зачем я постриг приняла.

В прекрасном городе Уджени я росла —
Единственная дочь,
Холима и лелеема родными,
С отцом влиятельным и добродетелью исполненным.

Из знатной и богатой семьи Сакеты
За мной явился сват,
Имевший золота несметные запасы;
Отдал ему отец меня в невестки.

И днём, и ночью преклонялась
Я пред родителями мужа,
К стопам их голову склоняя,
Как мне наказывали прежде.

Завидев братьев и сестёр супруга,
Завидев слуг его и мужа самого,
Я вскакивала с места,
От волненья трепеща.

Им подносила снесь я и напитки,
Все угощения, что в доме были,
Чего бы кто ни возжелал;
Старалась быть я каждому любезной.

Проснувшись спозаранку,
Я сразу проводила омовенье.
В супружеские войдя покои,

Приветствуя мужа руками,
Сложенными в анджали.

Взяв расчёску, притирки, зеркала,
Сама я украшала своего супруга,
Услужнице подобно.

Сама варила рис,
Сама тарелки начищала;
Радела о супруге,
Подобно матери, пекущейся о сыне.

Служила ему верой-правдой,
С постели вскакивая, чуть рассвет забрезжит;
Исполненная добродетели, не прохлаждаясь,
Однако мой супруг не выносил меня.

„Желаю дом оставить, разрешите мне уйти“ —
Так обратился он к родителям;
Заверил их, что не намерен
Со мною под одною крышей жить.

„Ты слов таких не молви, сын!
Исидаси мудра и толкова,
С постели вскакивая, чуть рассвет забрезжит,
Не ленива —
Чем не мила она тебе?“

„Мне Исидаси каверзы не строила,
Но жить с ней вместе для меня постыло.
Довольно! Мне она невыносима,
Желаю дом оставить, разрешите мне уйти“.

Услышав те слова, его родители меня спросили:
„Признайся, в чём твоя вина?
Скажи всё так, как есть оно!“.

Ответила я им,
Что нет за мной вины —
Я каверзы не строила,
Не изъяснялась дурно.
Что сделать я могла,
Коль мой супруг не выносил меня?

Смятённые, охваченные горем,
Они меня вернули в отчий дом,
Промолвив:
„Радея о нашем сыне,
Её мы потеряли, прелестную богиню“.

Затем отец отдал меня в семейство,
Второе по богатству в городе,
С приданым вдвое меньше первого.

Там тоже я лишь месяц прожила,
Затем супруг меня отверг,
Хотя ему служила, как раба, —
Добродетельная, дурного не творящая.

Увидев раз на улице отшельника,
Кто укрощал себя, ходя за подаяньем,
Отец мой предложил ему взять меня в жёны,
Выбросив одеяние из тряпок и чашу.

Тот, со мною две недели проведя,
Сказал, обращаясь к моему отцу:
„Верни мои одежды из тряпья и чашу,
Я снова стану странствовать бездомным“.

Отец мой, мать и сородичи спросили:
„Ответь — чего мы для тебя не сделали?
Скажи —
И мы проворно всё исполним“.

Так спрошенный, он молвил:
„С меня довольно!
Пусть даже чтим я здесь,
Жить с Исидаси для меня постыло“.

Добившись позволения, восвояси он ушёл,
А я, оставшись одинёшенька, задумалась:
„Я тоже разрешения уйти спрошу,
Погибну или приму постриг“.

В то время почтенная Джинадатта,
Исполненная добродетели,
Винаю строго соблюдающая,
Со знаниями великими,
За подаяньем в отчий дом пришла.

Её узрев, я с места своего восстала,
Ей место уступив;
К её стопам припала,
Ей пищу предложив.

Подав ей яства и напитки,
Ублаготворив её,
Промолвила:
„Почтенная, желаю постриг я принять“.

Отец мой обратился ко мне:
„Дитя, живи по Дхамме прямо здесь,
Снедью и напитками ублаготворяй отшельников,
Аскетов, рождённых дважды“.

Слезами заливаясь,
Руки сложив в анджали, кланяясь отцу,
Молить я стала отпустить меня:
„Я совершила в прошлом зло,
Мне нужно истребить его!“.

Тогда отец ответил:

„Достигни Пробужденья в высшей Дхамме,
Обрети Ниббану,
Как обрёл её Тот, кто истину возвещает,
Лучший из двуногих“.

Почтенье выразив отцу и матери, сородичам,
По прошествии недели со дня пострига
Я обрела три знанья.

Семь своих прошлых жизней я познала,
Что свои плоды и результаты в жизни этой
принесли.

Я расскажу тебе об этом,
С вниманием внемли.

Золотых дел мастером была я в городе Эракачча,
Большое состояние имела;
Юностью своею упоённая,
Я соблазняла чужих жён.

Скончавшись, возродилась я в Нирае,
В стихии огненной я долго полыхала;
Я родилась затем из утробы обезьяны.

На седьмой день после рожденья
Вожак стада оскопил меня —
Такой был плод деяний,
Соблазнення жён чужих.

Скончавшись здесь,
Погибнув в роще Синдхавы,
Я родилась в обличии козы,
Хромой и одноглазой.

Я вновь была оскоплена,
Двенадцать лет носила на горбу своём детей;
Червями пожираема, тщедушна, без хвоста —
Такой был плод деяний,
Соблазненья жён чужих.

В коровье чрево я затем попала,
Телёнком став пятнистым рыжим,
Подверглась оскропелю в первый год.

Повозку приходилось мне таскать
И землю бороздить,
Будучи слепой и слабой, —
Такой был плод деяний,
Соблазненья жён чужих.

Умерев,
Родилась в доме у раба:
Ни женщина, и ни мужчина —
Такой был плод деяний,
Соблазненья жён чужих.

Скончавшись в тридцать лет,
Затем родилась девочкой в семье извозчика,
Обездоленной и жалкой,
В долгах погрязшей.

Когда проценты по долгам стали огромны,
Меня, кричащую,
Из дома силой увели
В дом лошадьми торговца.

Когда шестнадцать стукнуло мне,
Сын торговца, Гиридаса,
Прельщённый свежестью моей,
Взял меня в жёны.

Он был женат уже —
На женщине хорошей, с добрым именем,
Приверженной своему супругу;
Меня она сочла своим врагом.

Вот плод прошлых деяний:
Попала я в немилость им и изгнана была,
Хоть и служила им,
Услужнице подобно;
Теперь же я покончила со всем²³⁴».

РАЗДЕЛ ВЕЛИКИХ СТРОФ

450–524. Сумедха Тхери

В граде Мантавати
Дочь главной супруги царя Конча
Была обращена в Учение подвижниками.

Добродетельная, излагающая ясно,
Воспитанная в ученье Будды,
Со знаниями великими,
Она приблизилась к отцу и матери, промолвив:
«Вы оба мне, пожалуйста, внимайте²³⁵.

Я очарована Ниббаной!
Все сферы бытия не вечны,
Даже небесные.
Что говорить про чувств услады?
Пусты они, и радости в них мало,
Зато таят в себе огромные терзанья.

Услады чувств горьки, как яд змеиный.
Пускай и превозносятся глупцами,
Они в Нираю увлекают их надолго,
Стенающих.

Приумножающие зло,
Скорбят потом в уделах низших,
Гонимые последствиями дел дурных;
Глупцы не сдержанны ни в теле, ни в уме,
ни в речи.

По скудоумию себе страдания творят,
О том не помышляя;
Не зная об Учении
И не вникая в истины, что благородны²³⁶.

Те истины, что Будда величайший возвестил,
Неведомы им, мама;
Существованьем заморожены,
О возрожденье средь богов мечтают.

Не вечны и небесные обители,
Изменчивы они.
Однако не пугаются того глупцы,
Рождаясь вновь и вновь.

Четыре сферы низших есть,
Две сферы, что непросто обрести.
Для павших вниз, в Нираю,
Немыслимо монашество принять.

Даруйте оба разрешение мне на постриг,
Дабы смогла я десять сил обрести²³⁷;
К мирскому не имея тяги,
Отрину я рождение и смерть.

В чём существования отрада
В нечистом, сущности лишённом теле?
Во имя разрушения жажды к существованию
Даруйте разрешение мне на постриг.

В мир наконец явился Будда,
Злосчастья время миновало —
Пришла счастливая пора;
От добродетели и возвышенной жизни
Не откажусь, пока дышу я!».

Так молвила Сумедха матери с отцом:
«Я пищу принимать не буду,
До той поры, пока живу я в доме;
Пусть смерть возьмёт меня к себе».

Рыдала мать, охваченная горем,
За нею начал причитать отец;
Старались вразумить её,
Но та легла на пол дворца.

«Встань, о дитя,
К чему скорбишь ты?
Сосватана ты в Варанавати
Великолепному царю Аникаратте,
Ему ты будешь отдана.

Царицей станешь главной,
Возлюбленной женой Аникаратты;
А постриг, добродетель и возвышенная жизнь —
Трудны для исполненья, о дитя!

Владычество над царством,
Богатство и всесилие —
Испей же чашу удовольствий,
Пусть свадьба состоится, о дитя!»

«Не будет так, — Сумедха отвечала, —
Всё бытие пустотно²³⁸;
Я замуж не пойду:
Умру — иль постриг я приму.

К чему лелеять это тело —
 Нечистое, зловонное,
 Сочится жидкостью что изо всех отверстий,
 Труп будущий, собрание нечистот?

Известна истина о теле мне;
 На что скелет мне этот неприглядный,
 Струющаяся кровью плоть,
 Добыча для червей и птиц,
 К чему оно мне?

Сознания лишённое,
 Недолго тело существует;
 Его на кладбище везут сородичи,
 Отбрасывая в отвращенье,
 Словно старое бревно²³⁹.

Вид трупа вызывает отвращенье
 Даже у матери с отцом,
 Которые бросают его, пищу для червей,
 В землю, —
 Что говорить о чужаках?

Простак захвачен телом,
 Сущности лишённым,
 Грудой сухожилий и костей,
 Зловонным,
 Наполненным слезами, калом, гноем и слюной.

Вскрытое, наизнанку вывернутое,
 Источает тело смрад;
 Он невыносим настолько,
 Что даже мать родную ужаснуть способен.

Прозрев в явлений сердцевину,
 В стихии, совокупности и сферы —

Страдательные, обусловленные,
Имеющие рождение своей причиною,
Как я могу супружества желать?

Пусть моё тело день за днём
Пронзают триста копий острых
В течение столетья —
Я согласилась бы на это истязанье,
Если бы вело оно меня к концу страданья.

Тот, кто прозрел в слова Учителя,
Смирится с пыткой любой.
О, как длинна сансара,
И в ней нас истребляют раз за разом.

Узреть возможно истребление в любом уделе —
Небесном иль земном,
Среди животных, асуров и голодных духов,
в Нирае —
Повсюду различимо истребленье то.

Расправами полна Нирая
Для тех, кто омрачён умом,
И даже у богов укрыться не найти;
Нет счастья превыше, чем Ниббана²⁴⁰.

Они сумели обрести Ниббану
При помощи того, кто силами десятию владеет;
К мирскому не имея тяги,
Отринули рождение и смерть.

В день этот самый я, отец, должна отречься,
Не нужно мне никчёмное богатство!
Мне безразличны страсти —
Они подобны рвоте для меня,
Обрубку пальмы, срезанной под корень».

Пока она так говорила,
Аникаратта, кому она обещана была,
Из Варанавати прибыл
В назначенное для помолвки время.

Тогда Сумедха в руки нож взяла,
Остригла волосы свои прекрасные, густые²⁴¹;
Закрывшись у себя в покоех,
Достигла первой джханы.

Когда она так созерцала,
Аникаратта в город прибыл;
Закрывшись у себя в покоех,
Сумедха взращивала восприятие непостоянства.

Пока она свой пестовала ум,
Аникаратта быстро по лестнице взбирался;
Украшенный, наряженный,
С ладонями, соединёнными в анджали,
Он стал просить Сумедху:

«Владычество над царством,
Богатство и всесилие —
Испей же чашу удовольствий,
Чувственное счастье в мире трудно обрести!

Я царство отдаю в твоё распоряженье,
Богатством наслаждайся, подаянья раздавай;
Ты не кручинься,
Мать с отцом твои страдают тоже».

Сумедха, к чувственным усладам равнодушная
И заблуждение стряхнувшая с себя,
Так отвечала:

«Чувств улады не радуют меня,
Узрела я угрозу в них.

Мандхата, царь четырёх континентов²⁴²,
Шествовал путём потакания страстям;
Он умер неублагодотворённым,
С желаниями неисполненными.

Пусть дождь из драгоценностей семи
Прольётся с неба в десяти направлениях —
Он не утолит страстей,
И люди ненасытными погибнут.

Страсти подобны копьям, плахе палача,
Подобны голове змеиной;
Пылающие, словно головня,
Скелет со снятой кожей.

Изменчивы, непостоянны страсти,
Огромные страдания несут,
Великая отрава;
Напоминают раскалённый шар,
Источник бедствий, созревающий в страданье.

Услады чувств подобны дерева плодам,
Ошмёткам мяса;
Словно товары те, что взяты в долг,
Как сновидения, призрачны они²⁴³.

Мечам и копьям подобны страсти,
Они как хворь, как опухоль, нарыв,
Как раскалённые уголья,
Источник бедствий, душегуб.

Страданий много в страстях скрыто,
Они были обозначены преградой.
Оставь меня, прошу!
К блужданью по мирам пристрастия не имею.

Что для меня способен сотворить другой,
Чья голова у самого в огне пылает?
Когда старение и смерть нас настигают,
Их нужно сокрушить».

Сумедха распахнула дверь;
Увидев мать с отцом и Аникаратту,
Сидящих на полу
И утопающих в слезах,
Промолвила:

«Длинна сансара для глупца:
Вновь и вновь он слёзы проливает,
Оплакивая без начала и без края погибшего отца,
Брата убиенного
И погибая сам.

Припомни океан пролитых слёз и крови,
Припомни молоко, испитое тобою;
Сансара эта без начала и без края,
Блуждают существа в ней,
Костями загромождая землю²⁴⁴.

Задумайся,
Сколько ты пролил и слёз, и крови:
Их больше, чем воды в четырёх океанах;
Припомни кости, потерянные в течение
одного эона, —
Их груды высотой с гору Вепуллу.

Сансара без начала и без края
Обширней, чем земля вся в Джамбудипе;
Сложить захочешь семечки колаттхи на ней,
Сравнивая их с числом своих матерей, —
Последних будет больше всё равно.

Сансара без начала и без края
Обширней, чем число травинок, палок, листьев;
Разделить захочешь их на кусочки в четыре дюйма,
Сравнивая их с числом отцов своих отцов, —
Последних будет больше всё равно.

Задумайся ты об ослепшей черепахе,
Что плавает в бездонном океане:
Как трудно головою ей попасть
В узкий хомут, плывущий где-то наверху;
Сравнима с этим редкость человеческих
рождений.

Узри тело подобным комку пены,
Тленным, сущности лишённым;
Узри изменчивыми совокупности,
Памятуй о бедствиях низших миров.

Памятуй о тех, кто плотью наполняет кладбища,
Возрождаясь то там, то здесь, вновь и вновь;
Памятуй об опасности крокодила²⁴⁵,
Об истинах четырёх.

Когда Неумирающее открыто,
Для чего пить горечь пяти отрав?
А ведь услады чувств более жгучи,
Нежели горечь пяти отрав.

Когда Неумирающее открыто,
К чему испепелять себя страстями?
Все радости страстей — как огненная лава,
Она горит, клокочет и бурлит.

Коль есть свобода от вражды,
К чему вы привечаете своего врага — услады?

Они нещадные каратели,
Как наводнения, пожары, разбойники, цари
И люди, вам не милые.

Когда Освобождение открыто,
К чему себя опутывать страстей цепями?
Тот, кто чувств уладами объят,
Сам не желая, идёт к своей гибели.

Пылающий факел травяной опалит того,
Кто не желает выпустить из рук его;
Факелу подобны улады чувств,
Сжигающие всех, кто держится за них.

Во имя неизменного счастья страстей
Возвышенное счастье отвергать не надо;
Не будь подобным рыбе, что наживку проглотила,
Не ввергни в бездну горести себя.

Среди страстей живя, ты страсти укрощай;
Сидящей на цепи собаке ты подобен:
Улады чувств способны растерзать тебя,
Как оголодавшие чандалы — собаку.

Страдания бескрайние сокрыты в чувств уладах;
Не счесть ума страданий, если потакать им —
Ты отрекись от них,
Таких недолговечных.

Когда открыто Нестареющее,
В чём смысл страстей,
Ведущих к увяданью?
Рождение в любом уделе с хворью и гибелью
сопряжено.

Узри: открыто то, что не стареет и не гибнет, —
Нестареющее, Неумирающее,
Лишённое печали,
Свободное от вражды, ограничений,
От колебаний, страха и горенья.

Снискали многие его,
И в наши дни оно доступно
Для тех, кто устремление имеет,
Но не для тех, кто рвением обделён».

Так говоря, Сумедха,
Отрады в составном не находя,
Швырнула свои волосы на пол,
Аникаратту вразумляя.

Тогда поднявшийся Аникаратта,
Сложив ладони у груди в анджали,
Просил отца:
«Дай позволение Сумедхе, чтоб постриг
приняла;
Она сумеет обрести свободу, в истину прозрев».

Благословенье матери с отцом приняв,
Она ушла в скитания, подталкиваемая скорбью
и боязнью;

Шесть высших знаний обрела,
Непревзойдённые плоды,
Ещё во время обучения.

Чудесна, восхитительна Ниббана,
Что обрела прекрасная принцесса.
Припомнив свои прошлые обители,
Она в последний раз поведала о них:

«Во времена Благословенного Конагаманы
Мы, девушки три,
Подали на жилище новое для Сангхи.

Десять, сто, тысячу, сто тысяч раз
Затем мы возрождались в мире дэвов,
Что говорить о человеческих уделах?

Средь дэвов мы могущественны были,
Что говорить о человеческих уделах?
Царицею была я у владыки с семьёю сокровищами,
Сокровищем-женой его была».

Вот в чём причина, вот в чём корень
Того, что с первой встречи
В ней зародились ликование от Дхаммы
И упоение Ниббаной.

Деянья таковы обретших веру
В возвещённое обладателем бескрайней
мудрости, —

Они пресыщаются существованием;
Пресытившись, они становятся бесстрастными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Имеются в виду существа так называемого дэва-локи (божественного мира) — одного из высших, но всё же сансарических миров, подверженных общим законам непостоянства.
- 2 Татхагата — один из многочисленных эпитетов Будды. Дословно означает «так ушедший» или «так пришедший».
- 3 Памятование о теле (*kāyānupassanā*) — одно из четырёх памятований, подробно описанных в «Сатипаттхана-сутте», наряду с памятованием об уме, феноменах ума и о чувствах.
- 4 Мара — синоним смерти, в качестве аллегории — царь зла; владыка, отвечающий за мир сансары.
- 5 Джханой называется состояние глубокой медитации, достигаемое в результате отстранения от всех омрачений ума. В джхане ум человека становится полностью чистым и подходит для развития освобождающей мудрости.
- 6 «Пять, которые нужно отринуть» — это пять омрачений (*pañca nīvaraṇāni*): лень и апатия (*thīna-middha*), злоба, или гнев (*vyāpāda*), чувственные желания (*kāma-chanda*), сомнения

- (*vicikiccha*), беспокойство и неугомонность (*udhacca-kukiccha*). «Пять, которые нужно построить» (*pañcīndriyāni*): вера (*saddha*), усилие, или энергия (*viriya*), памятование, или осознанность (*sati*), созерцание, или сосредоточение (*samadhi*), и мудрость (*pañña*).
- 7 Имеется в виду практика медитации, когда внимание фокусируется не на теле в целом, а на его отдельных стихиях, например стихии земли (твёрдости). Такая настроенность ума позволяет избавиться от влечения к своему телу и к телам других людей.
- 8 Эти же строфы можно найти в Дхмп. 80.
- 9 В Первой благородной истине пять совокупностей цепляния названы бременем, страданием. Их причинно-зависимое возникновение обусловлено жадой, неведением и каммой, а исчезновение совокупностей происходит после освобождения ума, который больше не творит никаких новых совокупностей. В «Висуддхи-магге» наблюдение возникновения и исчезновения пяти совокупностей цепляния относится к одной из шестнадцати стадий прозрения, называемой *udayabbaya-ñāna*.
- 10 Три знания (*tevijjha*) — это сверхъестественные способности, имеющиеся у арахантов: знание о своих прошлых жизнях и жизнях других людей, знание разрушения оков. В брахманизме термин относился к знанию трёх Вед.
- 11 Здесь монах обращается к Маре.
- 12 Один из эпитетов Будды.
- 13 См. «Карания-метта-сутта» (СнП 1:8): «Как мать готова рисковать своей жизнью, защищая

своего единственного сына, так и по отношению ко всем существам следует развивать безграничную доброжелательность».

14 «Иной берег» — один из синонимов Ниббаны.

15 Вебхара и Пандава — это названия гор в Раджагахе, месте, о котором Будда говорил в «Махапариниббана-сутте» (ДН 16): «Какое прекрасное место Раджагаха, прекрасны все эти места!».

16 Речь идёт о смерти и о Маре, владыке смерти.

17 Любопытно, что в Тхиг. 11 монахиня говорит, что свободна от «трёх кривых вещей» — ступы, пестика и сгорбленного мужа.

18 Комментарий утверждает, что мать Соны рыдала не из-за того, что он ушёл из дома в монашество, а наоборот, в тот момент, когда он отклонился от Дхаммы, то есть стал словно бы мёртвым (отказаться от Дхаммы означает умереть в духовном смысле). Впечатлённый реакцией матери, Сона вернулся к своей практике и стал арахантом.

19 Ещё один из эпитетов Будды.

20 Хижина здесь — это обретение нового тела в новом существовании. В Дхмп. 153 Будда говорит о том, что долго искал строителя хижины и, не найдя его, был вынужден скитаться по сансаре, возрождаясь вновь и вновь. Когда же строитель (жажда) был найден и «разоблачён», он больше не смог построить новый дом.

21 Речь о *tāṇā* — самомнении или чувстве «я», которое исчезает только у араханта.

22 Это стихотворение-загадка содержит отсылки к нескольким событиям. Прежде всего, Вима-лаканданнья Тхера был сыном Амбапали —

женщины, чьё имя не раз упоминается в Типитаке и которая прошла путь от куртизанки до монахини-араханта. Она была рождена не из лона, а из мангового дерева (и была названа в его честь). Далее обращает на себя внимание то, что о своём появлении на свет он говорит именно как о просто появлении (*uppanno*), а по-настоящему он был рождён (*jāto*) только благодаря Будде, открывшему для него Дхамму. Под уничтожением знамени здесь имеется в виду знамя самомнения, которое было уничтожено благодаря знамени мудрости.

23 Широко известна история о том, как царевич Готама, избалованный роскошной и безмятежной жизнью во дворце, встретился с суровой реальностью, увидев сначала старика, затем больного и наконец мертвеца, поняв, что и он сам в будущем не избежит подобной участи. Интересно, что, несмотря на известность этих эпизодов, в Типитаке они описаны как происходящие либо с другим человеком (как в этом стихотворении), либо с Буддами прошлого, но не с самим бодхисаттой Готамой.

24 Комментарий утверждает, что Кассапа Тхера был воспитан матерью (отец умер, когда сын был ещё маленький) и, встретив Будду и услышав от него наставление, быстро стал сотапанной. После этого он попросил у мамы позволения уйти в монашество (согласно правилам, разрешение родителей на постриг является обязательным условием), и она ответила ему словами, приведёнными в данном стихотворении. Надо сказать, что это, скорее, исключение,

Не место проницательному в обителях,
Что не подходят для его пути.

106. Сухеманта Тхера

Когда у вещи сто характеристик,
Увидеть лишь одну — знак недомыслия.
А сто увидеть —
Значит мудрым стать.

107. Дхаммасева Тхера

Вознамерившись, оставил дом,
Ушёл бродить я.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

108. Дхаммасаваниту Тхера (отец)

В сто двадцать лет монахом стал³³.
Три знания открылись для меня,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

109. Сангхараккита Тхера

Хоть в место тайное ушёл он,
В ученье, что дано
Учителем с великим состраданием,
Он не вникает —
Живущий без охраны чувств³⁴,
Детёныш, брошенный один в лесу.

110. Усабха Тхера

Вздымаются ввысь верхушки,
Славно омыты свежими ливнями;

существа в том или ином мире. В контексте пяти совокупностей санкхара является процессом конструирования, связанным также с волевыми импульсами. И наконец, в самом широком смысле санкхара есть просто обозначение всего составного и обусловленного, то есть характеризует сансару как таковую. Единственной необусловленной дхаммой является Ниббана, имеющая характеристику *asankhata*, то есть несконструированного, или несоставного.

32 Одним из эффектов хорошего сосредоточения является необыкновенная физическая лёгкость (тело словно парит в воздухе).

33 В предыдущей гатхе (Дхаммасавана) речь идёт о сыне двадцатилетнего монаха, который принял посвящение после того, как это сделал его сын, и стал арахантом в столь преклонном возрасте.

34 Охрана дверей чувств (глаза, носа, уха, языка, тела и ума) является неотъемлемым элементом Благородного пути, без которого невозможно достижение самадхи и установление памятования. Практически это осуществляется так, что бхиккху избегает вовлечённости в большое количество контактов и ограничивает их, например, не озираясь по сторонам, соблюдая умеренность в принятии пищи, отказываясь от посещения неподходящих мест и т. д.

35 Тоже один из эпитетов Будды.

36 Имя *Маханама* встречается в Типитаке и принадлежит одному из первых мирян — последователей Будды. Нет никаких свидетельств о том, что монах из этой гатхи — это бывший

мирянин Маханама, то есть это, по всей видимости, разные люди. Комментарий говорит, что бхиккху Маханама обнаружил в своём уме состояния недовольства и гнева, что так расстроило его, что он был готов сброситься со скалы, но в итоге достиг Пробуждения.

37 Яса вырос в очень богатой и знатной семье, однако, подобно Будде, ещё в молодом возрасте почувствовал разочарование в своей роскошной жизни и, увидев неприглядную сцену во дворце, убежал из него, будучи облачённым в дорогие одеяния. Встретив Будду и получив от него наставления, он тотчас достиг первой стадии Пробуждения.

38 Сравнение ума с обезьяной довольно типично для буддизма (подобно тому как обезьяна скачет с ветки на ветку, ум «скачет» от объекта к объекту, каждый раз будучи захваченным им). Здесь аллегория усилена упоминанием пяти дверей.

39 Одежда монаха. Виная (правила монашеской дисциплины) предписывают бхиккху шить себе одеяние из кусков выброшенной ткани и красить её в цвет охры (оранжевый). Сейчас чивары часто шьют на фабриках, при этом соблюдая правило, чтобы они выглядели сшитыми из локутов-обносков.

40 Он дал обет не произносить ни слова до тех пор, пока не станет арахантом, что после некоторых перипетий и произошло на третий год молчания.

41 Буддийская монашеская община существует на пожертвования добродетельных мирян,

которые обеспечивают монахов питанием, местом для проживания, медикаментами и одеждой. Бхиккху или бхиккхуни, которые пользуются всем этим, но сами не предпринимают должных усилий по достижению Пробуждения, являются теми, кто живёт в долг.

- 42 Комментарий к этому странному стиху говорит, что Махакала Тхера практиковал «кладбищенскую» медитацию, и женщина, в чьи обязанности входило ухаживать за кладбищем, намеренно разрезала «свежий» труп на несколько частей и раздробила его череп, чтобы сделать объект медитации монаха как можно более наглядным и освободить его от всех привязанностей к телу.
- 43 Из рода Сакьев происходил сам Будда и его многочисленные родственники, многие из которых также оставили дом ради отшельнической жизни. В метафорическом смысле любой из пробуждённых бхиккху мог называть себя сыном Будды.
- 44 Семь звеньев Пробуждения включают: памятование, изучение дхамм, усердие, восторг, успокоение, самадхи, равностность.
- 45 Согласно комментарию, монах вспомнил одну из своих прошлых жизней, когда он был царём, и в гатхе говорит о себе в третьем лице.
- 46 См. «Пхенапиндупама-сутту» (СН 12:95): «Подобно тому, бхиккху, как река Ганг принесла бы большой комок пены и наделённый зрением человек стал бы рассматривать его, размышлять над ним, основательно его исследовать. Для него, рассматривающего, размышляющего, ос-

новательно исследующего, он предстал бы пустым, порожним, лишённым сущности. Ведь какая, бхиккху, может быть в комке пены сущность? Точно так же, бхиккху, какое бы то ни было тело — в прошлом, будущем или настоящем, собственное или постороннее, грубое или тонкое, низкое или возвышенное, далекое или близкое, бхиккху рассматривает его, размышляет над ним, основательно его исследует. Для него, рассматривающего, размышляющего, основательно исследующего, оно предстает пустым, порожним, лишённым сущности. Ведь какая, бхиккху, может быть в теле сущность?..».

47 Эти же строки можно найти в Дхмп.153–156 (с некоторыми изменениями).

48 Упавана был помощником Будды (до Ананды). В этой гатхе описано, как он искал горячей воды для заболевшего учителя.

49 Комментарий поясняет, что цвет манго — это, скорее всего, малиновый, что явно не подходит для буддийского монаха, а идея этого короткого стихотворения в том, что монах впал в беспечность и много спал и однажды, заснув, увидел «кошмар», что он нарядился в малиновые одеяния и поехал за милостыней на слоне (это запрещено Винаей). Он проснулся в смятении и стал практиковать хорошо, пока не стал арахантом.

50 В комментарии к этой необычной гатхе приводится история, согласно которой, прежде чем встретиться с Буддой Готамой, Каппатачкура в течение долгих жизней накапливал заслуги (добродетели), но тем не менее его путь

к Ниббане в последнем рождении выдался непростым. Он родился в Саватти в очень бедной семье и до своего совершеннолетия носил рваную, жалкую одежду и бродил повсюду в поисках варёного риса (другой еды он не знал). В один прекрасный день он встретил умудрённого тхеру, проникся его харизмой и решил присоединиться к Сангхе (общине), выбросив свои тряпки. Тем не менее после этого он ещё семь раз расстригался и возвращался обратно. Однажды Будда, постигнув своим разумом разум Каппатакуры Тхеры, сказал ему, что тот привязан к своим грязным одеяниям, в то время как ему предлагают чудесный нектар Дхаммы. Отчитав бхиккху, Будда привёл его «в чувство», и в итоге тот стал арахантом.

- 51 *Sakkāya* относится к «этому телу» и «этому телу и уму», которые, будучи в реальности лишь природными элементами, присваиваются невежественным человеком и считаются «собой» и «своим».
- 52 Могхараджу Тхеру Будда назвал «лучшим среди тех, кто носит грубые одеяния». Этот бхиккху, помимо манеры одеваться в самые неприглядные обноски, страдал из-за кожной болезни. Комментарий объясняет это тем, что он много эпох тому назад устроил пожар в монастыре одного из будд прошлого, в результате чего долгое время рождался в низших мирах, а впоследствии страдал хроническими заболеваниями кожи вплоть до достижения Пробуждения.
- 53 Описание стандартных духовных практик индуизма, часть из которых (истязание плоти) ис-

- пробовал на себе и сам бодхисатта Готама перед своим Пробуждением.
- 54 Добраться к счастью через счастье (*sukhena sukham laddham*) означает следование Благо-родному восьмеричному пути, который лишён двух крайностей — самоистязания и потака-ния чувственности.
- 55 Эти малопонятные строфы объясняются так: Ясоджа Тхера с большой группой сотоварищей однажды устроил шум, отвлекая других бхик-кху громкими разговорами. Будда спросил, почему в монастыре шумно, словно на рыбном базаре, и, устыдившись, Ясоджа впоследствии кардинально изменил своё поведение и стал превозносить уединение.
- 56 Здесь перечисляются виды существований во всех мирах сансары. Миры форм и миры без форм (*rupa-loka, arupa-loka*) являются местом пребывания существ, которые в прошлом во-площении практиковали джханы. Существа без восприятия (*asañña-satta*) — особый, необыч-ный способ жизни, при котором присутствует тонкоматериальная форма, но отсутствует со-знание.
- 57 См. первый стих Дхаммапады: «Все дхаммы созданы умом, ум — их повелитель, из ума они сотворены».
- 58 *Thina-middha* переводится как «лень и сонли-вость». В СН 46:51 описывается как вялость тела, ленивое потягивание, сонливость, ум-ственная заторможенность.
- 59 Эти же строфы можно найти в Дхмп. 6. Ком-ментарий к ним описывает историю ссоры

бхиккху, разрешить которую не смог даже Будда, который был вынужден удалиться в лес. Узнав об этом, миряне, поддерживающие Сангху, публично отказались это делать до тех пор, пока бхиккху не попросят прощения у Будды, что в итоге и происходит. В ответ на раскаяния Будда произнёс эти строфы, после которых все бхиккху достигли стадии вступления в поток.

60 Рахула был единственным родным сыном Будды. В возрасте семи лет он стал бхиккху и достиг Пробуждения.

61 Комментарий рассказывает о том, что Чандана Тхера медитировал в лесу, когда к нему пришла его бывшая жена с маленьким ребёнком и попыталась вернуть его в дом, но лишь невольно поспособствовала развитию у него озарения.

62 Комментарий говорит, что клан, из которого происходил Мудита, стал неуютен царю и, спасаясь бегством, Мудита встретил буддийского бхиккху, от которого получил посвящение и впоследствии стал арахантом.

63 «Йога» здесь — это духовная практика.

64 Мать Ваддхи стала бхиккхуни, когда он был маленьким, отправив его к родственникам. Когда он подрос, она сумела подвигнуть сына на путь монашества. Сначала он слишком увлёкся теоретическим изучением Дхаммы, но по мудрому совету матери (она была уже арахантом в то время) стал медитировать и вскоре освободился от всех влечений.

Судя по упоминанию в стихотворении сестры, она тоже была членом Сангхи.

65 Синоним Мары.

- 66 В Тхиг. 12:1 Тхери Пуння ведёт с брахманом подобный разговор. Интересно, что данные традиции до сих пор сильны в Индии, и миллионы людей собираются, например, на Кумбха Мелу, крупнейший индуистский праздник, связанный с обрядом массового паломничества к святыням и омовения в реке. Индуисты верят, что омовение на Кумбха Меле очистит их от грехов и избавит от круговорота жизни и смерти.
- 67 Ваккали Тхера был известен тем, что, будучи поражён красотой и благородством облика Будды, ходил за ним по пятам повсюду, но затем заболел и не смог больше этого делать, что привело его в сильное уныние. Тот навестил его сам и сказал, что нет никакой необходимости видеть телесный облик Будды, но вместо этого нужно стремиться увидеть Дхамму (СН 22:87) (*Dhammam passati so tam passati, yo tam passati so dhammam passati* — «Тот, кто видит Дхамму, видит меня; кто видит меня, тот видит Дхамму»). В приведённой выше гатхе монаха вновь терзает болезнь, с которой он справляется при помощи медитации.
- 68 Игра слов на пали (*vihāra kusalo satthā vihāram pāvisi tadā*), где *vihāra* — это «жилище», а *Brahma vihāram* — «обитель Брахмы».
- 69 Сложно переоценить роль духовного наставника в буддийской традиции: согласно правилам Ви-наи, любой бхиккху должен прожить минимум пять лет под руководством своего учителя. В Тхерагатах, как и в других канонических текстах, много говорится о необходимости пребывания

рядом с благим другом (*kaliyana-mitta*), что позволяет развивать лучшие качества.

- 70 Урувелакассапа был одним из главных учеников Будды, который до этого слыл могущественным йогином, способным управлять стихией огня. По причине сверхъестественных способностей у него развилось самомнение, поэтому он сначала отказался признавать Будду «выше себя». Последнему пришлось продемонстрировать намного более замысловатые чудеса (Махавагга 12, перевод с сайта *dhamma.ru*): «Тогда отшельник Урувела Кассапа подумал так: „Великий подвижник обладает столь большой силой, столь большим могуществом, что даже и воде не даст себя унести. И всё же он не такой достойный, как я“.

И вот Благословенный подумал так: „Долго ведь ещё этот невежественный человек будет рассуждать подобным образом: «Великий Подвижник обладает столь большой силой, столь большим могуществом, и всё же он не такой достойный, как я». Что, если мне подтолкнуть этого отшельника?“. И вот Благословенный так сказал отшельнику Урувеле Кассапе: „Ведь ты, Кассапа, и не тот, кто называется достойным, и не находишься на пути к достоинству. Нет у тебя той дороги, следуя по которой ты стал бы достойным или находился бы на пути к достоинству“».

- 71 Комментарий говорит, что Кулла Тхера был от природы человеком, сильно подверженным страстям, поэтому Будда наставлял его созерцать непривлекательность тела (*asubha*) и по-

сещать кладбища (в то время в Индии трупы зачастую просто выбрасывали и можно было воочию наблюдать процесс их разложения). Тем не менее даже вид гниющей плоти женщины вызвал в бхиккху сладострастие, и Будде пришлось вновь увещевать его познать истину. Наконец Кулла смог достичь джханы и обрести прямое видение непривлекательности и опасности вовлечения в чувственность, достигнув Ниббаны.

- 72 Сорняк.
- 73 Данные строфы можно найти в Дхмп. 334.
- 74 Один из низших миров.
- 75 Комментарий говорит, что Саппадаса Тхера, который в течение 25 лет в монашестве не смог достичь ни спокойствия, ни прозрения, сначала попытался покончить с собой при помощи укуса пойманной им (специально) змеи, но попытка не удалась, и тогда он взялся за лезвие бритвы (в мирской жизни он работал брадобреем).
- 76 См. ДН 16, в которой Будда даёт последние (перед своей смертью) наставления Общине: *«Ананда, будьте сами себе опорой, сами себе прибежищем, не ища другого прибежища; опираясь на Дхамму, прибегая к Дхамме, как к прибежищу, не ища другого прибежища»*.
- 77 Метафора огня — одна из самых популярных в Типитаке. В МН 72 Будда объясняет страннику Ваччхе, что огонь горит при наличии необходимых причин и условий и угасает тогда, когда эти причины и условия прекращаются. По аналогии с этим рождение происходит при

- наличии неведения, каммы и жажды и прекращается с их исчезновением.
- 78 Водоворот — один из синонимов сансары.
- 79 Об араханте говорят как о преодолевшем камму, то есть вышедшем за её пределы. Несмотря на то что в течение его жизни прошлые поступки ещё могут оказывать на араханта какое-то влияние, камма не в силах уже «забросить» его в новое существование, как это происходит с обычными людьми, и новое сознание у него не возникает.
- 80 Джента был богатым и красивым брахманом, привыкшим к тому, что все обращаются с ним крайне почтительно. Сам же он вёл себя высокомерно, будучи опьянённым своим высоким положением и талантами. Когда он впервые увидел Будду, то решил, что поприветствует его лишь в том случае, если тот сделает это первым. Будда этого не сделал, и Джента уже собрался уходить, когда Благословенный окликнул его упрёком, что настоящий брахман не ведёт себя таким образом и должен выражать уважение аскетам и отшельникам, которые уничтожили все загрязнения своего ума. Пристыжённый, Джента «раскаялся» и принял решение оставить мирскую жизнь.
- 81 Самомнение необязательно подразумевает гордыню, как в случае с Джентой, потому что даже считать себя равным другим или хуже всех означает, что человек находится под властью *māna*. Его следует отличать от *sakkāya-ditthi*, или воззрений о личности, которые прекращаются ещё на стадии вступления в поток.

- 82 Интересно, что в Винае существует запрет на полное посвящение для детей (*upasampadā*), поэтому эта история (и следующая за ней), очевидно, произошла ещё до введения данного правила. В Тхаг. 429–434 семилетний мальчик-арахант Сумана указан уже как саманера, или послушник (не бхиккху).
- 83 В МН 21 Будда говорит, что, даже если разбойники отпиливали бы монахам конечности, это не стало бы оправданием для гнева по отношению к ним, и те, кто разозлился, считался бы тем, кто не следует Дхамме.
- 84 В СН 12:63 Будда, рассказывая монахам о необходимости сдержанного отношения к пище, приводит красочный пример: умирающим от голода в пустыне родителям пришлось бы, чтобы спастись от гибели, съесть плоть своего единственного сына. Естественно, такая еда не принесла бы им никакого удовольствия, но служила бы лишь средством спасения жизни. Подобным образом бхиккху должны относиться к своему пропитанию — принимать пищу только для поддержания тела, но не для увеселения.
- 85 Почтительное приветствие со сложенными вместе ладонями.
- 86 На пали присутствует игра слов: *Bhaddiyo* — это «имя», а *bhaddo* — «счастливый, довольный».
- 87 Комментарий говорит, что родители Бхадды в течение долгих лет не могли иметь детей и однажды, встретив Будду и проникнувшись верой в него, дали клятву, что в случае рождения сына отдадут его в возрасте семи лет в Сангху.

- Так и произошло, и юный бхиккху вскоре стал арахантом.
- 88 Виная содержит запрет на земледельческие работы для бхиккху.
- 89 Перечисляются будды прошлого (в Каноне о них очень мало информации). Согласно тхеравадинской традиции, в мире может быть только один будда. С одной стороны, они появляются чрезвычайно редко, но с другой — навсегда линия будд не прерывается, и каждый из них открывает одну и ту же Дхамму, когда она уже исчезает, становясь неведомой миру. Спустя какое-то время Учение забывается и возникает новый будда. Следующим после Готамы станет Будда Меттея (это произойдёт через длительный промежуток времени).
- 90 Он был одним из двенадцати великих старейшин, который достиг Пробуждения после прослушивания лишь одной проповеди Будды. Строфы, приведённые в Тхерагатхе, обращены частично к тем бхиккху, которые проявляли беспечность и излишне вовлекались в мирские дела, а частично — к царю (где речь идёт об ответственности каждого за свои деяния).
- 91 Бхута — нечеловеческое существо, живущее на кладбищах. Они имеют склонность наносить вред другим. Согласно комментарию, все братья и сёстры будущего бхиккху по имени Бхута были убиты демонами, но он в силу своих заслуг выжил (поэтому было решено назвать его таким странным именем) и впоследствии стал бхиккху. Сам стих адресован его родным,

- которые пытались вернуть его в богатый дом, суя всевозможные радости.
- 92 Разрастание (*pariṇāsa*) — важный для раннего буддизма термин, означающий мысленные конструкции, которыми захвачены обычные люди.
- 93 Главный герой гатхи был рождён уже после ухода Будды. Он был младшим братом знаменитого царя Асоки и прославился своей любовью к уединённой жизни. Это стихотворение — одно из самых удачных в Тхерагатхе с точки зрения изящества и красоты слога.
- 94 Памятование о дыхании (*ānāpānasati*) является одной из важнейших буддийских медитационных практик. Она помогает избавиться от блуждания ума и беспокойства. Будда воздавал памятованию о дыхании особые почести, называя его «обителью Татхагаты» (СН 54:11).
- 95 Каппа Тхера также был одним из двенадцати великих тхер, отличавшимся прекрасной способностью учить других. Как только он по настоянию Будды стал учить других, тысяча бхиккху после его наставления достигли Ниббаны.
- 96 В джатаке рассказывается эта история о двух братьях, один из которых обладал огромной мудростью и почти сразу после вступления в Сангху стал арахантом. Младший же брат оказался «тугодумом» и, несмотря на все усилия старшего, не мог запомнить и четырёх строк из Дхаммы. Тогда ему было велено вернуться к мирской жизни по причине неспособности вести жизнь бхиккху. Он не хотел этого, но, поняв, что брат полностью разочаровался в нём, сквозь слёзы решил последовать его

воле и сложить с себя обеты. К счастью для него, в решение его судьбы вмешался Будда, который вернул его обратно в монастырь и дал подходящий объект для медитации.

- 97 Пять помех: чувственные желания (страсть), злоба, неугомонность и беспокойства, лень и сонливость, сомнения.
- 98 СН 22:11: «Вот, домохозяин, невежественный, заурядный человек, не знающий благородных, не обученный в их дисциплине и их Дхамме, считает, что форма — это „я“, или что „я“ владеет формой, или что форма находится внутри „я“; или что „я“ находится в форме. Он живёт, будучи охваченным идеями: „Я — это форма, форма принадлежит мне“. По мере того как он живёт, будучи охваченным этими идеями, эта его форма претерпевает изменения и перемены. С изменениями и переменой в форме в нём возникают печаль, стенание, боль, горе и отчаяние».
- 99 Речь о практике дхутанги, которая является аскезой, разрешённой самим Буддой. В неё входят: ношение чивары, сшитой из выброшенных на кладбище или на свалку тканей (отказ от предложенных мирянами одеяний); прошение подаяния без предпочтения конкретному дому; смешивание в чаше всех видов еды; жизнь в лесу и сон под открытым небом (без использования жилища с крышей); жизнь рядом с местами захоронения; отказ от лежащей позиции. См. подробное описание дхутанги далее в Тхаг. 842–865.
- 100 Монашеский свод правил поведения, включающий 227 правил для бхиккху и 311 — для бхик-

кхуни. Патимоккха классифицирует правила поведения по восьми разделам:

- 1) параджика — поражение (изгнание из Сангхи);
- 2) сангхадисеса — требующее собрания Сангхи;
- 3) анията — неопределённое (то есть результат зависит от решения Сангхи);
- 4) ниссагия-пачиттия — требующее расплаты и признания;
- 5) пачиттия — требующее признания;
- 6) патидесания — требующее признания в определённой форме;
- 7) секхия — инструкции;
- 8) адхикаранасаматха — правила рассмотрения спорных вопросов, возникающих в Сангхе.

101 Общество палийских текстов даёт два варианта значения слова «Верамба» — название скалы или муссонного ветра.

102 Комментарий говорит, что эти вопросы были заданы мирянином, который желал прислуживать Санкичче, уже прославшемуся образцовым бхиккху. Мирянину хотелось, чтобы Санкичча жил неподалёку от него, а не в лесу.

103 Эти же строфы можно найти в Дхмп. 15–18.

104 Комментарий утверждает, что Сунита (молодой человек из низшей касты, вынужденный зарабатывать на жизнь сбором мусора) встретил Будду не случайно, потому что последний, обладая божественным оком, увидел

- его как способного быстро достичь арахантства.
- 105 Могущественные божества, которые, однако, согласно буддийским воззрениям, не являются вечными и тоже подвержены изменению и разрушению.
- 106 Мысль о том, что брахман — это человек благородного нрава, а не представитель сословия, высказывается в Палийском каноне неоднократно. Будда, не выступая открыто против кастовой системы, на уровне общины не принимал её (до сих пор очень сильную в Индии), подчёркивая, что, становясь монахами, люди всех сословий становятся одной семьёй.
- 107 Анга была одним из шестнадцати «великих» древних государств, расположенном на востоке от Магадхи и отделённым от него рекой Чампой. Анга славилась своим богатством и развитой торговлей и была захвачена Магадхой в VI веке до н.э.
- 108 Сона Тхера был родом из очень богатой семьи и обладал необычайно нежной, золотистой кожей (его имя переводится как «золотой»). Первое время после принятия монашества ему было трудно привыкнуть к аскетичному быту, однако он решил не обращать внимания на телесный дискомфорт и выполнял медитацию при ходьбе до тех пор, пока его ступни не стали истекать кровью. Когда и это не принесло успеха, он решил вернуться к жизни домохозяина и копить заслуги, творя благие дела. Узнав об этом, Будда навестил Сону и призвал его к умеренности, приведя пример с музыкаль-

ным инструментом (лютней), который звучит красиво только тогда, когда струны натянуты не слишком сильно, но и не слишком слабо (срединный путь). Эта история содержится в АН 6.55.

- 109 Палийское слово *āyatana* обозначает шесть «сфер», внешних и внутренних, к которым относятся: глаз и видимые формы, нос и запахи, язык и вкусы, ухо и звуки, тело и прикосновения, ум и объекты ума.
- 110 В комментарии говорится, что бхиккху Ревату по ошибке арестовали как вора, и этот стих он произнёс перед судьями.
- 111 Безмыслие здесь — это отсутствие мыслей и рассуждений (*vitakka-vicara*). Они исчезают, начиная со второй джханы.
- 112 Восемь так называемых мирских дхамм (*pathama lokadhamma*), вокруг которых, по словам Будды, вращается мир. См. АН 8:5.
- 113 Знаменитые фразы: *Sabbe sankhara anicca, sabbe sankhara dukkha, sabbe dhamma anatta* относятся к так называемым трём характеристикам бытия (*tilakkhana*). При этом характеристика изменчивости и мучительности относится ко всем феноменам сансары, а характеристика безличности затрагивает и дхамму Ниббаны, которая не является изменчивой и тягостной, но тоже безлична.
- 114 Конданнья стал первым, кому после Будды открылось ясное, незапылённое око Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет и природу исчезновения» (СН 56:11).

- Его имя переводится как «познавший», и он был одним из пяти первых учеников Будды.
- 115 В данном стихотворении речь идёт о самом Будде.
- 116 В буддизме слон считается почтенным животным. Помимо слона Будду часто сравнивали с быком.
- 117 Адхимутта Тхера был пойман разбойниками в то время, когда шёл просить у матери разрешения на полное посвящение (он был арахантом, но всего лишь саманерой, только готовящимся стать бхиккху). Бандиты хотели принести его в жертву своему божеству, но, поразившись его спокойствию и самообладанию, отказались от задуманного.
- 118 Здесь речь идёт о безличности: «Благословенный, Тот, кто знает и видит, Арахант, полностью Пробуждённый, провозгласил: „Жизнь в любом из миров не имеет ничего своего: каждый в ней должен оставить всё и покинуть всё“». (Из МН 82)
- 119 Имеется в виду, что Благородный не мыслит в понятиях «я», но для него существует лишь причинно-обусловленное возникновение явлений.
- 120 По всей видимости, Адхимутта Тхера имел в виду, что мир подобен иллюзии и не содержит никакой сущности.
- 121 Брахман Парাপария упомянут в МН 152 «Сутта о развитии способностей» (*Indriyabhavana sutta*). В сутте ученик Парапарии пришёл к Будде и рассказал, как учитель обучает его развитию способностей: не слышать звуки, не видеть формы и т. д. Будда в ответ парировал, что если

бы это было правдой, то слепые и глухие были бы арахантами и что развитие заключается в совсем ином — в культивировании памятования и верного отношения. Вероятно, позднее ученик передал самому Парапации объяснение Будды, и тот, став бхиккху, медитировал на нём так, как описано в данном стихотворении.

- 122 Телакани был духовным искателем, который задавал всем брахманам, слывшим знатоками Вед, один и тот же вопрос. В итоге ему посчастливилось встретить Будду и после получения всех ответов стать бхиккху и достичь Ниббаны.
- 123 По всей видимости, перечисляются герои индийских легенд.
- 124 В Палийском каноне Будду часто сравнивают с доктором, который, зная болезнь человека, прописывает ему определённое лекарство.
- 125 Раттхапалу Будда назвал «самым выдающимся среди тех, кто ушёл в бездомную жизнь благодаря вере». Он был очень молодым человеком из хорошо обеспеченной семьи, который был так потрясён проповедью Будды, что немедленно принял решение оставить мирскую жизнь и стать монахом. Будда попросил его получить разрешение родителей на это, но родители, будучи сильно привязаны к единственному сыну, категорически отказались давать своё согласие. В ответ на это Раттхапала лёг на землю и отказался от еды и питья, решив или умереть на этом месте, или получить разрешение стать монахом. В конце концов его родители уступили и позволили ему принять монашеские обеты.

- 126 В МН 82 Раттхапала беседует с царём: «Как ты считаешь, великий царь? Предположим, что заслуживающий доверия, благонадёжный человек пожаловал бы к тебе с востока и объявил: „Будь добр, великий царь, услышь! На востоке, откуда я прибыл, существует огромная страна, могучая и процветающая, наполненная людьми. В ней есть множество воинов на слонах, на лошадях, на колесницах и пеших; несметные запасы слоновьих бивней, золотых монет и слитков, как обработанных, так и необработанных; множество женщин, подходящих для сватовства. В твоей власти покорить эту страну. Одержжи же победу, великий царь!“. Что бы ты сделал в таком случае?» — «Мы бы покорили её и стали бы безраздельно властвовать в ней, учитель Раттхапала».
- 127 Комментарий говорит, что Малункьяпутта, ещё не будучи арахантом, встретился с Буддой, который спросил его, возможно ли почувствовать страсть и любовь к тем формам, вкусам, запахам и т. д., которые ты никогда не видел, не вкушал, не обонял. Тот ответил, что, конечно, это невозможно. Учитель в ответ посоветовал ему в восприятии внешних объектов видеть только восприятие, не увеличивая его и не обращая внимания на приятные черты объектов, что приведёт к окончанию жажды. Малункьяпутта, проникнувшись этим наставлением, произнёс приведённый здесь стих.
- 128 История брахмана Селы рассказывается также в СнП 3:7. Знаток трёх Вед, он имел около трёхсот учеников, которых обучал брахманским

гимнам. Однажды все они стали свидетелями большого подношения пицы Будде и более чем тысяче бхиккху, которое организовал в городе Акану аскет Кенья. Села, воодушевлённый перспективой увидеть Благословенного, пришёл к нему вместе со своими подопечными и стал произносить хвалебные речи в его адрес, будучи, однако, не полностью уверенным в том, что видит Истинно пробуждённого, и желая проверить его реакцию на своё славословие. Во время беседы Будда развеивает его сомнения, и тот принимает монашество и со временем достигает арахантства, как и его бывшие ученики.

129 Будда обладал тридцатью двумя признаками великого человека, среди которых: золотистая кожа; голос, подобный голосу Брахмы; туловище, как у льва; очень длинные ресницы; икры ног, как у антилопы, и т. д.

130 Дословно «роща из роз и яблонь» — поэтическое название Индийского континента.

131 Одна из самых ярких историй Палийского канона связана с личностью Ангулималы, который, будучи серийным убийцей, носившим украшения из отрезанных им пальцев жертв, встретил Будду и полностью изменил свою жизнь, став бхиккху и достигнув Пробуждения. Дурная камма, которую он стяжал вследствие своих убийств, дала свой плод только в виде избисний разъярёнными родственниками и близкими убитых им людей.

132 Эти же строфы можно найти в Дхмп. 172.

133 Ангулималу Тхеру, уже араханта, жестоко избивали родственники убитых им людей, и Будда

сказал ему стойко снести эти испытания, потому что, если бы он не познал Дхамму, то плоды его злодеяний были бы намного более страшными и длились бы в течение многих лет в низших мирах.

- 134 Ануруддха Тхера был двоюродным братом Будды и так же, как и он, вырос в богатстве и полном благополучии. Комментарии утверждают, что Ануруддха с самого рождения не получал ни в чём отказа и не слышал слова «нет». Ануруддха был одним из наиболее выдающихся учеников Будды, овладевшим различными сверхъестественными способностями, в частности «божественным оком» (*dibba-cakkhu*), то есть способностью видеть каммическую участь других существ.
- 135 *Мапōтауа кауа* — это «иллюзорное тело», сотворённое разумом.
- 136 «Представления» здесь — это другой перевод слова *рарайса* (выше я переводила его как «разрастание»). Значение этого слова наиболее ясно передано в «Мадхупиндика-сутте» (МН:18):

В зависимости от глаза и форм возникает сознание глаза. Их соединение — это контакт. С контактом как условием возникает чувство. То, что человек чувствует, то он воспринимает. То, что он воспринимает, то он начинает обдумывать. То, что он обдумывает, то он представляет (преувеличивает). В результате этого восприятия и идеи, порождённые представлениями,

овладевают человеком в отношении форм, познаваемых глазом, в прошлом, будущем и настоящем.

В зависимости от уха и звуков...

В зависимости от носа и запахов...

В зависимости от языка и вкусов...

В зависимости от тела и прикосновений...

В зависимости от ума и умственных объектов...

137 Эти и следующие строки посвящены Будде.

138 Здесь речь опять об Ануруддхе Тхере.

139 Комментарий говорит, что эти строфы Парипария Тхера изрёк перед своей смертью, однако точная дата их не известна, и есть мнение, что сам он жил при Будде, а все печальные вещи, о которых идёт речь в гатхе, он говорил на самом деле о монахах будущего. Будда предсказывал, что чистая Дхамма пребудет в мире только в течение пятисот лет после его смерти. В настоящее время довольно большой резонанс вызвала книга дост. Дхаммики под названием «Сломанный Будда», в которой он в жёстких выражениях раскритиковал современное монашество в буддийских странах, обвиняя его примерно в тех же вещах, что описаны здесь.

140 Среди «нежелательных» тем для разговоров в суттах обычно указаны разговоры: о царе, о ворах, о советниках, о войске, об опасности, о сражении, о еде, о питье, об одеждах, о постелях, о венках, о благовоениях, о родственниках, о повозках, о деревнях, о торговых селениях,

о городах, о странах, о женщинах, о мужчинах, о героях, о дорогах, о водоёмах, о прежде умерших, о всякой всячине, о мире, об океане, о том, что существует и чего не существует.

- 141 Одно из высших индийских сословий (сам Будда был из рода кхаттиев, или воинов).
- 142 Комментарий поясняет, что Пхусса Тхера обладал всеми чудесными знаниями и мог видеть будущее, а провидец Пандараса был странником, который увидел Тхеру, сидевшего вместе с монахами. Вид этих отшельников, погружённых в джханы, впечатлил Пандарасу, и он решил не полагаться на свои способности (были они в действительности или нет — неизвестно), а спросить монаха о том, что случится далее с людьми и с Учением.
- 143 Цвет одеяний буддийских бхиккху изначально был оранжевый (цвет охры), но впоследствии действительно стал и голубым, и чёрным, и красным.
- 144 Любопытно, что институт полностью посвящённых буддийских бхиккхуни исчез ещё в XI веке; соответственно, пророчества из этого стихотворения относятся к ещё более раннему периоду.
- 145 В АН:5.78 Будда наставляет бхиккху: «Сейчас Сангха живет в мире и согласии, без ссор, безмятежно, с одним учением. Но придёт время, когда в Сангхе произойдёт раскол. Когда Сангха расколота, нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединённых жилищах в лесу или в дикой местности. Прежде чем произойдёт это нежелательное, неприятное,

огорчительное событие, пусть я сначала приложу усания к достижению ещё не достигнутого, исполнению ещё не выполненного, осуществлению ещё не осуществленного, с тем чтобы, одарённый этой Дхаммой, я жил в покое даже во время раскола Сангхи».

- 146 Сарипутта Тхера — полководец Дхаммы, один из главных учеников Будды, часто появляется на страницах Палийского канона. До своего прихода в Сангху он и Махамоггаллана, оба выходцы из богатых и знатных брахманских семей, были духовными искателями, которые договорились дать друг другу знать, если один из них найдёт Неумирающее. Сарипутта стал сотапанной, лишь услышав одну строфу из Дхаммы от бхиккху Ассаджи, и они с другом вступили в Сангху и вскоре достигли Пробуждения. Сарипутта Тхера помимо выдающейся мудрости был известен своей необычайной скромностью — например, когда мальчик-саманера сделал ему замечание по поводу упавшей с плеча чивары, тот поблагодарил его, сложив ладони в знак почтения.

- 147 Имя Сарипутты Тхеры до монашества.

- 148 «Бхиккху, медитируйте подобно четырём великим элементам: как ветер, пролетая над цветущими полями или навозными кучами, не испытывает влечения или отвращения; как огонь с одинаковой скоростью сжигает прекрасную ткань и зловонную тряпку; как вода океана смиренно принимает в себя и прекрасные сокровища затонувшего корабля, и трупы его моряков; как земля безропотно принимает в себя

как вкуснейшие вина и пищу, так и испражнения, плевки и мусор — так же точно и вы — какое бы ощущение (приятное, неприятное или нейтральное) ни возникло в теле, вы должны сохранять к нему невозмутимость, исправляя старые привычки ума — быть очарованным приятным и негодовать, вступая в контакт с болезненным» (МН 62).

- 149 Ананда Тхера на протяжении долгих лет был помощником Будды. Благодаря близости с ним он был человеком, который сыграл исключительно важную роль на Первом буддийском соборе, состоявшемся после смерти Будды. Ананда прожил долгую жизнь в 120 лет. В данной гатхе перечисляются события из разных периодов, цитируются высказывания Ананды Тхеры по разным поводам, а также упоминаются и другие монахи.
- 150 Эти строфы произнесены Анандой Тхерой для тех монахов, которые последовали за «раскольником», двоюродным братом Будды Дэвадаттой, чтобы наставить их на истинный путь.
- 151 Уже неоднократно встречавшиеся в Тхерагатхе, эти строфы, по одной из версий, были адресованы монахам, которые были сбиты с толку красотой куртизанки Амбапали, а по другой версии — мирянки Уттары, впавшей в беспечность из-за чувственных удовольствий.
- 152 По всей видимости, здесь речь идёт о последователе Готамы Будды, то есть о самом Ананде Тхере, после достижения им арахантства.
- 153 Ананда Тхера, несмотря на свои обширные знания и мудрость, на протяжении всей жизни

- ни рядом с Буддой в качестве его главного помощника оставался лишь сотапанной. Он смог стать арахантом уже после смерти Будды в ночь перед Первым собором.
- 154 Одним из его выдающихся качеств была феноменальная память.
- 155 Эти же строфы можно найти в Дхмп. 152.
- 156 Речь идёт о смерти Сарипутты Тхеры, близкого друга Ананды Тхеры, которую он воспринял болезненно, будучи в то время не свободным от омрачений. Будде пришлось напоминать ему о конечности всего и о том, что, уйдя, Сарипутта не забрал с собой благих качеств своего друга.
- 157 Памятование о теле является одним из четырёх памятований и включает созерцание вдохов и выдохов, положений тела, всех движений, созерцание нечистоты тела, стихий (земли, воды, огня и воздуха), а также созерцание мёртвых тел на разных стадиях разложения.
- 158 В последние часы жизни Будды Ананда Тхера хотел оградить его от пришедших за наставлениями людей, но Будда велел впустить их.
- 159 Махакассапу Тхера называли «отцом» Сангхи. Формально Будда не оставил после себя никакого преемника, однако именно Махакассапа пользовался огромным почтением среди монахов и стал председателем на Первом соборе. Только он помимо самого Будды обладал семью из тридцати двух признаков великого человека, и именно он был тем бхиккху, с которым сам Будда обменялся одеяниями.
- Махакассапа происходил из богатой брахманской семьи, вырос в роскоши, однако с детства

мечтал об отречении и аскетизме. Он не желал создавать семью, но из-за давления родителей был вынужден жениться. Женщина, ему сосватанная, тоже хотела не семейной, а монашеской жизни, и в итоге они оба присоединились к Сангхе и стали арахантами.

Он отличался строжайшим аскетизмом и всю свою монашескую жизнь соблюдал практику дхутанги, за что Будда назвал его лучшим из тех, кто следует аскетическим правилам. Однажды Будда предложил ему принять чивару хорошего качества от мирянина, но тот отказался, мотивируя это состраданием к будущим поколениям, которых его пример будет вдохновлять на подражание ему.

- 160 Появление здесь Сарипутты Тхеры связано, видимо, с тем, что он был близок Махакассапе, отличавшемуся в целом любовью к уединению.
- 161 Имеется в виду, что даже существа из мира Брахмы не в силах понять ум араханта.
- 162 Махакаппина был также одним из наиболее выдающихся учеников, которого сам Будда хвалил за ораторские способности и совершенство в мудрости и добродетельности.
- 163 Талапутта в Палийском каноне впервые появляется в СН 42:2 в качестве популярного актёра, задающего Будде вопрос о посмертной актёрской участи. Он сам придерживался взглядов, что актёры попадают в высшие миры, потому что заставляли других людей радоваться, однако Будда разочаровывает его, сказав, что это вовсе не так и «люди искусства» вполне могут попасть в миры страданий.

Приведённое ниже стихотворение является одним из наиболее красивых и поэтических во всём сборнике и, что существенно, написанным монолитно: в отличие от большинства других гатх, зачастую разнородных, эта гатха последовательно разворачивает перед читателем драму борьбы буддийского бхиккху со своим собственным умом, тоскующим по дому и былым красочным временам.

164 — Как вы считаете, бхиккху: если бы кто-нибудь собирал и сжигал траву, ветки и листья в роще Джеты, могли бы вы подумать так: «Этот человек нас собирает и сжигает!»?

— Разумеется нет, Учитель.

— Почему?

— Потому что всё это не мы и это не наше.

— Точно так же, бхиккху, отпустите всё то, что не является вашим. Это отпускание станет причиной вашего длительного счастья и благоденствия. И что не является вашим? Тело не является вашим... Чувство не является вашим... Восприятие не является вашим... Волевые конструкции не являются вашими... Сознание не является вашим — отпустите его. Это отпускание станет причиной вашего счастья и благополучия (СН 22:33).

165 Подобные строфы можно найти в Дхмп. 37. Махаси Саядо в своём известном труде «Сатипаттхана випассана» комментирует это так:

«Бесформенный»: ум не имеет ни субстанции, ни формы. Его не так легко распознать, как материю. В случае материи тело, голова, руки

и ноги очень выделяются и легко заметны. Если спрашивается, что такое материя, то ее можно взять и показать. А ум нелегко описать, потому что он не имеет ни субстанции, ни формы.

«Блуждающий далеко»: ум обычно блуждает по всему свету. Когда йогин настойчиво практикует созерцание в своей комнате для медитации, он часто обнаруживает, что его ум ушёл куда-то далеко, в другие города.

«Бродящий одиноко»: ум появляется как один элемент за другим в каждый последовательный момент. Те, кто не воспринимает реальность этого, считают, что на протяжении жизни существует один ум. Они не знают, что постоянно в каждый момент возникают новые умы.

- 166 Асуры в буддизме — это существа, близкие к божествам, но отличающиеся агрессией и воинственностью.
- 167 Голодные духи (петы) — это существа низших миров, родившиеся там по причине таких неблагих качеств, как алчность и зависть. Они постоянно страдают от голода, который невозможно утолить.
- 168 Палийское слово *vipallāsa* означает искажение, или превратность, восприятия, имманентно присущее всем обычным людям. Четыре вида искажений: видеть изменчивое как постоянное, видеть мучительное как счастливое, видеть безличное как личностное и, наконец, видеть нечистое или уродливое как прекрасное и приятное.

- 169 Второй из главных учеников Будды наряду с Сарипуттой Тхерой, с которым они дружили с детства и вместе отправились в скитание из дома, чтобы обрести освобождение (они даже умерли с разницей всего в две недели). Был известен своими чудесными силами, в том числе умением принимать любую форму. Моггаллана Тхера выполнял важную роль наставника для других монахов, о чём говорится в данной гатхе.
- 170 «Бхиккху, попытайтесь сблизиться с Сарипуттой и Моггалланой! Они мудры и помогают своим собратьям в чистой жизни. Сарипутта подобен матери, а Моггаллана — сиделке. Сарипутта обучает бхиккху для обретения Плода вхождения в поток и Моггаллана — для высшей цели» (МН 141).
- 171 Эти строфы являются одними из самых известных в Палийском каноне, часто произносимыми на похоронах в буддийских странах.
- 172 Однажды в монастыре остановились небрежные и рассеянные бхиккху, поглощённые мирским. Будда попросил Моггаллану Тхеру поколебать их веру в значение материальных вещей и вдохновить на практику. Тот толкнул здание большим пальцем ноги так, что весь монастырь задрожал, словно произошло землетрясение. Бхиккху были очень впечатлены и смогли наконец заняться практикой.
- 173 Марой по имени Дусси в одной из прошлых жизней был сам Моггаллана Тхера.
- 174 Могущественный владыка дэвов.

- 175 Вангиса Тхера, став монахом, в течение долгого времени терзался от чувственных желаний. Будда советовал ему медитировать на 32 частях тела. В мирской жизни Вангиса был поэтом, что позволило ему и в монашестве выражать своё восхищение Дхаммой при помощи вдохновенных рифм, что поощрял сам Будда. В данной гатхе собраны строфы Вангисы Тхеры, изречённые им по самым разным поводам.
- 176 В ДН:1 Будда перечисляет 62 вида воззрений, которыми опутаны большинство людей. Если суммировать вкратце, то речь идёт в основном о двух крайностях — о вечности и об уничтожении; то есть сторонники вечности говорят о существовании некой субстанции (души, атты), которая пребывает в неизменном состоянии, а сторонники теории уничтожения сводят живое существо к четырём элементам материи, которые по истечении срока жизни прекращаются и не существуют более. Дхамма не является воззрением ни о вечности, ни об уничтожении, будучи учением о зависимом возникновении в силу причин и условий.
- 177 Буддийская традиция считает, что ответственность за поддержание Дхаммы в мирской сфере ложится на легендарного царя, вращающего колесо (*rājā cakkaṇṇavatti*). Царь, вращающий колесо, — это доброжелательный правитель, который управляет своей страной в соответствии с высочайшими этическими нормами (*dharmiko dhammarājā*), тем самым без какого-либо насилия объединяя весь мир под властью справедливости и процветания для всех.

- 178 Первыми пятью учениками Будды стали его бывшие собратья по духовным поискам, с которыми они вместе практиковали строгую аскезу и которые, после того как он послал рисовой каши, оставили его, решив, что он вернулся к «роскошной» жизни. Будде стоило немалых трудов уже после достижения Ниббаны убедить их в том, что его поиск завершился и он может помочь и им. После того как все пятеро стали арахантами, он отправил их возвещать чистую Дхамму другим людям.
- 179 В АН 3.134 Будда говорит, что вне зависимости от его появления в мире существует три вечных закона: о том, что всё сконструированное, или составное, изменчиво и тягостно, а все дхаммы (включая Ниббану) лишены «я».
- 180 В индуизме Раху — это небесное существо, которое воюет с солнцем и луной.
- 181 *Saññāvipasatam sukham* — буквально «успокоение восприятия является счастливым».
- 182 На пали *vira* означает «герой».
- 183 На пали *mitta* означает «друг».
- 184 Она была дочерью бедного брахмана из Косалы, отданная брахману-горбуну в супруги. Ей приходилось выполнять домашнюю работу самостоятельно, что могло привести её саму к «кривизне» (на пали игра слов: *khijjam* относится ко всем трём — ступке, пестику и мужу, который изначально был горбатым).
- 185 Имеются в виду *dhātū*, или стихии (элементы), составляющие человеческое тело: стихия земли, или твёрдости, воды, или жидкости, ветра, или движения, и огня, или жара.

- 186 Согласно комментарию, Дхамма Тхери желала стать бхиккхуни, но её супруг был против. Она смогла уйти в монастырь только после его смерти, однако благодаря накопленным в прошлом заслугам быстро достигла прозрения в непривлекательность тела и стала арахантом.
- 187 Считается, что эти строфы произнёс Будда, чтобы отвлечь тхери, отличавшуюся редкой красотой, от самолюбования и заблуждения насчёт истинной реальности того, что представляет собой её тело.
- 188 Неприглядный эпитет, который был адресован экс-супругу, довольно ярко контрастирует с идеей о том, что все индийские женщины считали своих мужей богами во плоти.
- 189 Комментарий говорит, что Аддхакаси Тхери некогда обидела бхиккхуни, которая была Пробуждённой, назвав её проституткой. После этого ей пришлось страдать в низших мирах. Родившись во времена Будды Готамы в семье богатого торговца, обладая редкой красотой, она стала торговать своим телом, но потом вступила в Сангху и достигла арахантства.
- 190 Восемь предписаний (*attha-sila*) — это: воздержание от убийства, воровства, сексуальной активности, лжи, алкоголя, от принятия пищи после полудня, от развлечений и от сна на высоких (роскошных) постелях.
- 191 Все буддийские монахи и монахини должны отказываться от еды после полудня. В некоторых буддийских странах до полудня едят не один, а два раза (завтрак и обед). После полудня можно пить напитки, список которых тоже ограничен Винаей.

- 192 Речь идёт о *amigga* — палийском термине, несущем в себе ряд таких эмоций, как шок и отчаяние от превратностей бытия вкупе с осознанием необходимости как можно быстрее приложить все усилия для спасения от сансары.
- 193 На пали — *khandhāyatanaadhatuyo*.
- 194 Согласно комментарию, эти слова были произнесены Буддой в адрес потерявшей свою дочь Уббири Тхери.
- 195 Сукка Тхери была одной из самых ярких ораторов в женской Сангхе, которая впечатлила даже *яккху* (нечеловеческое существо), произнёсшего эти строфы.
- 196 Несмотря на то что представительницы женского пола готовили рис, начиная с семи-восьми лет, они вынуждены были каждый раз доставать ложку риса из кипятка, удерживая её двумя пальцами, и проверять, готов ли он. Аллегория понятна: если женщина настолько глупа, что, много лет выполняя одну и ту же рутинную работу, не способна оценить её, то как она может мечтать, согласно логике Мары, о достижении арахантства?
- 197 Бхадда Капилани была супругой Махакассапы Тхеры — их поженили против их воли родители, однако они договорились не вступать в любовные отношения, а как только подвернётся возможность — уйти в отшельничество, что и случилось.
- 198 Шесть типов высших знаний (*chalabbhiññā*): чудесные силы (*iddhi*), например левитация, хождение по воде; божественный слух (*dibba-sota*); знание умов других существ (*ceto-pariya-ñāna*);

- знание прошлых жизней (*pubbe-nivāsanussati*); божественное око (*dibba-cakkhu*), или знание о камме других существ; знание прекращения влечений (*asavakkhaya*). Если сравнивать с более «популярными» тремя высшими знаниями (божественный слух, божественное око и знание прекращения влечений), шесть более обширны, однако ими обладают не все араханты.
- 199 Вимала Тхери была куртизанкой, которая однажды хотела соблазнить проходившего мимо Махамоггаллану Тхеру, а в ответ получила наставление о нечистой и зыбкой природе тела. Она испытала острое чувство стыда, достигла озарения и присоединилась к Сангхе монахинь.
- 200 На пали используется слово *тауа*, то есть «иллюзия».
- 201 Следует понимать, что причиной Пробуждения Сиха Тхери (и нескольких других монахов и монахинь, о которых идёт речь в гатхах) стала вовсе не попытка суицида, а развитые ранее благие качества и хорошая камма, которые позволили в один момент избавиться от всех омрачений.
- 202 Это означает достижение Вступления в поток.
- 203 Речь о санкхарах, в природу которых прозревает ученик/-ца Будды и которые представляются ему/ей в свете трёх характеристик — непостоянства, страдательности и безличности.
- 204 Комментарий говорит, что у Соны Тхери было много детей, о которых она заботилась, однако в старости все они стали плохо с ней обращаться, и она решила уйти из дома. После присоединения к женской Сангхе она решила быть

- предельно усердной, потому что из-за преклонных лет и слабого здоровья у неё оставалось совсем мало времени.
- 205 Ниббана разделяется на две категории: Ниббана «с остатком» (*sauvādisesa*), когда у араханта остаются тело и ум, порождённые прошлой каммой, и Ниббана «без остатка» (*anuvādisesa*), наступающая после смерти араханта. Тхери говорит, что у неё по-прежнему присутствуют совокупности, однако вырван корень, который мог бы породить новые.
- 206 Бхадда была одной из немногих индийских женщин-аскетов, которые вступали в публичные философские дебаты. Она была красноречивой и имела успех, до тех пор пока не вызвала на дебаты Сарипутту Тхеру и не проиграла ему.
- 207 История Патачары Тхери — одна из самых душераздирающих во всей Типитаке. Её муж умер от укуса ядовитой змеи, оба её сына погибли — одного унёс коршун, а второй утонул в реке; её родители погибли при пожаре. Всё это случилось в течение короткого времени, и Патачара, потеряв рассудок, выбросила свою одежду и стала бродить по городу, спрашивая каждого встречного, не видели ли они её близких. Люди в ужасе шарахались от неё, но, на своё счастье, она встретила Будду, который сумел привести её в чувство при помощи мудрых наставлений. Она присоединилась к Сангхе и сумела достичь Пробуждения посредством прозрения в природу текущей воды (аналогия с человеческой жизнью). Впоследствии Патачара Тхери стала

одной из главных тхери и обучала многих других женщин.

208 Инда в индийской культуре — царь богов.

209 Комментарий рассказывает, что Чанда Тхери была из разорившегося брахманского рода, который к тому же поразила смертельная болезнь, и она оказалась на улице и была вынуждена бродить по домам, прося подаяния. Когда она увидела Патачару Тхери, то первым делом обратила внимание на то, как охотно люди подавали ей пищу, и захотела присоединиться к Сангхе из материальных соображений, но впоследствии достигла Пробуждения.

210 Говорится, что эти пятьсот тхери имели схожую судьбу: в прошлом они накопили благую камму, а в этих жизнях были отданы замуж и столкнулись с потерей ребёнка (детей), что ввергло их в состояние скорби. Уйдя в монашество, они получили данное наставление от Патачары Тхери, которое устранило их горе.

211 Суджата Тхери, согласно комментарию, была супругой богатого торговца, с которым они жили в мире и гармонии. Однажды она пришла на праздник (украшенная, в сопровождении служанок) и там встретила Будду, который при помощи своего ясновидения распознал в ней огромный потенциал и прямо в парке преподал ей наставления самого высокого уровня, после чего она достигла арахантства. Так как арахант не может вести жизнь домохозяина, она вернулась к супругу и, получив его разрешение, присоединилась к Сангхе.

212 То есть стала сакадагами, Однажды возвращающейся.

- 213 Махападжапати Готами была тётёй Будды, которая вырастила его после смерти его матери. Она и ещё пятьсот приведённых ею женщин стали первыми бхиккхуни, что произошло после знаменитой истории с тройной просьбой Ананды Тхеры к Будде об утверждении женской монашеской общины. Махападжапати Тхери неоднократно упоминается в Типитаке как обладающая великой мудростью.
- 214 Ваддха Тхера был приведён в монашество своей матерью, которая первая достигла Пробуждения, а затем наставляла сына, увидев, что тот прикладывает недостаточно усилий. В результате её наставлений он тоже стал арахантом.
- 215 История Кисы Готами — одна из самых известных в Палийском каноне. Это была девушка из бедной семьи, которую выдали замуж, после чего она родила сына — предмет гордости для женщин того времени. Тем временем ребёнок умер, что обрушило все чаяния Кисы Готами и почти свело её с ума: отказавшись принимать смерть единственного сына, она ходила по домам с его мёртвым телом, ища того, кто сможет «оживить» его. Молва привела её к Будде, который не стал (что вновь демонстрирует гениальность его как учителя) говорить ей о невозможности оживления мертвецов, но согласился исполнить её требование, если она принесёт ему горчичное семечко из того дома, где никто никогда не умирал. Приободрённая, Киса Готами стала с новыми силами обходить семьи вокруг, однако так и не нашла ни одной, которая бы

не столкнулась с потерей близких. Ближе к вечеру женщина осознала неумолимость смерти, согласилась похоронить сына и вступила в монашескую Сангху, впоследствии став арахантом.

216 На пали — *dukkho itthi-bhāvo*.

217 Примечательно, что роды и спустя 2600 лет остаются не только мучительным, но и очень опасным процессом: по оценкам Всемирной организации здравоохранения, более восьмисот женщин ежедневно умирают из-за осложнений, связанных с беременностью и родами.

218 Здесь вновь речь идёт о Патачаре Тхери.

219 Уппалаванна Тхери была самой способной среди бхиккхуни в плане обладания чудесными силами.

220 Рождение Амбапали Тхери, согласно тхеравадинской традиции, было «спонтанным», то есть не из чрева, а у корней мангового дерева. Она была куртизанкой «высокого уровня», то есть жила за счёт очень богатых мужчин. Однажды она встретила Будду и обрела глубокую веру в Учение, подарила большой участок земли для монастыря и со временем стала бхиккхуни и достигла Пробуждения. Данная гатха повествует о непростом для женщин пути принятия своей старости и увядания былой красоты.

221 Запрет на создание запасов пищи присутствует в Винае.

222 Это несколько запутанная история, в которой Упака был сначала аскетом из секты дживаков, но затем остановился в доме своего последо-

ватсая — охотника и влюбился в его красивую дочь (Чану). Через какое-то время он встретил Будду и решил стать уже буддийским монахом, чем разбил сердце своей возлюбленной (в стихе они указаны как муж с женой, но не все источники это подтверждают). Взяв маленького сына, она последовала за своим мужем и впоследствии тоже стала монахиней. Судьба сына при этом неизвестна.

- 223 Комментарий поясняет, что брахман Суджата потерял сына и очень страдал из-за этого. Его скорбь смогла развеять встретившаяся ему монахиня Васеттхи, которая в своё время также пережила смерть любимых детей. Став монахом, Суджата быстро достиг арахантства, весть о чём дошла до его дочери Сундари, пожелавшей также отречься от мира. Сначала её мать, брахманка, была против, но в итоге уступила (вместе с дочерью в монашество ушёл даже их возничий), и та тоже в течение короткого времени смогла достичь Пробуждения.
- 224 Довольно интересное место в стихотворении, потому что обычно львиный рык издавал только сам Будда. Скорее всего, это единственное упоминание в Типитаке, что это также может делать и бхиккхуни. Далее Сундари Тхери говорит о себе как о рождённой из уст Будды, что тоже является уникальным примером для монахини.
- 225 Эти строфы Субха Тхери произнесла, обращаясь к своим родственникам, которые пришли в монастырь с целью вернуть её обратно домой, прельстив разнообразными удовольствиями мирской жизни. В ответ она упрёкнула

их в недостойном поведении и рассказал об опасности чувственных услад, что заставил их устыдиться и самим последовать данным наставлениям.

- 226 «Магандия, подобно этому чувственные услады в прошлом приносили боль своим прикосновением, горячие и обжигающие; в будущем они станут приносить боль своим прикосновением, горячие и обжигающие; и сейчас они приносят боль своим прикосновением, горячие и обжигающие. Однако у людей, которые не свободны от вожделения чувственных услад, поглощены жаждой к чувственным усладам, сгорают в лихорадке чувственных услад, способность воспринимать нарушена; так что, хотя чувственные услады и приносят боль своим прикосновением, они ошибочно воспринимают их как приятные» (МН 75).
- 227 Комментарий говорит, что Субха Тхери в момент этой встречи была анагамином, то есть человеком, полностью потерявшим страсть к чувственным удовольствиям. Молодой повеса был из семьи зажиточного торговца.
- 228 Божество женского пола, обитающее в лесах и предгорьях Гималаев, с телом, как у птицы, и человеческой головой.
- 229 Имеется в виду, что тело / форма лишены сущности и представляют собой комбинацию четырёх стихий.
- 230 Чувственные услады Благословенный сравнивал с ямой с раскалёнными углями: «Они приносят много страданий и отчаяния, в то время как опасности в них ещё больше» (МН 54).

- 231 Речь о том, что все санкхары имеют природу страдания.
- 232 Сам Будда использовал похожую аналогию с коровой; Аччария Буддагоса комментировал её так: «Для мясника, который ведёт корову на бойню, привязывает ее, укладывает на землю и забивает, идея „коровы“ существует до тех пор, пока он не освежевал и не расчленил тушу. После этого идея „коровы“ исчезает для него и её место занимает идея „мяса“. Точно так же для обычного человека идеи „человека“ и „личности“ не исчезают, пока он не разобрал это тело (внутренне) на куски и не проанализировал его часть за частью. Когда он сводит своё тело к стихиям, идея о „существовании“ уходит из него и его ум упрочивается в сосредоточении на стихиях».
- 233 Комментарий толкует это так, что обычный человек воспринимает всё как реально существующее и длящееся, а не в терминах Дхаммы, то есть для него, например, есть мужчина, есть женщина, а не совокупность возникающих и исчезающих феноменов ума и материи, лишённых сущности.
- 234 Она стала арахантом. Арахант не производит новой каммы, однако ещё может испытывать некие результаты от старой каммы. После его смерти вся прошлая камма теряет свою силу и не может дать результатов в виде нового рождения.
- 235 Комментарий утверждает, что принцесса в момент этого диалога ещё не достигла ни одной из стадий Пробуждения, однако имела сильную

- веру в Дхамму и собиралась вместе с подругами стать монахиней.
- 236 См. прим. 228.
- 237 Упоминание десяти сил (*dasa-bala*) довольно необычно в контексте, когда речь идёт не о самом Будде. Они включают его способность знать результаты прошлой, настоящей и будущей каммы существ, видеть мир с его множеством элементов, распознавать различные устремления живых существ и т. д.
- 238 В оригинале — «лишено сердцевины, сути». В АН 7.74 Будда говорит: «Подобно тому как, когда с неба льётся крупными каплями дождь, возникающие на воде пузыри быстро лопаются и не существуют более — так и человеческая жизнь — словно водяной пузырь, брахманы».
- 239 Дхмп. 41: «Увы! Недолго это тело проживает на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан» (пер. В. Топорова).
- 240 В буддизме считается, что после пребывания в небесных мирах вполне возможно прямоком попасть в миры низшие после истечения срока благой каммы. От участи этой спасены только благородные личности.
- 241 Согласно комментарию, акт отрезания волос был символичен и привёл её к прозрению в непривлекательность тела.
- 242 Мандхата был великим монархом, описанным в одной из джатак, который имел чудесные способности и огромную власть повсюду, однако ему всего было мало, и он пожелал править и на небесах, а затем убить самого Сакку.

- В итоге спустя много лет, умирая, он признался в своей непомерной жажде.
- 243 «Домохозяин, вообрази себе человека, который видит во сне прекрасные парки, прекрасные рощи, прекрасные луга и озёра, а проснувшись, обнаруживает, что ничего этого на самом деле нет. Домохозяин, так же и благородный ученик рассуждает таким образом: „Чувственные улады Благословенный сравнивал со сном; они приносят много страданий и отчаяния, в то время как опасности в них ещё больше“» (МН 54).
- 244 «Потоков слёз, пролитых вами за то время, что вы скитались и блуждали в этом долгом странствии, рыдая и причитая из-за встречи с тем, что нежеланно, и разлуки с тем, что желанно, больше, чем воды в четырёх великих океанах. В течение долгого времени, монахи, вы переживали смерть матери; переживали это, рыдая и причитая из-за встречи с тем, что нежеланно, и разлуки с тем, что желанно, и потоков пролитых вами слёз больше, чем воды в четырёх великих океанах» (СН 15.3).
- 245 Видимо, имеется в виду «Чанда-сутта» (МН 67), где есть такие строфы: «Есть, о монахи, четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто входит в воду: опасность от волн, от крокодилов, от водоворотов, от акул. Так же, о монахи, есть четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто последовал этому учению, приняв постриг и ушёл из дома в скитания».